

Хаким Бей.

Публицистика

+ "Маленькие радиопроповеди"

- Маленькие радиопроповеди (Иммедиатизм)
- Пост-анархистская анархия
- Информационное чародейство: оккультное наступление на социальные институты
- Коммюнике Ассоциации Онтологического Анархизма
- Авангардное садоводство
- За и против интерпретации
- Миллениум
- Новый нигилизм
- Онтологический статус «теории заговора»
- Интервью Саше Мильцову 29.04.05
- Утопический блюз
- Хаос
- Хаотическая лингвистика
- Чёрная корона и чёрная роза
- Ислам и евгеника
- Блеф устойчивого развития
- Обучение Кали-Юге
- Порнография
- Кредо средств массовой информации для fin de siecle
- Постоянные автономные зоны

Маленькие радиопророки (Иммедиатизм)

1993, источник: [здесь](#)

Онтологическая анархия на пальцах

Поскольку абсолютно никакое высказывание не может в действительности хоть сколько-нибудь отражать «подлинную природу вещей», в основе любых проектов (как говорил Ницше) неизбежно лежит «ничто». И в то же время должен быть некий проект — хотя бы лишь потому, что и нам самим не хотелось бы, чтобы нас категоризировали как «ничто». Мы всегда делаем что-нибудь из ничего — то же Восстание, бунт против всего, заявляющего: «Природа вещей заключается в том-то и том-то». Мы не согласны, мы противоестественны, мы меньше чем ничто в глазах Закона — будь то Божественный, Естественный или Социальный закон. Отталкиваясь от ничто, мы воображаем себе ценности, и этот акт созидания определяет нашу жизнь.

Размышляя о ничто, мы замечаем, что, хотя оно и не поддаётся определению, парадоксальным образом мы способны кое-что о нём сказать (пусть даже метафорически) — судя по всему, оно есть «хаос». Идёт ли речь о древних мифах или о «новой науке», хаос находится в самом сердце нашего проекта. Великий змей (Тиамат, Питон, Левиафан), первобытный хаос Гесиода, простирает свою власть над обширным и протяжённым пространством воображения палеолита — возникший задолго до любых царей, волхвов, агентов Порядка, Истории, Иерархии, Закона. «Ничто» начинает принимать облик — гладкое, лишённое выразительности яйцо, или тыква, — с чертами г-на Хуньдуня; это хаос как становление, хаос как избыточность, щедрое излияние ничто во что-то.

В сущности, хаос — это жизнь. Вся кутерьма, всё буйство цвета, вся эта протоплазменная спешка, всякое движение — хаос. Исходя из этого, олицетворениями Порядка являются смерть, прекращение, кристаллизация, гнетущая тишина.

Многие годы анархисты твердили, что «анархия не означает хаос». Похоже, даже и сам анархизм испытывает потребность в некоем естественном законе, внутренней и исконной прикладной этике, энтелехии или оправдании своего бытия. (В этом смысле он ненамного превзошёл христиан — по крайней мере, так считал Ницше, утверждавший, что их

радикализм зависит лишь от степени их ресентимента). Анархизм заявляет, что «государство следовало бы упразднить», лишь чтобы выстроить на его месте новую и более радикальную форму порядка. Однако Онтологическая анархия отвечает на это, что в хаосе не может «существовать» никакое «государство» и что любые онтологические притязания являются ложными, если их объектом не является хаос (который, тем не менее, не определён), а следовательно, руководство невозможно ни в каком виде. «Хаос никогда не умирал». Любая форма «порядка», если она не является плодом нашего воображения, воплощаемым в непосредственной и спонтанной реализации голой «экзистенциальной свободы» в наших собственных карнавальных намерениях, иллюзорна.

Разумеется, иллюзии могут быть смертельно опасны. Образы наказания не дают Порядку спать по ночам. Онтологическая анархия призывает нас пробудиться и стать хозяевами собственных будней — пусть даже в тени Государства, этого дремлющего, изъеденного оспой великана, сны которого о Порядке расползаются метастазами в спазмах зрелищного насилия.

Похоже, единственной значительной силой, на которую мы могли бы опереться в своём творческом акте, является «влечение» или «Страстное влечение», как называл его Шарль Фурье. Ровно в той же мере, в какой Хаос и Эрос (вместе с Землёй и Древней ночью) являются первыми богами в теогонии Гесиода, никакая человеческая деятельность не может осуществляться за пределами их космогенного горизонта притяжения.

Логика Страсти вынуждает нас прийти к заключению, что никакие «государства» невозможны и любые «формы порядка» иллюзорны, за исключением тех из них, что основаны на влечении. Нет бытия, но лишь становление — а посему и единственным жизнеспособным принципом управления является любовь, то есть «взаимное притяжение». Цивилизация лишь скрывает от самой себя — пряча за тонкой и статичной ширмой рациональности — истину, которая заключается в том, что ценности создаются лишь силой вождения. А значит, ценности Цивилизации основаны на его отрицании. Капитализм, на словах производящий Порядок посредством воспроизводства желания, по сути, восходит к производству скудости и воспроизводит себя только через неудовлетворённость, отрицание и отчуждение. По мере распада Спектакля (похожего на глюки виртуальной реальности) обнажаются безмясные кости Товара. Подобно зачарованным путешественникам из ирландских народных сказок, попадающим на потусторонний пир со сверхъестественными яствами, на рассвете мы осоловело продираем глаза, и у нас во рту стоит привкус пепла.

Индивид или Группа — Я или Другой — ложная дихотомия, распространяемая через Средства Коммуникации Контроля и, в первую очередь, посредством языка. Гермес — Ангел — средство коммуникации и есть Посланник. Все формы коммуникативности должны быть ангельскими — да и сам язык должен быть ангельским — проявлением божественного хаоса. Но вместо этого он заражён самовоспроизводящимся вирусом, бесконечным кристаллом разделения, грамматикой, мешающей нам раз и навсегда прикончить Папашу-никто.

Я и Другой взаимно обогащают и дополняют друг друга. Не существует Абсолютной категории, Эго или Общества — лишь хаотически сложная паутина отношений, а также

«Странный аттрактор», сама притягательность, порождающая отголоски и узоры в потоке становления.

В этом бурлении рождаются ценности — ценности, основанные на изобилии, а не скудости, на даре, а не товаре, равно как и на синергетическом и взаимном расширении возможностей индивида и группы, — ценности, во всех отношениях противоположные морали и этике Цивилизации, ибо они касаются не смерти, а жизни.

«Свобода есть психокинетическая способность» — это не абстрактное утверждение. Процесс, а не «состояние», — движение, а не форма управления. Загробный мир воплощает в себе идеальный Порядок, от которого в страхе съёживается всё органическое и одушевлённое, — этим и объясняется, почему Цивилизация Соскальзывания столь зачарована идеей лёгкой смерти. Начиная с Вавилона и Египта и заканчивая XX столетием, архитектура Власти практически неотличима от могильных холмов некрополя. Номадизм, равно как и Восстание, могут служить для нас моделями «обыденной жизни» в контексте Онтологической анархии. Кристаллизованные образчики Цивилизации и Революции перестают казаться нам привлекательными после того, как они были явлены нам в формах Войны, обыгрывающих всё тот же избитый вавилонский Трюк, миф о Скудости. Подобно бедуину, мы выбираем архитектуру из шкур — и землю, на которой всегда можно затеряться. Подобно Коммуне, мы выбираем текучее пространство карнавала и риска вместо стылой воды Пирамиды (или Темницы) Работы, экономики Потерянного времени, гримасы ностальгии с жадно разинутой пастью в предвкушении синтетического будущего.

Утопическая поэтика помогает нам осознать наши влечения. Зеркало Утопии становится для нас чем-то вроде критической теории, на которую не может надеяться никакая практическая политика или систематическая философия, взятая сама по себе. Однако у нас нет времени углубляться в теорию, которая ограничивается лишь размышлениями об утопии как о «нигде́нном пространстве» и причитаниями о «невозможности желания». Проникновение чудесного в каждодневную жизнь — создание «ситуаций» — относится к «материально-телесному принципу», воображению и живой ткани настоящего момента.

Человек, реализующий эту непосредственность, способен в известной степени расширить рамки наслаждения, для чего достаточно лишь стряхнуть с себя гипноз «Призраков» (как Штирнер именовал все абстракции); ещё большего можно добиться «преступным путём»; и даже ещё большего — удвоением Личности в сексуальности. От штирнеровского «Союза эгоистов» мы восходим к ницшевской школе «Свободных духом» и далее к «Сериям по страсти» Фурье, удваиваясь и учетверяясь по мере того, как Другой множится в эросе группы.

Деятельность такой группы однажды придёт на смену Искусству, как хорошо известно всем нам, несчастным выродкам постмодерна. Безвозмездное творчество, или «игра», равно как и обмен дарами, приведут к угасанию Искусства как формы товарного воспроизводства. «Эпистемология дадаизма» проникновенно сотрёт все границы, чтобы возродить духовный палеолит, когда жизнь нельзя будет отделить от красоты. Можно сказать, что, хотя на протяжении всей Высокой истории Искусство было закамуфлировано и подавлено, оно никогда полностью не исчезало из нашей жизни. Лишь один излюбленный пример: работа

«пчёлка-швей»[1] — создание спонтанных узоров участницами неиерархического творческого коллектива, работающими над уникальным, практичным и эстетичным предметом, который, как правило, вручался в качестве подарка кому-нибудь из близких им людей.

Цель организации, построенной на принципах имедиатизма, можно в двух словах описать как расширение круга. Чем больше будет та часть жизни, которую мне удастся вырвать из цикла Работа/Потребление/Смерть, чтобы вернуть/направить её в русло «пчелиной» экономики, тем больше у меня будет возможностей для того, чтобы испытывать наслаждение. Бросая подобный вызов вампирским энергиям институций, человек подвергает себя известному риску. Однако и сам по себе риск является частью непосредственного опыта наслаждения, что обнаруживается в каждой вспышке мятежа — в каждом моменте подъёма — интенсивных и безрассудных наслаждений: мы называем это карнавальным аспектом Бунта или бунтарской сущностью Карнавала.

Однако между одиноким пробуждением личности и синергетическим анамнезом бунтарской коллективности обнаруживается широкий спектр социальных форм, обладающих некоторым потенциалом с точки зрения нашего «проекта». Некоторые из них длятся не дольше, чем случайная встреча между двумя родственными душами, желающими обогатить друг друга во время краткого и загадочного randevu; другие похожи на праздники, а третьи — на пиратские утопии. Похоже, все они весьма скоротечны — ну и что с того? Религии и Государства всячески демонстрируют свою незыблемость — а это, как мы понимаем, обычный жаргон... ведь на самом-то деле они подразумевают смерть.

Нам не требуются «Революционные» институты: мы продолжим дрейфовать и «После Революции», избегая внезапного склероза политики отщепенца и вместо этого стремясь ко всему чрезмерному, странному — к тому, что стало для нас единственной приемлемой нормой. А если сегодня мы готовы поддерживать какие-то «революционные» движения или вступать в их ряды, можно не сомневаться, что мы же первыми их и «предадим», как только они «придут к власти». В конечном счёте, власть должна принадлежать только нам — а не каким-то ебучим партиям в авангарде.

В книге о Временных автономных зонах обсуждалась проблема «воли к власти как исчезновению» и при этом подчёркивалась ускользающая природа и двусмысленность самого момента «свободы». В настоящем цикле публикаций (впервые озвученных в формате маленьких радиопроповедей в эфире нью-йоркской коротковолновой радиостанции, а позднее изданных под тем же названием анархистским Либертарианским книжным клубом) фокус смещается к проблеме праксиса выхода из тени, а значит, и к проблеме организации. Попытка сформулировать теорию эстетики группы — нежеле социологию или *politique* — в данной работе очерчена скорее в контексте игры свободных духом, а не в качестве свода правил для какой-нибудь очередной институции. Группе как посреднику или механизму отчуждения противопоставляется группа имедиатистов, посвятивших себя преодолению разобщённости. Эту книгу можно считать мысленным экспериментом по устройению карнавальной общины — на большее она не претендует. В первую очередь, она не претендует на знание о том, «что нужно делать», не разделяя этого заблуждения начинающих комиссаров и гуру. Она не нуждается в последователях — куда лучше было бы

её сжечь: даёшь заклятие вместо подражания! По сути, она практически не заинтересована в каком-либо «диалоге», и с её помощью мне бы хотелось привлечь скорее единомышленников-заговорщиков, нежели читателей. Она многословна, но лишь потому, что болтовня по духу ближе к карнавалу, чем к работе.

И лишь опьянение стоит между этой книгой и... тишиной.

Хахим Бей (Весеннее равноденствие 1993 г.)

Иммедиатизм

1. Весь опыт опосредован механизмами чувственного восприятия, мыслительных процессов, языка и т. п. — и, конечно, все искусство состоит из дальнейшего опосредования искусства.

2. Однако опосредование происходит постепенно. Некоторые виды опыта (запах, вкус, сексуальное наслаждение и т. п.) менее опосредованы, чем другие (чтение книг, наблюдение в телескоп, слушание записи). Некоторые средства коммуникации, такие как танец, театр, музыкальные и бардовские представления, менее опосредованы, чем TV, CD, виртуальная реальность. Даже в числе средств, называемых обычно средствами массовой коммуникации, одни более, а другие менее опосредованы — в зависимости от интенсивности воображаемого соучастия, которого они требуют. Печать и радио требуют больше воображения, кино — меньше, телевидение — еще меньше, а виртуальная реальность — пока меньше всего.

3. Для искусства вмешательство Капитала всегда означает большую степень опосредованности. Сказать, что искусство превращается в товар, значит констатировать, что произошло опосредование, или вступление третьего, и что это вступление способствует расколу, а раскол, в свою очередь — отчуждению. Импровизированная музыка, которую исполняют дома в дружеском кругу, менее «отчуждена», нежели та, которую играют в «Метрополитен» или же с помощью средств массовой коммуникации (будь это PBS, MTV или walkman). В общем-то, можно привести аргумент, что музыка, распространяемая бесплатно или за плату на кассетах по почте, МЕНЕЕ отчуждена, чем живая музыка, которую играют на каком-нибудь грандиозном спектакле «Мы — это мир» или в ночном клубе Лас-Вегаса, несмотря на то, что последняя — это живая музыка, исполняемая для живой аудитории (по крайней мере, так представляется), в то время как первая — это записи, потребляемые далеким и даже анонимным слушателем.

4. Тенденция хай-тек и тенденция позднего капитализма гонят искусство все дальше и дальше, к крайним формам опосредованности. Обе они углубляют пропасть между производством и потреблением искусства и, соответственно, отчуждение.

5. С исчезновением «мейнстрима» и, в связи с этим, авангарда в искусстве было отмечено, что все более или менее продвинутое и насыщенное виды опыта в искусстве почти немедленно были компенсированы средствами массовой коммуникации и, следовательно, обращены в такую же труху, как и прочая труха в призрачном мире товаров.

«Труха» в том значении термина, которое было придано ему, скажем, в Балтиморе в 70-е годы, может доставлять удовольствие, обусловленное ироническим приятием непреднамеренной фольк-культуры, которая окружает и пронизывает самые бессознательные сферы поп-разума — в свою очередь, являющегося продуктом Спектакля. «Труха» когда-то была свежей идеей с радикальным потенциалом. Теперь, однако, на развалинах постмодернизма, она наконец начала смердеть. Ироническая фривольность в конце концов становится омерзительной. Можно ли сейчас быть серьезным, но не трезвым? [Примечание: Новая трезвость — это, конечно же, обратная сторона Новой фривольности. Пижонское неопуританство несет в себе оттенок реакции точно так же, как постмодернистская философская ирония и отчаяние, которые к этой реакции привели. Общество очищения — это то же самое, что общество кутежа. После «12 ступеней» тенденциозного отрицания 90-х, все, что остается на 13-й ступени, — это виселица. Ирония, может быть, стала скучна, но уродование самих себя всегда было ничем иным, как пропастью. Долой фривольность — долой трезвость!]

Все тонкое и прекрасное, от сюрреализма до брейк-данса, в конце концов становится пищей для рекламы мистера Мак-Гроба; пятнадцатью минутами позже вся магия из нее высосана и само искусство оказывается мертвым, как сухой краб. Медиа-волшебники — которые, если не постмодернисты, то никто, — уже начали кормиться жизненной силой «трухи», как стервятники, пережевывающие и переваривающие одну и ту же падаль в непотребном экстазе самореференции. Какая дорога ведет в *Egress*?[2]

6. Настоящее искусство — игра, а игра — один из самых непосредственных видов переживания. От тех, кто знает наслаждение игрой, нельзя ожидать, что они так просто откажутся от него, просто чтобы выиграть политическое очко (как в «Забастовке искусства» или искусстве «подавления без реализации» и т. п.). Искусство будет продолжаться точно так же, как вы будете продолжать дышать, есть и тряхаться.

7. Тем не менее, нам отвратительна идея полного отчуждения искусства, особенно в «средствах коммуникации», в коммерческом книгоиздательстве и галереях, в индустрии звукозаписи и пр. И нас иногда беспокоит даже, насколько наша собственная погруженность в такие виды искусства, как литература, живопись или музыка, ввергает нас в мерзкую абстракцию, отлучение от непосредственного переживания. Нам не хватает прямодушия игры (в первую очередь это естественное удовольствие от творения искусства); нам не хватает запаха, вкуса, осязания, ощущения тел в движении.

8. Компьютеры, видео, радио, печатные станки, синтезаторы, факсы, магнитофоны, ксероксы — это все хорошие игрушки, но они страшны тем, что к ним привыкаешь. В конце концов, мы понимаем, что не можем «протянуть руку и потрогать» того, кто не присутствует здесь во плоти. Эти средства могут быть полезны нашему искусству — но они не должны завладевать нами, так же как не должны становиться между нами, посредничать или отделять нас от нашего животного/живого «я». Мы хотим управлять нашими средствами коммуникации, а не быть управляемыми ими. И нам хочется вспомнить некое духовное боевое искусство, в котором упор делается на сознании того, что наше тело — наименее опосредованное из всех средств коммуникации.

9. Таким образом, как художники и «работники культуры», которые не имеют намерения оставить деятельность в области избранных нами средств коммуникации, мы, тем не менее, требуем от себя острого осознания иммедиатизма, так же как овладения некоторыми прямыми способами применения этого осознания в игре — непосредственно в данный момент и непосредственно в смысле без посредников.

10. Прекрасно понимая, что любой художественный «манифест», написанный сегодня, может только смердеть той же горькой иронией, которой он пытается противостоять, мы, тем не менее, без колебаний провозглашаем (недолго думая), что основываем «движение» — иммедиатизм. Мы чувствуем, что имеем на это полное право, потому что намереваемся следовать иммедиатизму тайно, чтобы избежать какого-либо осквернения опосредованием. Публично мы будем продолжать сотрудничать с издательствами, радио, прессой, музыкальными учреждениями и т. п., но для самих себя будем создавать нечто другое, то, чем можно бесплатно делиться, но нельзя пассивно потреблять, то, что смогут открыто обсуждать, но никогда не смогут понять агенты отчуждения, то, что не имеет коммерческого потенциала, но обладает ценностью, а не ценой, нечто оккультное, но сотканное исключительно из нитей нашей повседневной жизни.

11. Иммедиатизм — это не движение в смысле эстетической программы. Он зависит от ситуации, а не от стиля или содержания, не от идеи и школы. Он может принимать форму любой творческой игры, в которую могут играть двое или более людей, играть сами по себе и сами для себя, лицом к лицу и вместе. В этом отношении он похож на игру, и поэтому к нему могут применяться определенные правила.

12. Все зрители должны быть также актерами. Все расходы должны быть разделены, и все продукты, которые могут возникнуть в результате игры, должны делить между собой исключительно ее участники (которые могут оставлять их себе или дарить другим). Лучшие игры не будут или почти не будут задействовать очевидных форм опосредования, таких как фотография, запись, печать и т. п., зато станут применять непосредственные техники, включающие физическое присутствие, непосредственное общение и чувства.

13. Очевидная модель иммедиатизма — это вечеринка. Так, хорошая еда может стать хорошим проектом движения иммедиатизма, если будет приготовлена и съедена всеми присутствующими. Древние китайцы и японцы туманными осенними днями устраивали празднества запаха, на которые каждый гость приносил самодельное благовоние или духи. На праздниках буриме неудачное двустушиие влекло за собой штраф в виде бокала вина. Ватные пчелы, живые картины, изысканные трупы, ритуалы-попойки, подобные «музейной оргии» Фурье (эротические костюмы, позы и шутки), живая музыка и танец — в прошлом можно отыскать подходящие формы, а воображение подскажет новые.

14. Разница между, к примеру, лоскутной пчелой XIX века и лоскутной пчелой иммедиатизма заключается в осознании практики иммедиатизма как реакции на беды отчуждения и «смерти искусства».

15. Мэйл-арт 70-х и сцена 80-х были попытками выйти за пределы опосредованности искусства как товара и могут считаться предками иммедиатизма. Однако они сохранили в

себе опосредованные структуры почтовой коммуникации ксерографии и поэтому не сумели преодолеть изоляцию игроков, которые остались в самом буквальном смысле слова вне досягаемости. Мы хотим привести мотивы и открытия этих прошлых движений к логическому завершению в искусстве, которое отменяет всяческое опосредование и отчуждение хотя бы в той степени, какую позволяет состояние человека.

16. Более того, имедиатизм не обречен на бессилие в мире просто потому, что он избегает публичности базарной площади. «Поэтический терроризм» и «искусство-саботаж» — вполне логические проявления имедиатизма.

Наконец, мы ожидаем, что практика имедиатизма высвободит в нас огромные запасы забытых сил, которые не только преобразят наши жизни в тайной реализации неопосредованной игры, но и неизбежно вскипят, взорвутся и пронизуют *все прочее* искусство, которое мы создаем, более публичное и опосредованное искусство. И мы надеемся, что они будут сближаться и сближаться, и наконец сольются воедино.

ТОНГ

“Сила мандаринов — в законах,
сила народа — в тайных обществах.

— Китайская поговорка

Прошлой зимой я прочитал книгу о китайских тонгах («Примитивные революционеры Китая: исследование тайных обществ конца XIX века». Фей-Лун Дэвис, Гонолулу, 1971-1977), может быть, первую, написанную человеком, который не работал в Британской секретной службе (на самом деле она была китайской социалисткой и умерла молодой — это ее единственная книга) — и впервые понял, *почему* я всегда симпатизировал тонгам: не только за их романтизм, эlegantный декадентский ориентальный декор, это само собой, но также за форму, структуру, самую суть дела.

Несколько позже из прекрасного интервью с Уильямом Берроузом в журнале «Homocore» я узнал, что он также очарован тонгами и считает их идеальной моделью организации изгоев, особенно в нашу эпоху говенного морализма и истерии. Я бы с ним согласился и распространил эту рекомендацию на *все* маргинальные группы, особенно те, чья любовь к жизни связана с беззаконием (сексуальные еретики, бунтари и пр.) или крайней эксцентричностью (нудисты, язычники, поставангардистские художники, и т. д., и т. п.).

Организацию тонгов, пожалуй, можно определить как общество взаимной выгоды для людей с общими интересами, притом незаконными или опасно маргинальными: необходимость в сохранении тайны. Многие китайские тонги вертелись вокруг контрабанды и ухода от налогов, или же тайного управления некоторыми видами торговли (в противовес государственному управлению), или же бунтарски-политических или религиозных задач (например, таких, как свержение маньчжуров — некоторые тонги сотрудничали с

анархистами в революции 1911 года). Общей целью тонгов было собирать и вкладывать членские и вступительные взносы в страховые фонды в пользу бедняков, безработных, вдов и сирот погибших членов организации, на похороны и т. п. В эпоху, подобную нашей, когда бедняки оказались между ракообразной Сциллой индустрии страхования и быстро испаряющейся Харибдой социальных служб и здравоохранения, эта цель тайного общества может вновь обрести свое обаяние. (По этому принципу организовывались масонские ложи, а также нелегальные профсоюзы и «рыцарские ордены» мастеровых и ремесленников.) Другой универсальной целью таких обществ были, конечно, радости совместной жизни, в частности, пирушки — но даже это совершенно безвредное удовольствие может приобрести оттенок бунтарства. В различных французских революциях, например, банкетные клубы нередко принимали роль радикальных организаций в то время, когда все прочие формы публичных собраний были запрещены.

Недавно я разговаривал о тонгах с П. М., автором «боло-боло». Я утверждал, что тайные общества снова становятся значимой альтернативой для групп, стремящихся к автономии и личной реализации. Он не согласился, но не потому (как я ожидал), что тайность несет в себе оттенок «элитарности». Он считал, что такие формы организации лучше всего действуют в уже крепко спаянных группах с прочными экономическими, регионально-этническими или религиозными связями — а на современной маргинальной сцене этих условий нет или они находятся в зачаточном состоянии. Вместо этого он предложил создавать многоцелевые районные центры, с тем чтобы расходы на них делили различные группы с особыми интересами и объединения мелких предпринимателей (кустарные мастерские, кофейни, зрелищные учреждения и т. п.). Для таких крупных центров потребуется официальный статус (государственное признание), но, скорее всего, они станут средоточием всевозможной неофициальной деятельности — черных рынков, временных штаб-квартир протеста или бунтарских акций, неконтролируемого «досуга» и ненаблюдаемого сожительства и т. п.

В ответ на критику П. М. я не отказался от своей идеи о том, что такое современный тонг, но слегка изменил ее. Жестко иерархическая структура традиционного тонга определенно не сработает, хотя некоторые из ее форм можно сохранить и использовать точно так же, как используются титулы и почести в наших «свободных религиях» (или «странных религиях», «шуточных религиях», анархо-неоязыческих культах и т. п.). Неиерархическая организация нам симпатична, но симпатичны нам также обряд, ладан, прелестный антураж оккультных орденов — «Эстетика тонг», как можно было бы это назвать, — так почему бы нам одновременно и на паровозике не покататься, и пирожок не съесть (особенно если это марокканский маджун или ромовая баба — что-то почти *запрещенное!*) Помимо всего прочего, тонг должен быть произведением искусства.

Жесткое традиционное правило соблюдения тайны также следует изменить. В настоящее время все, что избегает идиотского взгляда рекламы, на самом деле тайно. Большинство современных людей, кажется, неспособно поверить в реальность, которую никогда не видело по телевизору, — поэтому чтобы избежать телевидуализации, нужно быть полуневидимкой. Более того, то, что мы видим при содействии средств коммуникации, само становится несколько нереальным и теряет силу (я не буду аргументировать этот тезис, но просто напомню читателю ту последовательность мыслей, которая идет от Ницше к

Беньямину, Батаю, Барту, Фуко, Бодрийяру). Напротив, может быть, то, что остается *невидимым*, сохраняет свою реальность, свою укорененность в повседневной жизни и, следовательно — в возможности чудес.

Таким образом, современный тонг не может быть элитарным — но нет никаких причин, по которым он не может быть *избирательным*. Многие неавторитарные организации существовали на сомнительном принципе открытого членства, что часто ведет к засилью мудаच्या, хамла, неумех, хнычущих невротиков и полицейских агентов. Если тонг организовывается по интересам (особенно если это незаконные или маргинальные интересы), он, безусловно, имеет право формироваться по принципу «сродства душ». Если тайность означает а) избегание публичности и б) тщательный отбор возможных членов, то «тайное» общество вряд ли можно обвинить в нарушении анархистских принципов. Собственно, у таких обществ — долгая и почетная история в антиавторитарном движении, от прудоновской мечты о возрождении Священных Фем как своеобразного «народного правосудия» до различных проектов Бакунина и «Странников» Дуррути. Мы не должны позволять марксистским историкам убеждать нас, что такие схемы «примитивны» и поэтому остаются за бортом истории. Абсолютность «истории» вообще — в лучшем случае, сомнительная гипотеза. Мы заинтересованы не в возвращении к примитивности, а в возвращении самой примитивности в той степени, в какой примитивность подавляется.

В прежние дни тайные общества появлялись в те времена и в тех местах, где были запрещены государством, то есть там и тогда, когда людей насильственно, с помощью закона, *удерживали порознь*. В наше время люди существуют порознь потому, что этого требует не закон, а опосредованность и отчуждение (см. ч. 1, «Иммедиатизм»). Поэтому тайность становится способом избежать опосредованности, в то время как совместное существование становится не побочной, а первостепенной целью «тайного общества». Просто встречаться вместе, лицом к лицу уже означает акцию против сил, которые угнетают нас с помощью изоляции, одиночества, транса средств коммуникации. В обществе, которое навязывает нам шизоидное раздвоение между работой и досугом, все мы испытали опошление нашего «свободного времени», времени, которое организовано не как работа и не как досуг. (Слово «вакации» когда-то означало «пустое» время — теперь же оно означает время, организованное и заполненное индустрией отдыха.) «Тайной» целью совместного существования в тайном обществе в таком случае становится самостоятельное структурирование и наполнение свободного времени. Многие вечеринки состоят исключительно из оглушительной музыки и чрезмерной выпивки — не потому, что это нам так уж нравится, а потому, что Империя труда внушила нам ощущение, будто пустое время — это время, потраченное зря. Идея посвятить вечеринку, например, изготовлению пуховых одеял или пению мадригалов кажется безнадежно устаревшей. Но для современного тонга это будет и необходимостью, и удовольствием — вырвать свободное время из мира товаров и посвятить его совместному творчеству, *игре*.

Я уже знаю о нескольких обществах, организованных примерно таким образом, но, конечно же, не хочу срывать с них покров тайны, обсуждая их в печати. Есть люди, которым не нужно пятнадцать секунд фигурировать в вечерних новостях, чтобы доказывать свою реальность. Конечно, маргинальная пресса и радио (единственные средства коммуникации, где появятся эти заметки), так или иначе, практически невидимы, и, во всяком случае,

непрозрачны для глаз Контроля. Тем не менее, это принцип: тайны надо уважать. Не обязательно всем знать все! То, чего больше всего не хватает XX веку — и больше всего ему нужно, — это *такт*. Мы хотим заменить демократическую эпистемологию «эпистемологией дада» (Фейерабенд). Или ты едешь в автобусе, или ты в нем не едешь.

Некоторые назовут это «элитизмом», но это не так, во всяком случае, не в том смысле, в каком понимал это слово Ч. Райт Миллз, имея в виду маленькую группу, которая властвует над теми, кто в нее не входит, ради собственного возвеличения. Имmediатизм вообще никак не связан с властью, он не хочет ни управлять, ни быть управляемым. Поэтому современный тонг не видит никакой радости в том, чтобы низводить учреждения до уровня заговорщических кружков. Власть ему нужна исключительно для внутренней цели взаимности. Это свободная ассоциация людей, которые выбрали друг друга в качестве объектов щедрости группы, ее «экспансивности» (пользуясь суфийским термином). Если это и есть «элитизм», пусть так и будет.

Если имmediатизм начнется с того, что группы друзей не просто станут пытаться преодолеть изоляцию, но и способствовать жизни друг друга, то скоро он захочет принять более сложную форму: ядра, состоящие из взаимно выбравших друг друга союзников, которые работают (играют) для того, чтобы занимать все больше пространства и времени вне всяческих опосредованных и контролируемых структур.

Потом он станет горизонтальной сетью таких автономных групп, затем — тенденцией, затем движением, а потом кинетическим сплетением временных автономных зон. И наконец начнет стремиться к тому, чтобы стать сердцевинной нового общества, самозарождающейся в прогнившей скорлупе старого. Чтобы это все произошло, тайное общество обеспечит полезный каркас защитной скрытности — плащ-невидимку, который упадет только в случае какого-нибудь окончательного развала Вавилона опосредованности...

Готовьтесь к войне тонгов!

Имmediатизм против капитализма

Много чудовищ стоит между нами и реализацией наших имmediатистских целей. Например, наша собственная бессознательная отчужденность может по ошибке слишком легко быть принята за добродетель, особенно по контрасту со скрыто авторитарным понятием «общественность» или с разнообразными «великосветскими» версиями «досуга». Разве не естественно принять черный дендизм отшельников за некий героический индивидуализм, когда единственная альтернатива — это рыночный социализм «Клуба Мед»^[3] или уютный мазохизм жертвенных культов? Обреченность и холодность естественным образом ближе благородным душам, чем безопасность и уют.

Смысл имmediатизма в том, чтобы способствовать росту индивидуумов, предлагая им матрицу дружбы, а не умалять их, заставляя приносить в жертву свою «самость» групповому мышлению, лево-радикальному самоотрицанию или клонированным ценностям новой эпохи. Преодолевать нужно не индивидуальность саму по себе, а скорее

приверженность к озлобленному одиночеству, которое характеризует сознание XX века (во многом повторяющее сознание века XIX-го).

Однако гораздо опаснее любого внутреннего чудовища, которое можно назвать «отрицательным эгоизмом», будет внешнее, очень реальное и совершенно объективное чудовище слишком позднего капитализма. Марксисты (да будет им земля пухом) придумали собственную версию того, как он действовал, но нас сейчас не интересует абстрактно-диалектический анализ стоимости труда или классовой структуры (хотя им, возможно, еще требуется анализ, тем более, после смерти или исчезновения коммунизма). Вместо этого мы хотели бы отметить конкретные тактические угрозы иммедиатистскому проекту.

1. Капитализм *способствует* сохранению лишь некоторых видов групп, например «нуклеарной семьи» или «тех, кого я знаю по работе», потому что такие группы уже являются самоотчужденной и неотъемлемой частью структуры «работа — потребление — смерть». Существование других групп *позволяется*, но не встречает никакой поддержки со стороны общественного порядка, и поэтому перед ними встают ужасные трудности и опасности, возникающие под видом «неудач».

Первое и с виду самое невинное препятствие любому иммедиатистскому проекту — это «занятость» или «необходимость зарабатывать на жизнь», с которой сталкивается каждый его участник. Однако ничего невинного в этом нет — есть только полное незнание того, как организован сам капитализм и как он препятствует любому виду истинной совместной жизни. Едва группа друзей начинает видеть непосредственные цели, которые можно реализовать только с помощью солидарности и сотрудничества, как одному из них предлагают хорошую работу в Цинциннати или место учителя английского на Тайване, или же он вынужден ехать в Калифорнию, чтобы ухаживать за умирающим отцом или матерью, или теряет «хорошую» работу, которая у него уже имеется, и впадает в бедность, которая убивает удовольствие от группового проекта или реализации групповых целей (то есть человек «впадает в депрессию»). На уровне самой поверхностной обыденности случается и такое: группа никак не может договориться о дне встречи, потому что все «заняты». Но это вовсе не поверхностно. Это настоящее космическое зло. Мы впадаем в ярость и возмущение из-за «угнетения» и «несправедливых законов», в то время как на самом деле эти абстракции не очень-то влияют на нашу повседневную жизнь, — а того, что действительно делает нас несчастными, мы не замечаем, это списывается на занятость, «депрессию» или даже на природу самой действительности («Но я же не могу жить без работы!»).

Да, возможно, это так, и мы не можем жить без работы — хотя я надеюсь, мы достаточно взрослые люди, чтобы видеть разницу между *жизнью* и приобретением кучи дурацких машинок. Тем не менее, мы должны постоянно напоминать себе (поскольку наша культура не сделает этого за нас), что именно на это чудовище по имени РАБОТА обращен наш бунтарский гнев, ибо это и есть единственная угнетающая нас *реальность* (нам следует также научиться распознавать «работу», когда она маскируется под досуг).

Быть «слишком занятым» для иммедиатистского проекта означает упустить самую сущность иммедиатизма. Борьба за то, чтобы *встретиться* вечером каждый понедельник (или в другое время), находясь в пасти таких чудовищ, как занятость, семья, приглашения

на идиотские вечеринки, такая борьба — уже сама по себе имедиатизм. Добейтесь просто того, чтобы по-настоящему, физически встречаться с группой, не являющейся вашей женой и детьми, сослуживцами или партнерами по 12-ступенчатой программе — и вы достигнете уже фактически всего, к чему призывает имедиатизм. Собственно проект возникнет сам по себе из этой удачной пощечины социальным нормам отчужденной скуки. Внешне, конечно, будет казаться, что проект и есть цель группы, мотив для того, чтобы собираться, — но на самом деле все наоборот. Мы не шутим и не преувеличиваем, настаивая на том, что *такие встречи уже сами по себе — революция*. Достигните этого, и творческая часть придет сама собой; она прибавится, «как царствие небесное». Конечно, это будет ужасно трудно: иначе почему мы потратили последнее десятилетие на то, чтобы попытаться создать свою «почтовую богему», если бы было так легко организовать ее в каком-нибудь Латинском квартале или сельской коммуне? Эта капиталистическая накипь, эти крысы-недоноски, которые велят вам «протянуть руку и коснуться кого-нибудь» по телефону или «оставаться здесь!» (где? один на один с проклятым телевизором?) — эти лавкрафтовские вампиры пытаются превратить вас в скрюченный, обескровленный, жалкий, искалеченный винтик в механизме смерти человеческой души (и не будем вдаваться в теологические перепалки по поводу того, что есть душа!). Боритесь с ними — встречаясь с друзьями не для того, чтобы производить и потреблять, а чтобы наслаждаться дружбой — и вы одержите победу (пусть только на миг) над самым зловредным заговором сегодняшнего евро-американского общества — заговором, направленным на то, чтобы сделать из вас живой труп, гальванизируемый простатитом и страхом перед нищетой, превратить вас в привидение, живущее в вашем собственном мозгу. Это не мелочь! Это вопрос победы или поражения!

2. Если занятость и рассредоточенность — это первые потенциальные провалы имедиатизма, мы не можем сказать, что его триумф может измеряться «успехом». Вторая важная угроза нашему проекту может быть определена очень просто — как трагический успех самого проекта. Допустим, мы преодолели физическое отчуждение, начали встречаться, разработали свой проект и что-то создали (пуховое одеяло, банкет, пьесу, акт экосаботажа и т. п.). Если мы не будем держать это в абсолютной тайне — что, наверное, невозможно и в любом случае отравит нас эгоизмом — об этом услышат *другие люди* (другие из ада, перефразируя экзистенциалистов) — а среди этих других окажутся агенты (сознательные или бессознательные, неважно) слишком позднего капитализма. Спектакль — или то, что пришло ему на смену после 1968-го — в первую очередь *пустопорожен*. Он подпитывает себя, словно Молох, постоянным заглатыванием чьих-то творческих сил и идей. И он гораздо страшнее для *вашей* «радикальной субъективности», чем любой вампир или коп для вашей крови. Ему нужна ваша креативность даже сильнее, чем вам самим. Он умрет, если вы не будете его хотеть, а вы его захотите лишь в том случае, если вам кажется, что он предлагает вам то самое, о чем вы мечтали как одинокий гений — только уже продаваемое в виде товара. О, метафизические обертки вещей! (Или предназначенные для этого слова — Маркс, которого цитирует Беньямин.)

Внезапно вам покажется (как будто демон нашептал на ухо), что имедиатистское произведение искусства, созданное вами, так прекрасно, так свежо, так оригинально, так мощно по сравнению с той дрянью, что идет «на рынок», так *чисто*, что его можно обнародовать и продать, и *жить за его счет*, так что вы сможете бросить РАБОТУ, купить ферму в деревне и впредь заниматься одним лишь искусством. И, может быть, так оно и

есть. Вы *могли бы*... в конце концов, вы гений. Но лучше отправиться на Гавайи и броситься в кратер действующего вулкана. Тогда вы точно добьетесь успеха, может быть, вас даже будут в течение 15 секунд показывать в вечерних новостях или снимут документальный фильм о вашей жизни. Да-да, так-то.

3. Но вот появляется третье главное чудовище, проламывает стену гостиной и обнюхивает вас (если, конечно, успех еще вас не испортил).

Потому что для того, чтобы пользоваться успехом, нужно, чтобы вас *видели*. А если вас увидят, то воспримут как нечто неправильное, незаконное, аморальное — в общем, иное. Все главные источники творческих сил Спектакля находятся в тюрьме. Если вы — не нуклеарная семья и не группа поддержки Республиканской партии, то почему вы встречаетесь по вечерам каждый понедельник? Что у вас там — наркотики? Тайный секс? Соккрытие налогов? Сатанизм?

И конечно, вероятность, что ваша иммедиатистская группа занимается чем-то нелегальным, весьма велика — ведь все, что приносит наслаждение, на самом деле незаконно. Вавилон ненавидит тех, кто по-настоящему наслаждается жизнью, а не просто тратит деньги в тщетной попытке купить себе иллюзию наслаждения. Разврат, обжорство, булимическое сверхпотребление — это все не просто законно, но и обязательно. Если вы не тратите себя на пустоту товаров, вы явно ведете себя *странно* и, по определению, должны каким-то образом нарушать закон. Истинное удовольствие в нашем обществе гораздо опаснее, чем ограбление банка. В конце концов, грабители разделяют уважение мистера к деньгам мистера. Но вы, вы — извращенцы и заслуживаете того, чтобы вас сожгли на костре, — и вот идут крестьяне со своими факелами, чтобы выполнить задание государства, даже если их об этом не просили. И вот вы — чудовища, а ваш маленький готический замок иммедиатизма охвачен пламенем. Внезапно из леса появляется целая толпа полицейских. Ваши документы? А вид на существование у вас есть?

Иммедиатизм — это пикник, но трудный. Иммедиатизм — самый естественный путь к свободе человека, какой только можно представить, — и *поэтому* самая ненатуральная ересь в глазах капитализма. Иммедиатизм победит, но только за счет *самоорганизации сил, секретности и революционности*. Иммедиатизм — наша отрада, иммедиатизм *опасен*.

ИНВОЛЮЦИЯ

До сих пор мы рассматривали иммедиатизм как эстетическое движение, а не политическое, но если «личное есть политика», то, конечно же, эстетика — тоже и даже в большей степени. Невозможно сказать, что «искусство для искусства» вообще существует, если не подразумевать при этом, что само искусство действует как политическая сила, то есть сила, способная выражать или даже изменять мир, а не просто описывать его.

Собственно, искусство всегда стремится к этому, и неважно, как относится к этому художник, не осознает этого и верит в чистую эстетику или же осознает настолько хорошо, что не производит ничего кроме агитпропа. Сознание само по себе, как отмечал Ницше,

играет в жизни гораздо меньшую роль, чем сила. И трудно найти этому более убедительное доказательство, чем постоянное существование «мира искусства» (Сохо, 57-я стрит и т. п.), который по-прежнему верит, что политическое искусство и эстетическое искусство — это разные миры. Такая «несознательность» позволяет этому миру роскошь создавать произведения как с открытым политическим содержанием (для удовлетворения своих либеральных потребителей), так и без подобного содержания — что просто отражает власть буржуазной верхушки и банкиров, которые покупают такое «искусство» как вложение капитала.

Если бы искусство не обладало этой силой и не укрепляло ее, оно бы просто не имело права на существование, и никто бы им не занимался. Искусство для искусства в буквальном смысле слова ничего бы не производило, кроме бессилия и ничтожества. Даже декаденты *fin-de-siècle*, которые придумали «искусство для искусства», пользовались им в политических целях — как оружием против буржуазных ценностей «полезности», «нравственности» и т. п. Идея, что искусство может быть свободно от политического смысла, сегодня по душе только тем либеральным кретинам, которые оправдывают «порнографию» или другие запретные эстетические игры, исходя из того, что «это только искусство» и, следовательно, ничего не может изменить. (Я ненавижу этих жоп еще сильнее, чем Джесса Хелмса[4]: этот, по крайней мере, признает, что искусство обладает силой!).

Даже если на сегодняшний день признать за искусством без политического содержания право на существование (хотя это все же весьма проблематично), то политический смысл искусства можно найти в способах его производства и потребления. Искусство 57-й стрит остается буржуазным, каким бы радикальным ни казалось его содержание, как это показал Уорхол, изобразив Че Гевару; собственно, Валери Соланас выказала гораздо большую радикальность, чем Уорхол, когда стреляла в него (и, может быть, даже большую, чем Че — этот Рудольфо Валентино красного фашизма).

Не то чтобы нас очень уж беспокоило содержание искусства иммедиатизма. Иммедиатизм остается для нас скорее игрой, чем «движением»; а в таком качестве игра может вылиться в брехтовский дидактизм или в поэтический терроризм, а может и вовсе не нести в себе никакого содержания (как, например, банкет) или такое, которое не несет в себе политического подтекста (например, пуховое одеяло). Радикальность иммедиатизма выражается скорее в способе производства и потребления. То есть произведение создается группой друзей или для внутреннего пользования, или для расширенного круга друзей; оно создается не для продажи и не продается, а также (в идеале) ему не позволяется никаким образом выскользнуть из-под контроля производителей. Если оно предназначено для потребления вне узкого круга, значит, оно должно быть создано таким образом, чтобы остаться неуязвимым для кооптации и превращения в товар. Например, если одно из наших одеял ускользнет от нас и будет продано как произведение искусства какому-нибудь капиталисту или музею, мы сочтем это несчастьем. Одеяла должны оставаться в наших руках или раздаваться тем, кто их оценит и сохранит. Что до нашего агитпропа, он должен избежать превращения в товар благодаря самой своей форме: мы не хотим, чтобы через двадцать лет наши плакаты продавались как произведения искусства, как это было с Маяковским (или, если на то пошло, с Брехтом). Лучший агитпроп иммедиатизма вообще не

оставит следа нигде, кроме как в душах тех, кому он помог *измениться*.

Следует повторить, что участие в иммедиатизме не мешает тому, чтобы индивидуумы, входящие в группу, производили и потребляли произведения искусства иными способами. Мы не идеологи, а это не Джонстаун. У нас игра, а не движение. У нее есть свои правила, но не законы. Для иммедиатизма было бы прекрасно, если бы все были художниками, но наша цель — вовсе не массовое обращение. Прелесть игры в том, что она способна избежать парадоксов и противоречий мира коммерческого искусства (включая литературу и т. п.), в котором все свободные жесты, похоже, превращаются в простую *демонстрацию* и, следовательно, сами себя предают. Мы предлагаем возможность существования искусства, непосредственность которого определяется тем, что его существование возможно только в нашем присутствии. Некоторые из нас могут продолжать писать романы и картины, либо чтобы «зарабатывать на жизнь», либо чтобы найти способы избавить эти формы от выхолащивания. Но иммедиатизм обходит эти проблемы. Поэтому он явление «привилегированное», как все игры.

Но мы не можем только по этой причине назвать его *инволюционным*, обращенным только к себе, закрытым, герметичным, элитистским искусством для искусства. В иммедиатизме произведение искусства создается и потребляется особым способом, и этот *modus operandi* — уже политика в весьма специфическом смысле. Однако чтобы понять этот смысл, нужно более подробно рассмотреть понятие «инволюция».

Уже общим местом стало то, что общество больше не выражает консенсуса (реакционного или либерального), а скорее ложный консенсус навязывается обществу: назовем этот консенсус «тотальностью». Тотальность создается благодаря опосредованности и отчуждению, которые пытаются подчинить или поглотить всю творческую энергию и направить ее на службу тотальности. Маяковский покончил с собой, когда понял это; может быть, мы сделаны из более прочного вещества, а может быть, и нет. Но в качестве аргумента примем то, что самоубийство *не* выход.

Тотальность изолирует индивидуумов и лишает их силы, предлагая только иллюзорные способы социального выражения, такие, которые, кажется, сулят освобождение или самореализацию, но на самом деле приводят только к еще большей опосредованности и отчуждению. Этот комплекс ясно виден на уровне «товарного фетишизма», когда самые бунтарские и авангардистские формы искусства могут быть превращены в корм для телепередач или рекламы джинсов и парфюмерии.

На более тонком уровне, однако, тотальность может поглощать и направлять в свое русло любые силы, попросту ставя их в иной контекст, где они воспроизводят сами себя. Например, освободительная сила картины может быть нейтрализована или вообще поглощена очень простым способом: достаточно поставить ее в контекст картинной галереи или музея, где она автоматически станет простым *воспроизведением* освободительной силы. Бунтарский поступок безумца или преступника отрицается не только тем, что бунтаря запирают: есть много контекстов, где такой жест становится лишь воспроизведением — психиатр, или какое-нибудь безмозглое полицейское шоу на пятом канале, или просто лежащая на журнальном столике книжка про Art Brut. Однако тотальность может зайти еще

дальше, попросту *симулируя* то, от чего прежде стремилась избавиться. То есть художник и безумец уже не нужны даже как первоисточник для присвоения, или «технической воспроизводимости», как называл это Беньямин. Симуляция не может воспроизвести и слабого отражения «ауры», которую Беньямин признавал даже за дрянным товаром, этого «утопического следа». Симуляция вообще не может чего-либо произвести или воспроизвести, кроме запустения и убожества. Но поскольку Тотальность *процветает* за счет нашего убожества, симуляция вполне ее устраивает.

Все эти эффекты наиболее грубо и зримо прослеживаются в области, которую обычно называют «средствами массовой коммуникации» (хотя мы утверждаем, что *опосредованность* имеет гораздо более широкие границы, чем несет в себе даже сам термин «*широковещание*»). Роль средств массовой коммуникации в последней нинтендовой войне — собственно, идентификация каждого с этой войной, ставшая возможной благодаря им — представляет собой очень показательный пример. По всей Америке миллионы людей были достаточно «просвещены», чтобы, *по меньшей мере*, осудить эту омерзительную пародию на мораль, навязанную двуличным убийцей и шпионом из Белого дома. Средства массовой коммуникации, тем не менее, создали (то есть симулировали) иллюзию, будто у войны, развязанной Бушем, фактически нет и не может быть оппозиции, что (цитируя Буша) «*движения за мир не существует*». Собственно, движения и не было — были только миллионы людей, чье стремление к миру, *отрицаемое тотальностью*, было стерто, исчезло, как жертвы перуанских «батальонов смерти»; были разрозненные люди, отчужденные телевидением, ньюсмейкерами, информацией, превращенной в фарс, и просто дезинформацией; люди, которых заставили чувствовать себя отчужденными, странными, чудными, неправыми, наконец, несуществующими, люди без голоса, люди без силы.

Этот процесс раздробления в нашем обществе принял почти универсальный характер, по крайней мере, в области социального дискурса. Каждый человек вступает в «отношения инволюции» с симуляцией, которую показывают ему средства коммуникации. То есть наши отношения со СМИ по сути своей пусты и иллюзорны, так что даже когда нам кажется, что мы протягиваем руку и прикасаемся к реальности в СМИ, нас на самом деле попросту загоняют в себя, делают отчужденными, изолированными и бессильными. Америка под завязку полна людьми, которые чувствуют: что бы они ни сказали или ни сделали, ничего не изменится, потому что никто не слушает — слушать некому. Это *ощущение* — триумф средств массовой информации. Они говорят, вы слушаете и таким образом замыкаетесь в себе в спирали одиночества, депрессии и духовной смерти.

Этот процесс затрагивает не только отдельных людей, но и группы, до сих пор существующие вне матрицы консенсуса, то есть нуклеарной семьи, школы, церкви, работы, армии, политической партии и т. п. Любую *группу* художников, активистов движения за мир или кого-либо еще также вынуждают чувствовать, что общение с другими группами невозможно. Любая группа, объединенная «стилем жизни», покупает симуляцию вражды и соперничества с другими такими же группами потребителей. Любой класс и любой народ убеждают в непреодолимой экзистенциальной отчужденности от всех других классов и народов (как *Стиль жизни богатых и знаменитых*).

Концепция создания «сетей» возникла как революционная стратегия для обхода и преодоления тотальности с помощью установления горизонтальных связей (без посредничества со стороны какой-либо власти) между отдельными людьми и группами. В 1980-е мы обнаружили, что создание сети тоже может и даже должно быть опосредовано — с помощью телефона, компьютера, почты и т. п. — и поэтому обречено на неудачу в нашей борьбе против отчуждения. Техника коммуникации может еще дать полезные *орудия* в этой борьбе, но теперь уже стало ясно, что сама по себе она не является целью. И на самом деле наше недоверие к якобы «демократической» технике, такой как персональные компьютеры и телефоны, растет с каждым провалом революционной попытки захватить контроль над средствами производства. Откровенно говоря, мы не желаем то и дело решать, пойдет ли новое техническое изобретение на пользу освобождению или нет. «После революции» ответы на такие вопросы придут сами в контексте «политики желаний». На сегодняшний день, однако, мы открыли (а не изобрели) имедиатизм как способ генерировать и демонстрировать творческую, освободительную и игровую энергию, не прибегая к опосредованию с помощью любых механических или отчужденных структур... или, по крайней мере, мы надеемся, что это так. Иными словами, независимо от того, можно ли использовать данную технологию или форму опосредования для преодоления тотальности, мы решили играть в игру, где такая техника не применяется, и поэтому не возникает подобного вопроса — по крайней мере, в рамках игры. Свой вызов, свой вопрос мы бросим тотальности, не размениваясь на отдельные «пункты», с помощью которых она стремится отвлечь нас.

И это возвращает нас к «политической форме» имедиатизма. Лицом к лицу, телом к телу, дыханием к дыханию — в игру имедиатизма просто *невозможно* играть на уровне, доступном для ложного консенсуса. Он не воспроизводит повседневную жизнь — он просто *не может быть ничем иным, кроме повседневной жизни*, хотя ставит своей задачей проникновение в чудо, освещение реальности светом чудесного. Как и тайные общества, он должен создавать свои сети медленно (бесконечно медленнее, чем «чистая скорость» коммуникационных технологий, СМИ и войны) и быть телесным, а не абстрактным, бесплотным, опосредованным машиной, авторитетом или симуляцией.

В этом смысле мы и говорим, что имедиатизм — это пикник (жизнь сообщая), но *трудный*: он наиболее естествен для свободного духа, но *опасен*. Содержание здесь ни при чем. Само существование имедиатизма — уже бунт.

Воображение

“ Бывает время, подходящее для театра. Когда воображение народа слабеет, он склонен к тому, чтобы видеть свои легенды представленными на сцене — теперь он способен вытерпеть эту грубую замену воображения. Но для времен, к которым принадлежат эпические рапсоды, театр и актер, одетый героем, скорее служит помехой воображению, чем средством придать ему крылья: слишком близко, слишком определенно, слишком мало в этом мечты

и птичьего полета.

— Ницше

Но, конечно, рапсод, который здесь лишь на одну ступень отдален от шамана («...мечта и птичий полет») должен фигурировать как своего рода медиум или мостик между «народом» и его воображением. [Примечание: Мы будем употреблять слово «воображение» иногда в том смысле, который придавал ему Уильям Блейк, а иногда в башляровском смысле, не делая выбора в пользу «эстетической» или «духовной» детерминанты и не прибегая к метафизике.] Мост — это то, что обеспечивает переход («перевод», «метафора»), но это не сам оригинал. А переводчик — предатель. Даже рапсод подпитывает воображение толикой яда.

Этнография, однако, позволяет нам утверждать, что существуют общества, где шаманы не являются специалистами по воображению, но где каждый по-своему шаман. Каждый член такого общества (кроме психически больных) выступает как шаман и бард и сам для себя, и для всего народа. Например, некоторые племена американских индейцев на Великих Равнинах сформировали наиболее сложные общества охотников и собирателей на поздних этапах своего развития (может быть, отчасти благодаря ружью и лошади — предметам, воспринятым от европейской цивилизации). Каждая личность полностью реализовывалась и становилась полноправным членом общества в погоне за видением и его артистичным исполнением перед племенем. Таким образом, каждый становился «эпическим рапсодом», деля индивидуальное с коллективным.

Пигмеи, одна из самых «примитивных культур», не производят и не потребляют музыку, а все вместе становятся «музыкой леса». На другом конце этой шкалы, в сложных сельскохозяйственных обществах, таких как бали на пороге XX века, «каждый — художник» (а в 1980 году один яванский мистик сказал мне: «Каждый должен быть художником!»).

Цели иммедиатизма находятся где-то на траектории, приблизительно очерченной этими тремя точками (пигмеи, равнинные индейцы, балийцы), каждая из которых связана с антропологическим понятием «демократического шаманизма». Творческий акт, сам по себе являющийся внешним результатом внутренней работы воображения, *не опосредован* и *не отчужден* (в нашем смысле этих слов), если он выполняется всеми для всех; если он производится, но не воспроизводится; если он разделен с другими, но не фетишизирован. Конечно, такие акты, как и все прочие акты, осуществляются при определенном виде и определенной степени посредничества — но они еще не стали силами крайнего отчуждения между некими экспертами-жрецами-производителями, с одной стороны, и незадачливыми «простецами» или потребителями — с другой.

Таким образом, разные средства коммуникации несут в себе разную степень посредничества — может быть, их даже можно расставить по ранжиру, исходя из этого свойства. Здесь все зависит от взаимности, от более или менее равного обмена тем, что можно назвать «квантами воображения». В случае эпического рапсода, который является посредником, передающим свое видение племени, значительная часть работы — а именно, активное воображение — все-таки лежит на слушателях. Они должны принимать

воображаемое участие в акте рассказа-слушания и вызывать образы из собственных творческих запасов, чтобы завершить акт рапсода. В случае музыки пигмеев взаимность наблюдается почти абсолютная, так как все племя передает видения исключительно для всего племени; что же касается балийцев, взаимность приобретает более сложный, почти экономический характер, где специализация ярко выражена, где не «художник — особый вид человека», а «человек — особый вид художника».

В ритуальном театре вуду и сантерии все присутствующие должны принимать участие в действе, представляя себе *лоа* или *ориши* (воображаемые архетипы) и призывая их (особыми заклинаниями и ритмами) появиться. Любой присутствующий может стать «лошадью», или медиумом, для одного из тех «святых», чьи слова и действия в конце концов сигнализируют всем участникам о присутствии вызываемого духа (то есть одержимый представляет, а не воспроизводит). Эта структура, лежащая также в основе индонезийского ритуального театра, может служить образцом творчества при «демократическом шаманизме». Чтобы выстроить шкалу воображения для всех средств коммуникации, мы можем начать со сравнения этого «театра вуду» с европейским театром XVIII века, описанным Ницше. В последнем случае оригинальное видение (или «дух») отсутствует полностью. Актеры просто воспроизводят нечто, на них личины. При этом никто не ждет, что какой-либо член труппы или зритель вдруг окажется «одержим» (или даже сильно вдохновлен) образами, созданными драматургом. Актеры — специалисты или эксперты по части воспроизведения, а публика — «простецы», которым передаются различные образы. Публика пассивна, слишком много делается *для* публики, которая просто сидит на месте в темноте и молчании, обездвиженная деньгами, которые заплатила за это вторичное переживание.

Арто, понимавший это, попытался возродить ритуальный театр вуду (изгнанный из западной культуры Аристотелем) — но он проводил свои эксперименты *в рамках* самой структуры аристотелевского театра «актеры — зрители»; он пытался уничтожить или видоизменить ее изнутри. Арто потерпел поражение и превратился в безумца, проводя целый ряд экспериментов, кульминацией которых стала атака живого театра на театр актера и зрителя — атака в буквальном смысле, попытка силой заставить зрителей участвовать в ритуале. Из этих экспериментов родились некоторые великие театральные постановки, но с точки зрения глубинной цели из них ничего не вышло. Никому не удалось преодолеть отчуждение, которое критиковали Ницше и Арто.

И все равно театр занимает гораздо более высокое место на шкале воображаемого, чем другие, более поздние средства коммуникации, например, кино. По крайней мере, в театре актеры и зрители физически присутствуют в одном и том же пространстве, способствуя созданию того, что Питер Брук называл «невидимой золотой цепью» внимания и сопереживания между труппой и публикой: это и есть общеизвестная «магия театра». В кино, однако, эта цепь рвется. Здесь публика сидит в темноте сама по себе и ничего не делает, а отсутствующих актеров заменяют гигантские изображения. Всегда одинаковый, сколько его ни показывай, воспроизводимый механически, лишенный какой-либо ауры, фильм просто *запрещает* зрителям соучаствовать — фильм не нуждается в воображении публики. Конечно, фильму нужны деньги публики, а деньги, в конце концов — это некий конкретизированный осадок воображения.

Эйзенштейн заметил бы, что монтаж придает фильму диалектическое напряжение, которое занимает сознание зрителя, его интеллект и воображение, а Дисней мог бы добавить (если бы был способен на идеологию), что анимация усиливает этот эффект, поскольку она, собственно, целиком состоит из монтажа. У фильма тоже есть своя «магия». Безусловно. Но с точки зрения *структуры* мы прошли долгий путь от театра вуду и демократического шаманизма: теперь мы находимся в опасной близости от превращения воображения в товар и отчуждения товарных отношений. Мы почти отказались от своей способности летать, пусть хотя бы во сне.

Книги? Книги как средство коммуникации передают только слова — но не звуки, виды, запахи или ощущения; все это отдается на откуп воображению читателей. Прекрасно... Но в книгах нет ничего «демократического». Автор с издателем производят, вы потребляете. Книги, возможно, обращены к людям «с воображением», но вся активность воображения, в конце концов, сводится к пассивности: сидеть в одиночестве с книгой, позволяя кому-то рассказывать тебе историю. В магии книг есть что-то зловещее, как в Библиотеке Борхеса. В идее церковников составить список «проклятых» книг что-то есть — так как в некотором смысле все книги прокляты. *Эрос* текста — это извращение, хотя, тем не менее, такое, к которому мы привыкли и не спешим с ним бороться.

Что касается радио — это явное средство передачи отсутствия, как и книга, но в большей степени: с книгой ты один на свету, с радио — один во мраке. Еще большая пассивность радиослушателя подтверждается тем, что рекламодатели, как правило, платят за время в радиопередаче, а не за место в книге.

Тем не менее, радио дает слушателю гораздо больше работы для воображения, чем, скажем, телевидение зрителю. Магия радио: можно использовать его, чтобы слушать солнечную радиацию, бури на Юпитере, свист комет. Радио старомодно; в этом его соблазнительность. Радиопроповедники говорят: «Протяните руууку к радио, братья и сестры, и почувствуйте исцеля-ааающую силу слова!» Радио вуду?

[Примечание: Можно так же проанализировать музыкальные записи: в том смысле, что они отчуждают, но еще не отчуждены. Записи заменили домашнее самодеятельное музицирование. Музыкальная запись слишком вездесуща, слишком доступна — если ее и нет, то найти ее все равно *нетрудно*. И все-таки можно было бы многое сказать о старых, поцарапанных пластинках на 78 оборотов, которые слушаешь поздно вечером по дальним радиостанциям — как вспышка света, которая, кажется, бросает отблески на все уровни опосредования и создает эффект парадоксального присутствия.]

Именно в этом смысле мы можем хоть отчасти согласиться с сомнительным во всех прочих смыслах утверждением: «Радио — добро, телевидение — зло!». Потому что телевидение стоит на нижней отметке шкалы средств коммуникации. Нет, не совсем так. «Виртуальная реальность» еще ниже. Но TV — как раз то средство, которое имеют в виду ситуационисты, говоря о Спектакле. Телевидение — то самое средство, которое иммедиатизм больше всего стремится преодолеть. Книги, театр, кино и радио сохраняют в себе то, что Бенямин называл утопическим следом (хотя бы *потенциально*) — последние проявления порыва, направленного против отчуждения, последний аромат воображения. Телевидение, однако,

начало разъедать и этот след. Неудивительно, что первыми стали показывать видео нацисты. TV для воображения — то же, что вирус для ДНК. Конец. Ниже телевидения стоит только инфрамедийный мир вне времени и пространства, мгновенность и экстаз Комтека, чистая скорость, загрузка сознания в машину, в программу — иными словами, ад.

Означает ли это, что иммедиатизм желает уничтожить TV? Конечно же, нет; иммедиатизм хочет оставаться игрой, а не политическим движением и, ясное дело, не революцией, во власти которой отменить любое средство коммуникации. Цели иммедиатизма должны быть позитивными, а не негативными. Мы не чувствуем в себе призвания отменять любые средства производства (и даже воспроизводства), которые могут когда-нибудь оказаться в руках «народа».

Мы анализировали средства коммуникации, исходя из содержащейся в них доли воображения и взаимности, исключительно для того, чтобы использовать для себя самые эффективные средства решения проблемы, которую очертил Ницше и так болезненно чувствовал Арто, — проблемы отчуждения. Для этого нам нужна приблизительная иерархия средств коммуникации, шкала, измеряющая необходимый нам потенциал. Итак, грубо говоря, *чем больше воображения высвобождается и делится с другими, тем полезнее средство.*

Пусть мы больше не можем вызывать духов, чтобы они вселялись в нас, или посещать их сферы, как шаманы. Может быть, таких духов и не существует, а может быть, мы слишком цивилизованны, чтобы узнавать их. А может быть и нет. Творческое воображение, однако, в полной степени остается нашей реальностью — тем, что мы должны исследовать, даже в тщетной надежде на спасение.

Ласко

В любой культуре (по крайней мере, в любой крупной городской/ сельскохозяйственной культуре) есть два мифа, которые явно противоречат друг другу: миф об упадке и миф о прогрессе. Рене Генон и неотрадиционалисты предпочитают думать, что ни одна древняя культура не верила в прогресс; на самом же деле верили все.

Одна из версий об упадке в индоевропейской культуре сосредоточена вокруг образа металла: золото, серебро, бронза, медь, железо. Но как же тогда миф, где Кроноса и титанов уничтожают, чтобы освободить место для Зевса и олимпийских богов? Эта история — параллель мифам о Мардуке и Тиамат, о Левиафане и Яхве. В этих мифах о «прогрессе» древний хтонический хаотический земной или водный «женский» пантеон заменяется (свергается) более поздним, одухотворенным, упорядоченным, небесным «мужским». Разве это не *шаг вперед* во времени? И разве буддизм, христианство и ислам не претендовали на то, что они *лучше* язычества?

На самом деле, конечно, оба мифа — как об упадке, так и о прогрессе — служат на благо контроля и общества контроля. В обоих признается, что до нынешнего положения дел существовало нечто другое, другая форма общества. В обоих случаях мы наблюдаем как бы

«родовую память», образ палеолита, великой, долгой неизменной предыстории человечества. В одном случае эта эра видится отвратительно грубым гигантским беспорядком; XVIII век не открыл этой точки зрения, а нашел в готовом виде в классической и христианской культуре. Во втором случае первобытное рассматривается как бесценное, наивное, более счастливое и более простое время, чем современность, более ноуменальное, чем современность — но *бесследно исчезнувшее*, так что вернуть его в этой жизни невозможно.

Таким образом, всем верным и рьяным приверженцам порядка порядок представляется неизмеримо более совершенным, чем какой-либо первозданный хаос, в то время как недовольным потенциальным врагам порядка порядок видится жестоким и гнетущим («железным»), но абсолютно и фатально неизбежным — собственно говоря, всесильным. И ни в том, ни в другом случае мифопоэты «порядка» не признают, что «хаос» или «золотой век» может существовать и в настоящем и, тем более, что они существуют в настоящем, здесь и сейчас — как факт, но подавлены иллюзорной тотальностью общества порядка. Мы, однако, верим, что «палеолит» (который является мифом не в большей и не в меньшей степени, чем «хаос» или «золотой век») существует и в наше время — как нечто бессознательное внутри социального. Мы также считаем, что когда закончится индустриальная революция, а вместе с ней и последняя неолитическая «сельскохозяйственная революция», а заодно окончательно придут в упадок последние религии порядка, этот лежащий под спудом «материал» снова будет открыт. Что же еще мы можем иметь в виду, говоря о «духовном номадизме» или «исчезновении социальности»?

Конец Нового времени означает не возвращение к палеолиту, а возвращение самого палеолита.

Постклассическая (или постакадемическая) антропология подготовила нас к этому возвращению подспудного, ибо только совсем недавно мы научились понимать общества охотников и собирателей и симпатизировать им. Пещеры ласкаров были заново открыты именно в тот момент, когда пришла необходимость их заново открыть, потому что ни древние римляне, ни средневековые христиане, ни рационалисты XVIII века не обнаружили бы в них ни красоты, ни значимости. В этих пещерах (символах археологического сознания) мы увидели художников, которые их создали, мы открыли в них своих предков, а заодно и себя *самих*, живых и настоящих. Пол Гудмен однажды назвал анархизм неолитическим консерватизмом. Остроумно, но уже неточно. Анархизм (или, по крайней мере, онтологический анархизм) уже не питает симпатии к крестьянским сельскохозяйственным обществам, предпочитая неавторитарные общественные структуры и предшествующую прибавочной стоимости экономику охотников и собирателей. Более того, мы не можем назвать свою симпатию консервативной. «Радикальная» будет более подходящим термином, поскольку мы нашли свои корни в древнем каменном веке, который представляется нам как некое вечное настоящее. Мы не желаем возвращаться к материальной технологии прошлого (то есть у нас нет желания с помощью Бомбы отбросить себя в каменный век); но предпочитаем вернуться к духовной технике, которой некогда обладали, но забыли об этом.

То, что мы находим красоту в ласкарах, говорит о том, что Вавилон наконец начал рушиться. Анархизм, пожалуй, скорее симптом, чем причина этого начала конца. Несмотря на свое

утопическое воображение, мы не знаем, чего ожидать. Но мы, по крайней мере, подготовлены к *путешествию* в неизвестное. Для нас это приключение, а не конец света. Мы приветствуем возвращение хаоса, потому что вместе с опасностью приходит наконец возможность творчества.

Вернисаж

Что так смешно в *искусстве*?

Не дадаисты ли засмеяли искусство до смерти? Или это смехобуйство произошло еще раньше, с первыми представлениями «Короля Убю»? Или же это сотворил Бодлер со своим саркастическим хохотом Призрака Оперы, хохотом, который так раздражал его добрых приятелей-буржуа? Смешное в искусстве (хотя смешное скорее в смысле «странное», чем в смысле «ха-ха») — это вид трупа, который отказывается лежать спокойно, этого зомби-джамбори, этого марионеточного шоу, где все нитки привязаны к капиталу (раздувшемуся плутократу в стиле Диего Риверы), этого издохшего симулякра, лихорадочно дергающегося во все стороны и притворяющегося, что именно он — единственное по-настоящему живое существо во вселенной.

Перед лицом подобной иронии, такой крайней двойственности, принимающей характер неодолимой бездны, любая *исцеляющая* сила смеха в искусстве может показаться только подозрительной — иллюзорным свойством самозваной элиты псевдоавангарда. Чтобы возник настоящий авангард, искусство должно *куда-то двигаться*, а оно уже давно стоит на месте. Мы упомянули Риверу; в самом деле, в нашем столетии не было политического художника, создающего по-настоящему смешные произведения — но во имя чего? Троцкизма! Самого мертвого тупика в политике XX века! Какая уж *тут* исцеляющая сила — только пустой звук бессильной насмешки, отзывающийся эхом в бездне.

Чтобы излечить, нужно сначала уничтожить — и политическое искусство, которое не в состоянии уничтожить мишени своего смеха, кончает тем, что только укрепляет те силы, которые пытались атаковать.

«То, что меня не убивает, только придает мне сил», — ухмыляется свиноподобная фигура в лоснящемся цилиндре (конечно, издеваясь над Ницше, беднягой Ницше, который пытался засмеять до смерти все XIX столетие, но окончил свои дни живым трупом, и в результате его же сестра привязала нитки к его рукам и ногам, сделав из него марионетку, пляшущую по воле фашизма).

В этом процессе нет ничего таинственного или метафизического. Обстоятельства, а именно бедность однажды заставила Риверу принять приглашение приехать в США и написать фреску для Рокфеллера! — самой архетипической свиньи Уолл-Стрита! Ривера создал кричащий образчик коммунистического агитпропа — и тогда Рокфеллер велел его *стереть*. И, как будто одно это еще не достаточно смешно, Рокфеллер мог бы праздновать еще более сладкую победу, если бы не уничтожил работу, а оплатив ее и выставив на обозрение, превратил ее в Искусство — этого беззубого паразита, созданного декоратором интерьера,

эту хохму.

Мечта романтизма состоит в том, чтобы заставить реальный мир буржуазных ценностей потреблять, принимать искусство, которое на первый взгляд ничем не отличается от прочего искусства (книги для чтения, картины, чтобы вешать на стены, и т. п.), но на самом деле призвано заразить эту реальность *чем-то иным*, заставить ее по-новому взглянуть на себя, перевернуть ее, заменить революционными ценностями искусства. Об этом же мечтали и сюрреалисты. Даже дада, несмотря на внешний цинизм, еще смели надеяться. От романтизма к ситуационизму, от Блейка к 1968-му, каждая сбывшаяся вчера мечта назавтра становилась внутренним декором — была куплена, пережевана, воспроизведена, продана, загнана в музеи, библиотеки, университеты и прочие мавзолеи, забыта, утеряна, восстановлена, превращена в безумие ностальгии, воспроизведена, продана и т. д. — *ad nauseam*.

Чтобы понять, насколько удачно Крукшенк, Домье, Гранвиль, Ривера, Тцара или Дюшан *расправлялись* с буржуазным мировоззрением своего времени, нужно похоронить себя под лавиной исторических ссылок и *галлюцинировать* — потому что, на самом деле, уничтожение смехом было теоретически успешным, а на практике — провалом: мертвый груз иллюзий даже на дюйм не подтолкнул ураганы смеха, *атаки* смеха. В конце концов, рухнуло не буржуазное общество, а искусство.

В свете сыгранного с нами трюка нам представляется, что у современного художника два варианта выбора (поскольку самоубийство *не выход*): первый — вести атаку за атакой, создавать движение за движением, в надежде, что *когда-нибудь* «это» станет таким слабым и *пустым*, что испарится и внезапно оставит нас одних на поле боя; или же — вариант второй — начать *уже сейчас* жить так, как будто сражение уже выиграно, как будто уже сегодня не каждый художник — это особый человек, а каждый человек — по-своему художник. (Ситуационисты называют это «подавлением и реализацией искусства»). Оба эти варианта настолько «невозможны», что следование любому из них — это уже шутка. Нам не нужно творить «смешное» искусство, потому что само творчество уже так смешно, что животики надорвешь. Но это, по крайней мере, будет *наша собственная шутка*. (И кто скажет наверняка, что из этого ничего не выйдет? «Я предпочитаю не знать будущего» — Ницше.)

Чтобы начать играть в эту игру, нам нужно установить для себя определенные правила.

1. Никаких *идей*. Никакого сексизма, фашизма, расизма, луксизма и прочих расхожих идей, которые можно вышелушить из социального комплекса и рассматривать в «дискурсе» как «проблему». Существует только *тотальность*, которая объединяет все эти иллюзорные «идеи» в абсолютную фальшь своего дискурса, таким образом превращая все мнения, все «за» и «против», в интеллектуальный товар, который можно покупать и продавать. И эта *тотальность* сама по себе — иллюзия, зловредный кошмарный сон, от которого мы пытаемся (с помощью искусства, юмора или любыми другими средствами) очнуться.

2. Мы должны делать все, что только можем, за пределами духовной и экономической структуры, установленной *тотальностью* в качестве дозволенного пространства для игры в

искусство. Как, спросите вы, мы сможем жить без галерей, агентов, музеев, коммерческого книгоиздательства и прочих социальных служб искусства? Что ж, не надо требовать невозможного. Но стремиться к невозможному необходимо — иначе какого хрена становиться художником? Недостаточно занять особое место на священной жердочке под названием искусство, чтобы оттуда насмехаться над глупостью и несправедливостью обывательского мира. Искусство — часть проблемы. Мир искусства засунул себе голову в задницу, и ее пора вытащить, если не хотите наслаждаться пейзажем, полным дерьма.

3. Конечно, нужно продолжать как-то «зарабатывать на жизнь», но самое главное — это творить жизнь. Что бы мы ни делали, какой бы вариант ни выбрали (возможно, все сразу), на какие бы компромиссы ни шли, мы должны молиться о том, чтобы никогда не путать искусство с жизнью. Искусство кратко, жизнь долга. Мы должны готовить себя к тому, чтобы скользить, скитаться, кочевать, ускользать из любых сетей, никогда не становиться оседлыми, прожить до конца многие искусства, жить лучше, чем творить, сделать из искусства предмет гордости, а не извинений.

4. Исцеляющий смех (в противоположность ядовитому, разъедающему смеху) может появиться только в серьезном искусстве — «серьезном» не значит «трезвом». Бесцельная болезненность, циничный нигилизм, модная постмодернистская фривольность, нытье-вытье-стоны (либеральный культ «жертвы»), усталость, бодрийяровская ироническая гиперконформность — ни один из этих вариантов не *серьезен* в достаточной степени, и в то же время не обладает достаточной степенью *интоксикации* для наших целей, и уж тем более не вызывает смеха.

«Свежее видение»

Категории наивного искусства, «сырого» искусства, безумного и эксцентричного искусства, которые, в свою очередь, распадаются на многочисленные категории неопримитивистского и урбано-примитивистского искусства — все эти формы категоризации и наклейки ярлыков на искусство остаются *бессмысленными*: то есть не просто совершенно бесполезными, но и, по сути своей, нечувственными, никак не связанными с телом и желаниями.

Что на самом деле характеризует все эти формы искусства? Не их маргинальность по отношению к мейнстриму искусства-дискурса... Боже упаси, *какой там мейнстрим? Какой дискурс?* Если мы говорим, что у нас царит постмодернистский дискурс, то понятие «маргинальности» теряет всякий смысл. Пост-постмодернизм, однако, не признает *вообще никакого* дискурса. Искусство умолкло. Больше не существует категорий, которые могут знаменовать центр или периферию. Мы ведь свободны от этого дерьма, правда?

Неправда. Потому что остается одна категория: капитал. Слишком Поздний Капитализм. Спектакль, Симуляция, Вавилон, как хотите, так и называйте. Любое искусство *обретает* свою позицию и свой ярлык по отношению к *этому* «дискурсу». И исключительно по отношению к *этому* «метафизическому» товарному спектаклю искусство «аутсайдеров» может рассматриваться как маргинальное. Если этот спектакль можно считать «пара-медиа» (во всей его сложности), то искусство аутсайдеров следует назвать искусством *им-*

медиатизма. Оно не проходит через «пара-медиа» спектакля. Оно предназначено только для художника и его непосредственного окружения (друзей, родных, соседей, племени), и участвует оно только в экономике «дара» — позитивной взаимности. Только эта внекатегориальная категория имедиатизма, таким образом, может приблизить адекватное понимание и защиту телесных аспектов «аутсайдерского искусства», его связи с телом и желаниями, его стремления избежать и даже неведения опосредования/отчуждения, присущего воспроизводству и рекуперации в спектакле. Имейте в виду, что это не имеет ничего общего с содержанием какого-либо аутсайдерского жанра, равно как и с *формой* и *целью*, с которой создано произведение; ни при чем здесь также наивность или искушенность художника и реципиентов искусства. Его имедиатизм заключается только в *средствах производства, которыми пользуется воображение*. Оно осуществляет коммуникацию, или передается от одного человека к другому, «грудь к груди», как говорят суфии, не проходя через искажающий механизм пара-медиа спектакля.

Когда югославское, гаитянское наивное искусство или искусство нью-йоркских граффити было открыто и превращено в товар, результаты оказались *неудовлетворительными* по нескольким параметрам: 1) в терминах псевдодискурса «мира искусства» вся так называемая наивность обречена оставаться странной, даже китчевой, и явно маргинальной — даже когда за нее платят высокую цену (в течение года-двух); 2) превращение в товар включает художника в отношения «негативной взаимности» — то есть если раньше художник «обретал вдохновение» как бесплатный дар, а потом «делал подношение» непосредственно другим людям, которые могли или не могли отплатить пониманием, заблуждением или индейкой и кружкой пива («позитивная взаимность»), то теперь художник творит за деньги и получает деньги, в то время как все аспекты обмена «дарами» уходят на второй уровень важности и в конце концов исчезают (негативная взаимность). В конце концов, мы получаем «туристское искусство», снисходительное одобрение или снисходительную скуку тех, кто больше не хочет платить за нечто «неаутентичное»; 3) или же мир искусства, как вампир, высасывает энергию из аутайдера, всю до капли, а потом передает труп миру рекламы или «популярных» развлечений. В ходе такого *воспроизведения* искусство теряет свою «ауру», сохнет и умирает. Конечно, утопический след может сохраниться, но по сути искусство *предано*.

Несправедливость таких терминов, как безумное или неопримитивистское искусство, заключается в том, что это искусство творится не только безумцами и невинными душами, но и всеми теми, кто избегает отчуждения пара-медиа. Его истинное обаяние — в той интенсивной ауре, которую оно приобретает благодаря своему непосредственному воображаемому *присутствию*; не только в «визионерском» стиле или содержании, но и, что важнее всего, в том, что оно настоящее (то есть оно «здесь» и оно «дар»). В этом смысле оно благороднее искусства «мейнстрима» постмодернистской эпохи — которое как раз представляет собой искусство отсутствия, а не присутствия.

Единственный *правильный* способ («красивый» способ, как говорят хопи) обращаться с искусством аутсайдеров — это держать его «в тайне», отказываться от каких-либо его определений, передавать его «по секрету», с глазу на глаз, грудь к груди — не пользуясь при этом парасредствами (глянцевыми журналами, ежеквартальными изданиями, галереями, музеями, книжками, которые читают в кафе, MTV и т. п.). А еще лучше — самим

сделаться «безумными» и наивными — ибо именно такой ярлык наклеит на нас Вавилон, если мы не будем больше ни поклоняться ему, ни критиковать его — и вспомнить о собственной пророческой сущности, о своем теле, о своей «истиной воле».

Потlach иммедиатистов

1. Игроков может быть сколько угодно, но о числе нужно договориться заранее. От шести до двадцати пяти, кажется, примерно то, что требуется.

2. В основе лежит структура банкета или пикника. Каждый игрок приносит блюдо, бутылку и т. п., так чтобы каждому хватило, по меньшей мере, на одну порцию. Блюда можно готовить заранее или на месте, но запрещается приносить купленное готовым (кроме вина и пива, но лучше, если и они домашнего приготовления). Чем изысканнее блюдо, тем лучше. Попытка *запомниться*. Меню не обязательно должно быть неожиданностью (хотя это возможно) — некоторые группы, возможно, пожелают согласовать его заранее, чтобы не было повторов или столкновений. Банкет может быть тематическим, и можно назначить каждого игрока ответственным за какую-либо его часть (закуски, суп, рыба, овощи, мясо, салат, десерт, мороженое, сыр и т. п.). Предлагаемые темы: «Гастрософия Фурье», «Сюрреализм», «Американские туземцы», «Черное и красное» (все блюда черного или красного цвета в честь анархии) и т. п.

3. Банкет должен проходить в несколько формальной обстановке, например — с тостами. Можно затеять какое-нибудь «переодевание к обеду». (Представьте, например, что тема обеда — сюрреализм: и тогда понятие «переодевание к обеду» может обрести определенную значимость.) Живая музыка во время банкета — это прекрасно, если только кто-то из участников согласится исполнить ее в качестве «дара» и поест позже. Музыка в записях будет неуместна.

4. Главная цель потлacha — конечно, раздача даров. Каждый игрок должен принести один или несколько подарков и уйти также с одним или несколькими *разными* подарками. Это можно осуществить разными способами: а) каждый игрок приносит один подарок и передает его соседу по столу (или что-нибудь в этом роде); б) каждый приносит подарки для *всех* гостей. Выбор зависит от числа играющих, причем вариант «а» больше подходит для многочисленных групп, а «б» — для маленьких сборищ. Если вы выбрали вариант «б», можете решить заранее, должны ли подарки быть одинаковыми или разными. Например, я играю еще с пятью участниками, должен ли я приносить, к примеру, пять расписанных вручную галстуков или пять совершенно разных подарков? И должны ли подарки предназначаться определенным людям (в этом случае они должны быть подобраны согласно характеру каждого) или распределяться по жребию?

5. Подарки должны быть изготовлены самими игроками, *не куплены* в готовом виде. Это очень важно. Изготавливать подарки можно и из готового сырья, но каждый из них должен быть самостоятельным произведением искусства. Если, например, я приношу пять расписанных вручную галстуков, я должен разрисовать их сам, одинаковыми или разными узорами, хотя для этого имею право купить готовые галстуки.

6. Подарки не обязательно должны быть физическими предметами. Кто-то из игроков может подарить остальным живую музыку за обедом, кто-то — устроить представление. Однако следует помнить, что в потлачах американских индейцев подарок должен быть чем-то необыкновенным и даже разорительным для дарящего. На мой взгляд, лучше всего все-таки физические предметы, *причем как можно лучшие* — не обязательно дорогостоящие, но впечатляющие. В традиционном потлаче важный компонент — завоевание престижа. Игроки должны чувствовать состязательный дух дарения, решимость дарить подарки поистине роскошные и ценные. Об этом группа может договариваться заранее — кто-то, возможно, будет стоять за физические объекты, и в этом случае музыка и другие выступления будут просто дополнительным актом щедрости, что называется, *помимо потлача*.

7. Наш потлач, однако, отличается от традиционного тем, что теоретически *выигрывают* все игроки — все дарят и получают поровну. Однако нельзя отрицать, что скучный или скупой игрок потеряет престиж, в то время как изобретательный и щедрый приобретет «реноме». Чтобы потлач по-настоящему удался, все игроки должны быть одинаково щедрыми, так чтобы все остались одинаково довольными. Неопределенность исхода придает событию элемент непредсказуемости.

8. Хозяин, который обеспечивает помещение, конечно, берет на себя дополнительные хлопоты и расходы, так что идеальный потлач — это элемент серии, в которой каждый по очереди становится хозяином. В этом случае в ходе серии возникнет еще один элемент борьбы за престиж: чье гостеприимство окажется наиболее запоминающимся? Группа может заранее установить правила, ограничивающие обязанности хозяина, а может и дать хозяину «зеленую улицу» для самовыражения; однако в последнем случае серия событий должна быть полной, так чтобы никто не почувствовал себя обманутым и не ощутил своего превосходства перед остальными игроками. Но в некоторых районах и некоторых группах провести полную серию не всегда возможно. В Нью-Йорке, например, не у каждого найдется помещение, где можно разместить даже маленькую группу. В таком случае хозяева неминуемо завоевывают несколько больший престиж. А почему бы, собственно, и нет?

9. Подарки не должны быть «полезными». Они должны быть приятными для органов чувств. Одни группы могут предпочесть произведения искусства, другие — домашние консервы и закуски, или хорошие благовония и мирру, или даже сексуальные акты. Следует согласовать основные правила. Подарок не должен содержать даже намека на опосредование — никаких видео- и звукозаписей, печатных материалов и т. п. Все подарки должны присутствовать на «церемонии» — то есть никаких билетов в другое место, никаких обещаний и отсрочек. Помните, что цель игры и ее основное правило — избегать всякой опосредованности и воспроизведения: *присутствовать на месте и дарить дары*.

Молчание

Проблема не в том, что откровений слишком много. Беда в том, что у каждого откровения находится свой спонсор, свой генеральный директор, свой ежемесячный журналчик, свои клонированные Иуды и взаимозаменяемые люди.

Нет ничего худого в том, чтобы знать слишком много, но *можно* пострадать от виртуализации знаний, их отчуждения от нас и их замены на скучного, дикого оборотня — симулякр: те же данные, да, но уже мертвые, как овощи из супермаркета: полное отсутствие «ауры».

Наша болезнь (1 января 1992 г.) коренится вот в чем: мы слышим не речь, а эхо, или, скорее, бесконечное воспроизведение речи, ее отражение в серии отражений самой себя, еще более самодостаточных и извращенных. Головокружительные перспективы такого информационного ландшафта виртуальной реальности вызывают у нас тошноту, потому что в нем нет темных мест, нет привилегированной непрозрачности.

Бесконечная доступность знаний, которые просто не в состоянии взаимодействовать с телом или с воображением — собственно, манихейский идеал бесплотной бездушной мысли — современные медиа и политика как чистая гностическая рассудочность, анестетическое пережевывание архонов и эонов, самоубийство избранности...

Все органическое имеет свой секрет — оно выделяет секреты; как сок. Неорганическое — это демоническая демократия — все равно, но равно не имеет ценности. Никаких даров, только товары. Манихеи изобрели ростовщичество. Знание может действовать как яд, об этом говорил еще Ницше.

Внутри органического («природы», «повседневности») заключено некое молчание, большее, чем просто немота, непрозрачность, большая, чем простое незнание — секретность, в то же время являющаяся утверждением — такт, которому ведом каждый акт и который умеет изменять вещи, вдыхать в них жизнь.

Не «облако незнания», не «мистицизм» — мы вовсе не желаем снова возвращаться к этому обскурантистскому печальному оправданию фашизма, тем не менее, мы могли бы разбудить в себе своеобразное даосское чувство «вещи как она есть» — «цветок не умеет говорить», и, конечно же, не гениталии наделяют нас логосом. (Хотя, если подумать, это последнее утверждение, возможно, не так уж и неверно: в конце концов, миф предлагает нам архетип Приапа, говорящего пениса). Окультист спросит, как «работать» с этим молчанием — а мы скорее зададим вопрос, как с ним *играть* — как музыканты или как гераклитов играющий мальчик.

Дурное настроение, при котором все дни кажутся одинаковыми. Когда в этом гладком времени появятся хоть какие-нибудь неровности? Трудно поверить в возвращение Карнавала или сатурналий. Может быть, время здесь остановилось в плероме, здесь, в мире гностической мечты, где наши тела разлагаются, но наш «дух» загружен в вечность. Мы знаем так много, как же получилось, что нам не ведом ответ на этот самый больной вопрос? Потому что ответа (как в «Арфократах» Одилона Редона) не существует на языке воспроизведения, а только на языке жеста, прикосновения, запаха, охоты. В конце концов, *виртуальность* неодолима — еда и питье есть еда и питье — ленивый вол вспахивает кривую борозду. Удивительный мир знаний превратился в нечто вроде PBS Special из ада. Я хочу настоящего ила в моей реке, настоящей тины. Да, туземцы не только мрачны, они и молчаливы — полная некоммуникативность. Да, гринго, надоели нам твои вонючие

переписи, тесты и анкеты. Есть вещи, о которых бюрократам знать не положено, а есть и такие вещи, которые даже художники должны держать в секрете. Это не самоцензура и не незнание себя. Это космический такт. Это наша дань органике, ее неровному течению, ее водоворотам и омутам, ее болотам и пущам. Если искусство станет «работой», оно станет знанием и, в конце концов, потеряет свою искупительную силу и даже вкус. Но если искусство — «игра», то оно будет хранить секреты и разбалтывать секреты, которые останутся секретами. Секреты существуют для того, чтобы ими делиться, как вся секреция природы. Является ли знание *злом*? Мы же не манихеи с их зеркальным образом мира — мы пользуемся диалектикой, чтобы разбить несколько кирпичей. Есть знание *dadata*, есть знание *commodata*. Есть знание-мудрость, а есть и такое, которое просто служит оправданием ничегонеделания и нежелания. Чистое академическое знание, например, или ученость в нигилистическом постмодернизме, отбрасывает тень в мир не-мертвого — и нерожденного. Одни знания дышат, другие душат. То, что мы знаем, и то, как мы это знаем, должно корениться в плоти — во всей плоти, не только в мозгу, законсервированном в формальдегиде. Знание, которого мы хотим, не утилитарное и не чистое, а праздничное. Все остальное — это пляска смерти призраков информации, «манящие красотки» массовых средств, культ карго, царящий в эпистемологии Слишком Позднего Капитализма. Конечно, если бы я мог избежать этого дурного настроения, я бы сделал это и взял вас с собой. Что нам нужно, это план. Взрыв тюрьмы? Подземный ход? Ружье, вытесанное из куска мыла? Заостренная ложка? Вербочная лестница в пироге? Новая религия?

Давайте, я буду вашим бродячим епископом. Мы станем играть с молчанием и присвоим его. Как только придет весна. Скала в реке, о которую разбивается надвое ее течение. Представьте ее: мшистая, влажная, поблескивающая, как облитая дождем, позеленевшая медь, в которую ударила молния. Огромная жаба, похожая на живой изумруд, на майский день. Сила жизни, так же как сила лука или лиры, *в оттягивании назад*.

Критика слушателя

Слишком много говорить и оставаться неслышанным достаточно противно. Но приобрести *слушателей* — что может быть хуже? Слушатели думают, что слушать достаточно — как будто их истинное желание: слышать чужими ушами, видеть чужими глазами, осязать чужой кожей...

Текст (или трансляция), который изменит реальность: Рембо мечтал об этом, но потом с отвращением отказался от своей мечты. Но его идея магии была слишком утонченной. Грубая истина, возможно, состоит в том, что тексты могут изменять реальность, только когда они вдохновляют читателей *видеть и действовать*, а не просто *видеть*. Священное Писание некогда сделало это — но оно стало идолом. Видеть его глазами означает (в понимании вуду) обладать статуей — или трупом.

Видение, или литература видения — это слишком просто. «Суфием быть просто, — сказал мне однажды персидский шейх, — Трудно быть человеком». Политическое просвещение даже проще, чем просвещение духовное — ни то, ни другое не меняет мира и даже человека. Суфизм и ситуационизм — или шаманизм и анархия — теории, с которыми я играл

— не что иное, как теории, угол зрения, способы видеть. Что важно, практика суфизма состоит в повторении слов (*дикр*). Это действие само по себе текст, ничего, кроме текста. А практика анархо-ситуационизма сводится к тому же самому: к тексту, лозунгу на стене. Момент просвещения. Да, это не совсем бессмысленно, но что от этого *изменится*? Мы бы хотели очистить наше радио от всего, что не имеет хотя бы слабого *шанса* спровоцировать изменения. Так же, как существуют книги, спровоцировавшие умопомрачительные преступления, мы бы хотели передавать тексты, которые заставили бы слушателей ухватить (или хотя бы протянуть руку, чтобы ухватить) счастье, в котором отказал нам Бог. Подстрекательства к похищению реальности. Но еще больше мы хотим очистить свою жизнь от всего, что препятствует нам или удерживает нас от выступления: не продавать оружие и рабов Абиссинии, не становиться полицейскими или ворами, не убегать от мира или править им — а раскрыться для *изменения*.

Я разделяю с самыми реакционными моралистами убеждение в том, что искусство в самом деле может таким образом действовать на реальность, и презираю либералов, которые утверждают, что всякое искусство должно быть разрешено, потому что, в конце концов, это всего лишь искусство. Поэтому я и занялся теми разновидностями литературы и радиопередач, которые больше всего ненавидят консерваторы — порнографией и агитпропом, — в надежде устроить неприятности своим читателям/слушателям — и себе самому. Но я обвиняю себя в неэффективности, даже безнадежности своих действий. Наверное, ничего не изменилось.

Просвещение — все, что у нас есть, но даже его мы должны были вырвать из рук продажных гуру и бубнящих интеллектуалов-самоубийц. Что до нашего искусства, то чего мы добились, кроме того, что проливали кровь во имя призрачного мира модных идей и образов?

Письмо привело нас к тем пределам, за которыми письмо уже невозможно. Любой текст, который может выжить, перепрыгнув эту границу — что бы за ней ни лежало, бездна или Абиссиния — должен быть виртуально самосотворенным, как волшебные скрытые сокровища — свитки Дакини в Тибете или духовные тексты-головастики даосизма — и абсолютно непрозрачным, как последние пророчества, выкрикнутые ведьмой или еретиком на костре. Я так и чувствую, как эти тексты трепещут за самой завесой.

Что если нам придет в голову фантазия отрицать и явную объективность искусства, и явную субъективность теории? Рискнуть прыгнуть в бездну? Что если никто за нами не последует? Может быть, оно и к лучшему — мы можем найти равных себе среди гиперборейцев. Что если мы сойдем с ума? Что ж — в этом и есть риск. Что если нам будет скучно? А—а... [Широкий зевок...]

Уже было время, когда мы сделали все свои ставки на проникновение чудесного в повседневную жизнь — некоторые из них выиграли, а потом проигрались в пух. Суфизм действительно был намного проще. Что же теперь, все заложить, до последней несчастной каракули? Удвоить ставки? Жульничать?

Как будто в соседней комнате, за толстыми стенами — ангелы: что они делают? Спорят? Трахаются? Не разберешь ни слова.

Можем ли мы опомниться сейчас, когда уже слишком поздно, и стать открывателями тайных сокровищ? И как это делать, если мы видим, что это как раз та самая техника, которая нас подвела? Расстройство всех чувств, бунт, благочестие, поэзия? *Знание, как* — это трюк дешевого хвастуна. *Знание, что* — может творить *ex nihilo*. Однако, в конце концов, необходимо будет покинуть этот город, неподвижно зависший на краю стерильных сумерек, словно Гаммельн, из которого увели всех детей. Возможно, есть и другие города, занимающие то же пространство и время, но... другие. А может быть, есть и джунгли, где просвещение затмевает черное свечение ягуаров. Я не знаю — и я боюсь.

Примечания

[1] *англ.* quilting bees, практика совместного шитья лоскутных одеял женщинами XIX века; *здесь и далее — прим. перев.*

[2] Egress — методика компьютерной поддержки моделирования поведения человека в ситуации опасности (от *англ.* egress — выход). В данном случае Хаким-Бей пародирует название интернет-сайта «Эта дорога ведет в Egress»

[3] «Клуб Мед» («Средиземноморский клуб») — действующая по всему миру туристическая компания, основана в 1950 г. Для своих клиентов «Клуб мед» действительно создает иллюзию «рыночного социализма», предоставляя оптимальные условия для отдыха. В то же время в компании практикуется нещадная эксплуатация наемных работников (в феврале 2001 г. «Клуб мед» предстал во Франции перед судом по обвинению в сверхэксплуатации своих сотрудников и грубейшем нарушении их прав, зафиксированных во французском трудовом законодательстве).

[4] Американский политический деятель, сенатор от Северной Каролины, председатель Комиссии Конгресса по иностранным делам, известен крайне реакционными взглядами, яростный гонитель коммунистов, гомосексуалистов, неоязычников и колдунов.

Пост-анархистская анархия

1987, источник: [здесь](#)

Ассоциация Онтологического Анархизма собирается в подполье, в чёрных тюрбанах и блестящих облачениях, скрещивает ноги на ширазийских коврах, потягивая горький кофе и покуривая длинные чубуки и сибси[1].

ВОПРОС: Какова наша позиция относительно всех этих актуальных провалов и дезертирства из рядов анархизма (особенно в калифорнийском краю): проклясть или простить? Изгнать их или восславить как авангард? Гностическая элита... или предатели?

В самом деле, нам очень симпатичны дезертиры и их разнообразная критика анархизма. Подобно Синдбаду и Ужасному Старику, анархизм шатается по округе с трупом мученика, волшебным образом приросшим к его плечам, — с гнетущим наследием провала и революционного мазохизма, стоячая вода в фарватере проигранной истории.

Между трагическим прошлым и невозможным будущим анархизму, кажется, не хватает Настоящего — как будто он боится спросить себя здесь и сейчас: КАКОВЫ МОИ НАСТОЯЩИЕ ЖЕЛАНИЯ? Что я могу СДЕЛАТЬ, пока ещё не поздно?.. Да, представьте себе, что вы столкнулись с волшебником, который пристально глядит на вас сверху вниз с отвращением и вопрошает: «Каковы твои истинные желания?» Вы медлите, заикаетесь, прячетесь за идеологическими общими местами? Обладаете ли вы как воображением, так и волей, можете ли вы мечтать и дерзать — или вы лишь искажённое отражение импотентной фантазии?

Загляните в зеркало и рискните... (Ибо одна из ваших масок — это лицо волшебника.)

Анархистское «движение» сегодня почти не включает в себя чернокожих, латиносов, коренных американцев или детей, даже те исконно угнетённые группы, которые по теории должны поиметь более всего от антиавторитарного восстания. Может быть, это потому, что анархизм не предлагает никаких конкретных программ, хотя по-настоящему угнетаемые могли бы воплотить (или хотя бы осмысленно бороться, чтобы воплотить) реальные желания и потребности?

Если так, то это объясняет не только недостаточную привлекательность анархизма в глазах бедняков и маргиналов, но ещё и недовольство и бегство из его собственных рядов. Демонстрации, пикеты и перепечатки классиков 19-го века ничего не прибавят к живому, дерзновенному заговору самоосвобождения. Если движение должно скорее расти, чем

уменьшаться, куча мёртвой древесины должна быть выброшена за борт и следует принять несколько рискованных идей.

Потенциал есть. Каждый день огромные количества американцев замечают, что их пичкают охапками реакционной, скучной, истеричной, странно-пахнущей херни. Гигантский хор стонов, рыготины и бульканья... Разъярённые толпы опустошают магазины, круша и грабя, и т. д., и т. п.... Чёрное Знамя могло бы придать фокус ярости и канализировать её ради бунта Воображения. Мы могли бы продолжить борьбу с того места, где её бросили ситуационизм в 68-ом и автономия в семидесятых, и поднять её на следующий уровень. Мы могли бы взбунтоваться уже сегодня — а в процессе мы могли бы реализовать многие из наших Настоящих Желаний, даже если и на один сезон: краткосрочная Пиратская Утопия, преломлённая свободная зона в старом пространственно-временном континууме.

Если АОО и решит дистанцироваться от «движения», то не по причине своей романтической любви к пораженчеству, — или не только по этой причине.

Из всех «политических систем» анархизм (несмотря на его недостатки, поскольку он чужд всякой политике и систематизации) ближе всего нашему пониманию реальности, онтологии, природы бытия. Что касается дезертиров... то мы согласны с их критикой, но замечаем, что они, как кажется, не предлагают новых мощных альтернатив. В то же время мы предпочтём сконцентрироваться на изменении анархизма изнутри. Вот наша программа, товарищи:

1. Работать над осознанием, что психический расизм заменил открытую дискриминацию как один из самых отвратительных аспектов нашего общества. Воображаемое участие в других культурах, особенно в тех, с которыми мы живём рядом.
2. Отбросить всю идеологическую чистоту. Принять анархизм «третьего типа» (используя лозунг Боба Блэка: не коллективистский и не индивидуалистский. Очистить храм от тщеславных идолов, избавиться от Ужасного Старика, реликвий и мартирологии.
3. Анти-рабочее движение или «*Zerowork*» очень важны, включая радикальные и, возможно, насильственные атаки на Образование и крепостничество детей.
4. Развить сеть американского *samizdat*, заменить устаревшие издательскую и пропагандистскую тактику. Порнография и популярные развлечения как двигатели радикального переобучения.
5. Гегемония размеров 2/4 и 4/4 в музыке должна быть свергнута. Нам нужна новая музыка, совершенно сумасшедшая, но жизнеутверждающая, ритмически вкрадчивая, но мощная, и она нужна нам СЕЙЧАС.
6. Анархизм должен отвыкнуть от евангелического материализма и банальной двухмерной научности 19-го века. «Высшие состояния сознания» не являются просто ПРИЗРАКАМИ, выдуманными злобными жрецами. Ориентальные, оккультные, племенные культуры обладают *техниками*, которые можно «апроприировать» в истинно анархистском смысле. Без «высших состояний сознания» анархизм закончится и ссохнет до одной лишь убогости, жалобного нытья. Нам нужен практический вид «мистического анархизма»,

отчищенного от всякого дерьма *new age*, беспощадно еретичный и антиклерикальный. Жадный до всех новых технологий сознания и метаноии — демократизация шаманизма, опьянённого и умиротворённого.

7. Сексуальность подвергается нападениям, открыто со стороны Правых, более незаметно со стороны авангардно-псевдо «пост-сексуального» движения, и ещё более незаметно со стороны «Ротационной зрелищности» в масс-медиа и рекламе. Время для большого шага вперёд в сознании сексуальной политики, лавинообразного принятия полиморфного эроса (даже и особенно перед лицом чумы и мрака) — педантичное прославление чувственности, доктрины наслаждения. Изгнать всё мироненавистничество и стыд.

8. Эксперименты с тактикой для того, чтобы заменить устаревший багаж левачества. Подчёркивать практические, материальные и личные успехи радикальных сетей. Явно не лучшие времена для насилия и воинственности, но немного саботажа и имагинативных помех едва ли будут лишними. Собирайтесь и создавайте заговоры, хватить сплетничать и стонать. Мир Искусства, в частности, заслуживает дозу «Поэтического Терроризма».

9. Лишение пост-индустриального общества пространственности показывает некоторые успехи (в том числе с помощью компьютерных сетей), но может проявляться и в форме угнетения (бездомные, джентрификация, архитектурное обезличивание, исчезновение природы и т. д.). Коммуны шестидесятых пытались противостоять этому и потерпели крах. Вопрос о земле не хочет уходить. Как мы можем отделить концепцию пространства от механизмов контроля? Территориальные гангстеры, нации/государства, захватили себе всю карту. Кто может придумать для нас картографию автономии, кто нарисует карту, которая включала бы наши мечты?

В конечном счёте, анархизм подразумевает анархию, а анархия — это хаос. Хаос есть принцип постоянного сотворения... *и хаос никогда не умирал.*

Пленарное заседание АОА, март 1987 г., Нью-Йорк

Примечания

[1] марроканские трубки для курения гашиша (*прим .перев.*)

Информационное чародейство: оккультное наступление на социальные институты

Источник: [здесь](#)

Уровни иммедиалистских организаций (организаций Прямого Действия)

Сборище. Что угодно — от дружеской вечеринки до уличного бунта. Может быть запланированным или незапланированным, но спонтанность должна присутствовать в любом случае, для того чтобы все было «по-настоящему». Примеры: анархистские сходки, неоязыческие празднества, пьяный разгул, непродолжительные городские беспорядки или спонтанная демонстрация. Конечно, лучшими из сборищ становятся ВАЗ, такими, как би-ины шестидесятых, ранние сходки Племен Радуги или Стоунвольский мятеж[1].

Горизонтальный потлач[2]. Единовременная встреча группы друзей для обмена подарками, а также банкеты (здесь в роли подарка выступает еда). Запланированная оргия также может попасть в эту категорию — в этом случае подарком становится сексуальное удовольствие.

Команда. Команда Прямого Действия — это группа друзей, регулярно встречающихся для работы над отдельным проектом. Команда может выступать как организационный комитет потлача, как творческий союз, как братство по оружию и т.д. Такая Команда напоминает «Плеяду увлеченных» Фурье: это группа, объединенная общей страстью, которая может быть реализована только в группе.

Когда членство в Команде становится более или менее постоянным, а цели Команды выходят за рамки одного проекта, следует говорить уже о постоянно действующем клубе, *Gesellschaft*, построенном на неиерархической основе или тайном неиерархическом обществе по типу Тонга. Последнее сейчас представляется более актуальным по ряду

тактических причин, а также в связи с тем, что клуб всегда находится под угрозой «институционализации» и потому (как сказал Иван Иллич) в ситуации «парадоксальной контр-продуктивности». (Иными словами, превращаясь в учреждение, он вынужден осуществлять жесткую и монополистическую внутреннюю политику, что противоречит тем целям, для достижения которых он изначально создавался. Общества, основанные во имя «свободы», становятся авторитарными и т.д.) Традиционное тайное общество, такое, как Тонг, также тяготеет к этому, однако Тонг Прямого Действия построен таким образом, что он самоуничтожается, как только перестает удовлетворять своему назначению.

ВАЗ может вырасти из любой или из всех описанных форм, прорасти тонким стеблем, полноценным деревом или настоящими зарослями. Хотя я говорил уже, что ВАЗ может существовать всего одну ночь или же целых два года, это лишь крайности, и между ними можно разыскать примеры любой длительности. И все-таки ВАЗ — это нечто большее, чем просто каждая из описанных четырех форм. Пока она длится, она приковывает к себе внимание всех ее участников. На какое-то (короткое) время она становится полноценным обществом.

В финале, в ходе восстания, ВАЗ выходит за собственные границы и растекается (или стремится растечься) по «всему миру» — становится доступным всеобщее пространство/время прямого действия. Пока длится восстание и до тех пор, пока оно не закончится по причине поражения или не перейдет в «Революцию» (каковая стремится к завоеванию необратимых достижений), сознание большинства его последователей насыщено впечатлениями, предельно ясно, обращено к новым возможностям индивидуальной и совместной реализации и (что греха таить) преисполнено счастья, состояния, столь характерного для великих социальных переворотов, таких, как Парижская Коммуна или 1968 год. С экзистенциальной точки зрения (здесь мы ссылаемся на Штирнера, Ницше и Камю), это-то счастье в действительности и есть цель восстания.

Цели иммедиалистских организаций

Сожительство — совместное проживание группы в физической близости для всецелого увеличения количества и качества удовольствий ее членов[3].

Творчество — сотрудничество с целью прямого и неопосредованного производства необходимой красоты вне всяких структур гипермедиации, отчуждения, потребления[4]. Мы переросли софистику и не хотим ничего разжевывать. Если вы не понимаете, что мы имеем в виду под «необходимой красотой», дальше можете не читать. «Искусство» есть только одна из малых сфер этой великой мистерии, и необязательно самая жизненная из них.

Разрушение. Мы пошли дальше Бакунина и говорим, что творчество невозможно без разрушения. Всякое привнесение в бытие новой красоты подразумевает, что старое уродство будет выметено вон или взорвано. Красота утверждается отчасти (но практически каждый раз) разрушением уродства, которое всегда не самодостаточно. В соответствии с

нашей версией сорелианского мифа о социальном насилии никакой иммедиалистский акт не может считаться таковым и не может обладать должным эффектом, если он не будет сопряжен равно с творчеством и разрушением: целостная диалектика Прямого Действия соединяет в себе как творчество-в-разрушении, так и раз-рушение-в-творчестве. Отсюда, кстати, проистекает «поэтический терроризм», потому-то действительной целью, или телосом, всех перечисленных форм организации является:

Конструирование ценностей. Масловское «крайнее переживание» формирует индивидуальные ценности. Команда, Тонг, ВАЗ или восстание позволяют перейти к «переоценке ценностей» в массовых масштабах. Говоря иначе, вплотную подойти к трансформации повседневной жизни.

Связь между типом организации и ее целью продиктована тактикой. Проще говоря, чем занята организация Прямого Действия? Наша «стратегия» состоит в подготовке оптимальных условий для возникновения ВАЗ (или даже Мятежа) — но каковы те специфические меры, которые должны быть предприняты для реализации данной стратегии? Лишенная тактики иммедиалистская организация может рассыпаться за короткое время. Прямое Действие должно опережать «причину», повлекшую его, но также должно обладать необходимым потенциалом для того, чтобы «причина» могла рождаться в нем самом. В действительности каждое действие в потенции должно быть не только нацелено на достижение цели, но и отождествляться с ней. Мы не можем использовать такую тактику, которая сводилась бы к опосредованным действиям. Каждое действие должно немедленно достигать цели, по крайней мере в каком-то отношении, иначе мы обнаружим, что работаем на абстрагирование от собственных целей или даже на их симуляцию. Поэтому любая из многочисленных тактик и акций должна представлять нечто большее, чем просто сумму собственных частей, должна давать жизнь ВАЗ или Восстанию. Подобно тому, как обыкновенные типы организаций не могут обеспечить необходимые нам структуры, обыкновенные тактики не могут удовлетворить нашему требованию создавать непосредственные и мятежные «ситуации».

Карнавал, и тактика, и цель. Он благороден сам по себе, может служить как своей формой, так и содержанием таким типам организаций, как сборище, потлач, банкет. Но карнавал сам по себе нуждается в преобразующей энергии, основным источником которой является комплекс действий, который включает в себя и то, что мы называем «разрушением», и так называемое «творчество». Идеальная организация Прямого Действия нацелена на достижение этой более комплексной цели и подразумевает сожительство как необходимую ей структуру. Другими словами, группа, собираясь вместе для того, чтобы спланировать потенциальную ВАЗ, уже осуществляет Прямое Действие. «Добавляя» к этому райское блаженство человеческой близости, она тем самым честно борется за еще более восхитительные достижения и прорывы. Может показаться, что квинтэссенцией всех акций и тактик Прямого Действия будет такая тактика, которая соединит в себе в одно и то же время творчество и разрушение, а не останется только лишь одним карнавалом. Именно в этом смысле (и только в нем) Команда и Тонг — более «высокие» формы организации, чем сборище и потлач.

В Команде акцент ставится на творчество, на строительство, на совместный арт-проект, групповой производительный акт, направленный скорее на самих себя и на реальность, нежели на какую бы то ни было «публику» или опосредованного потребителя. Разумеется, Команда также может замышлять или предпринимать разрушительные или «преступные» действия. Но когда она так поступает, это первый шаг на пути к ее превращению в тайное общество — Тонг Прямого Действия. Поэтому я думаю, что Тонг — это более сложная (или «более высокая») форма организации Прямого Действия, которая может быть заранее определена к достижению заметной степени влияния. Возникновение ВАЗ и восстания зависит в конечном итоге от многих факторов «организационного» порядка, если только с самого начала этому процессу не сопутствовал особый «успех». Как я уже говорил, мы можем максимально расширить возможности ВАЗ или мятежа, но мы не можем в действительности «организовать» их или обеспечить им успех. Между тем Тонг может быть точно определен и организован, и может осуществлять сложные акции как материального, так и символического характера, как созидательные, так и разрушительные. Тонг не может гарантировать появление ВАЗ, Коммуны, «реставрации династии Мин» (великого Праздника Сознания), объективного совпадения всех желаний.

Помня обо всем этом, попытаемся представить и критически рассмотреть возможную тактику группы Прямого Действия, а также идеал хорошо организованного полупостоянного Тонга, или по-настоящему тайно действующей группы, или сети родственников, способной покуситься на полноценное Прямое Действие в русле четко выраженной стратегии. Всякое подобное действие должно в одно и то же время повреждать или уничтожать некоторое реальное и/или воображаемое пространство-время «врага», одновременно давая участникам хороший шанс окунуться в экстремальное переживание или «приключение»: всякая тактика, таким образом, по сути, служит захвату и отделению вражеского пространства и в конечном итоге его занятию и преобразованию. Всякая тактика или акция сама по себе потенциально уже представляет собой целый «Путь» к автономии, так как любое обращение к Реальности (в соответствии с «гнозисом» измаилитов и гетеродоксального суфизма) целиком содержит в себе путь духа.

Но постойте! Во-первых, кто такой «Враг»? Все сказанное может быть приложимо к секретным службам истеблишмента или системам психического контроля. Мы же ведем речь о прямых действиях в реальном времени, которые должны осуществляться «против» видимых узлов власти реального же времени. Дискуссии об абстрактных врагах, таких, как «государство», заведут нас в тупик. Я страдаю не от репрессивности или отчуждения, порожденных какой-либо железобетонной целостностью по имени «государство» напрямую, а от специфических групп, таких, как учителя, полиция, начальство и т.д. «Революция» может быть и нацелена на свержение «государства», но мятежники и все иммедиалистские группы должны найти для себя мишень, которая не будет идеей, клочком бумаги, «привидением», сковывающим нас при помощи наших же собственных дурных снов о власти и немощи. Да, мы будем играть в войну с миражами. Но миражи связаны воедино некоей сетью. Зрелище обладает структурой, а структура состоит из точек, пересечений, хитросплетений и уровней. Зрелище даже может иногда иметь конкретный адрес. Оно не реально так, как реальны ВАЗ. Но оно достаточно реально для того, чтобы его атаковать.

Тексты Прямого Действия в значительной степени адресованы людям «творчества» и людям, «не признающим авторитетов», а кроме того, иммедиализм — это не политическое движение, а игра, даже эстетическая игра. Поэтому совершенно очевидно, что мы должны искать нашего врага в медийной сфере, особенно в области репрессивных информационных структур. Например, для студента давящим и отчуждающим институтом-посредником будет образование, средоточием которого (точкой приложения подавляющей силы) станет ВУЗ. Для деятеля искусства самый важный источник отчуждения — это тот комплекс, который мы обычно называем «медиа». СМИ и шоу-бизнес узурпировали ниву искусства, в то время как мы хотели бы возделывать ее сами. Они перестроили все каналы творческой коммуникации для целей циркуляции предметов потребления или отчуждающих образов, создав прогнанный насквозь «дискурс». В прошлом отчуждающим институтом была церковь, а участники Восстания, выступавшие против организованной религии, говорили на языке еретической духовности. Точно так же, как Церковь в свое время состряпала небылицу про якобы существующую труднодоступность святости или спасения, СМИ создают миф о труднодоступности ценностей и «смыслов». Точно так же, как Церковь пыталась стать монополистом в духовной сфере, СМИ стараются переделать сам язык, сделать его делом одного только разума в отрыве от тела. СМИ отделяют смыслы от телесности, от повседневной жизни так же, как Церковь объявляла тело средоточием зла, а повседневную жизнь грехом. СМИ определяют сами себя (или свой собственный дискурс) как истинный мир. Мы — настоящие потребители, живущие в иллюзорном мире чьей-то черепной коробки. Через глазницы телевизоров мы всматриваемся в мир живых, мир «богатый и знаменитый», настоящий мир. Некогда религия объявляла мир иллюзией, а небеса — единственным настоящим (правда-правда!) миром. В наши дни история повторяется. Повстанцы той эпохи говорили о Церкви как о главной ереси. То же самое повстанцы дня сегодняшнего должны говорить о медиа.

Легко почувствовать ностальгию по битвам с таким величественным когда-то врагом, как Римская Католическая Церковь. Я и сам пытался убедить себя, что эта полинявшая, ненавидящая секс кошмарина и по сей день достойна того, чтобы строить против нее заговоры. Проникнуть в церковный аппарат; засунуть на полку с трактатами прекрасные порнографические открытки с надписями вроде «Таково лицо Бога»; подложить дада/вудуистские штучки под фамильные скамьи и за алтарь; послать оккультные манифесты епископу и клиру; запустить пару сатанистских историй на страницы желтой прессы; оставить следы ложки Иллюминатов... Еще более подходящей мишенью могли бы стать мормоны, которые хоть и запутались совершенно в сетях высокотехнологичного гипермедиа, но до сих пор крайне чувствительны ко всякой «черной магии»[5].

Телепроповедники — это особенно соблазнительный сплав СМИ и плохой религии. Но когда они наберут настоящую силу, церкви придут в полное запустение. Бог их покинул. Теперь у Бога есть собственное ток-шоу, свои корпоративные спонсоры, своя вещательная сеть. Поэтому настоящая цель — все-таки СМИ.

«Магическая атака» — подходящая тактика против новой церкви и «новой инквизиции», ибо медиа, подобно церкви, осуществляет свою деятельность посредством «магии», посредством манипуляций символами. Фактически самая большая наша проблема, касающаяся штурма СМИ, состоит в том, чтобы разработать такую тактику, которую не смог

бы подмять под себя Вавилон, сделавшись от этого только мощнее. Бестолковый репортаж в прямом эфире, сообщающий о том, что *CBS* атакована радикально настроенными колдунами, просто станет еще одной частью «зрелища недовольства», субманихейской драмы фальшивого дискурса. Лучшей защитой от этого будет изощренная сложность и эстетическая глубина нашего символизма, содержащая иррациональные величины, не переводимые в целые числа языка, на котором говорят картинки из ящика. Другими словами, даже если «они» попытаются адаптировать наш видеоряд для своих целей, он будет нести в себе неожиданный «вирусный» подтекст, который заразит «их» и обездвижит, вызвав тошнотворные симптомы заболевания, известного как «поэтический терроризм».

Хорошей задумкой мог бы стать взрыв на телебашне, ответственность за который можно было бы переложить на Американское поэтическое общество (которое, по идее, должно было бы взрывать телебашни). Однако такому чисто деструктивному акту не хватает творческого аспекта для того, чтобы называться подлинной тактикой Прямого Действия. Каждое разрушительное действие в идеале должно быть также и актом созидания[6].

Возможно, стоит нарушить прием телепередач в каком-нибудь одном квартале и в то же самое время закатить грандиозный фестиваль, превращающий местные дворы в территорию свободы, ВАЗ. Вот тогда момент разрушения и момент созидания сольются в настоящем Прямом Действии красоты и террора, в бакунинском, ситуационном, наконец, подлинно дадаистском действе. СМИ могут попробовать исказить это действо и присвоить его силу, но даже если это и произойдет, СМИ никогда не смогут стереть впечатления, оставшиеся в памяти людей, а быть может, СМИ после всего будут молчать, ибо все событие целиком окажется слишком сложным, для того чтобы они смогли переварить его и высрать в виде «новостей».

Подобное чрезвычайно усложненное действо лежит за пределами возможностей всех типов организации, кроме самого богатого и в совершенстве развитого Тонга Прямого Действия. Но сам принцип приложим и к организациям с более низким уровнем сложности. Например, представьте, что группа студентов хочет протестовать против отупляющего эффекта образования. В один прекрасный день они ломают школьное оборудование или расстреливают здание школы. Это так же легко сделать, как и обнаружить дерзких виновников. Подобное действие хоть и является чисто негативным, может быть тем не менее истолковано авторитетами, как «отклонение от нормы». Таким образом его энергия может быть поставлена под контроль. Смутьяны должны были бы «снабжать» учеников ценной информацией, красотой и ощущением приключения. Следующая задача — распространение листовок об анархизме, надомном обучении, критике СМИ и прочем. Они могут быть «случайно забыты» или могут распространяться среди других студентов, факультетов, даже появиться в печати. Лучше всего, если будет предложена альтернатива самой школе — обучение через совместное проживание, фестивали, свободное посещение занятий, творческую деятельность.

Вернемся к проекту «магической атаки» медиатвердыни, или к информационному чародейству. Для успеха этой атаки тем более важно, чтобы творческие и деструктивные элементы сочетались (насколько это возможно) в одном — в арт-проекте Прямого Действия, или поэтическом террористическом акте. Мы надеемся, что тогда это действие окажется

слишком сложным для того, чтобы СМИ могли, как обычно, превратить его в источник собственного питания. Например, было бы пустой тратой времени и усилий забрасывать СМИ картинками ужасов, зверств, серийных убийств, инопланетных извращенцев, садомазохистских безумств и т.п., ведь медиа и есть главный поставщик такого видеоряда. Кошмарный сатанизм хорошо подходит для того, чтобы держать зрителя в узде страха — ради этого и создается большая часть телевизионных программ. Не вам тягаться с так называемыми «Новостями» в деле изображения отталкивающих, отвратительных натуралистических картин животного ужаса и окровавленных трупов. Многоголовое чудовище СМИ (если на секунду персонифицировать нашего врага) будет несказанно удивлено, если кто-то озаботится возвращением всей этой мерзости по обратному адресу, однако подобное действие не произведет на него никакого оккультного эффекта[7].

Давайте представим (и снова мы предпринимаем «мыслительный эксперимент»!), что известного размера группа каббалистов-иммедиалистов, преисполненная самых серьезных намерений, держит в руках координаты (включая факс, телефон, e-mail или еще что-нибудь) исполнительской и творческой группы телевизионного шоу, воплощающего крайний случай отчуждения и психической отравы (пусть это будет «Дорожный патруль»). В своем «Малайском проклятии темного Джинна» я предлагал посылать таким людям коробку, содержащую дада/вудуистские предметы и записку с предупреждением о том, что место их работы проклято. Тогда я опасался рекомендовать наложение проклятий на отдельных людей. Сейчас я настоятельно рекомендую делать это — и даже кое-что похуже. Я бы послал этим зомби фотографию кошмарной гадины, пресмыкающегося восточных исламских еретических джунглей, вроде той, что я упомянул в плане операции «Черный джинн», поскольку СМИ выказывают непомерный страх перед «исламской угрозой» и демонстрируют махровый шовинизм по отношению к мусульманам. Однако теперь мне бы хотелось сильно усложнить наш план и используемые в нем образы. Надо будет послать продюсерам и сценаристам телевизионных передач причудливые и путающие сюрреалистические «ящички», содержащие прекрасные, но «запрещенные» картины сексуального наслаждения[8] и трудно постигаемые духовные символы, глубокие, многосмысленные образы автономии и удовольствия от самореализации, исполненные чрезвычайно искусно, многогранно, загадочно. Эти диковины должны быть сделаны с настоящим художественным рвением и с высочайшим вдохновением, но каждая из них — всего лишь оружие, нацеленное на какого-то одного конкретного человека — жертву чародейства.

Получатели будут, вероятно, ошарашены этими анонимными «подарками», но скорее всего не станут ни уничтожать, ни даже поначалу обсуждать их. Впрочем, если даже и станут, это не беда. Однако вероятнее будет предположить, что эти объекты покажутся им, с одной стороны, слишком уж прекрасными, слишком «дорогими» для того, чтобы их просто вот так взять и уничтожить, а с другой — слишком «грязными» для того, чтобы показать кому-то еще. На следующий день жертвы получают письмо с сообщением о том, что через «подарок» на них была наведена порча. Чары заставят их познать свои истинные желания, воплощенные в магических предметах. С этого момента они, помимо прочего, начнут осознавать, что все предшествующее время они выступали врагами человечества, превращая желание в предметы потребления и работая агентами душевного контроля. Магические артефакты будут проникать в их сны и фантазии, делая повседневную работу не просто удручающе скучной, но и подрывающей мораль. И тогда либо желания,

разбуженные магией, разрушат их изнутри на рабочем месте, либо они обратят мысли к восстанию и саботажу. Лучшее, что они могут сделать, — это смыться. Так они сохранят здоровье ценой своей бессмысленной «карьеры». Если они останутся на службе у медиа, они сгорят от неудовлетворенных желаний, чувства стыда и вины. Или станут повстанцами и научатся сражаться против Ока Вавилона изнутри идола брюха. К этому времени их «шоу» уже готово для полномасштабной магической атаки, которую могут провести шиитские колдуны-террористы, или штурмовой отряд ливийского вуду, или еще кто-нибудь. Конечно, было бы нелишним иметь внутри этой организации своего агента, способного оставлять «следы» и вынюхивать ценную информацию, однако известная часть предложенной схемы может быть реализована без активной инфильтрации в аппарат учреждения. Начальная стадия атаки, возможно, будет проводиться при поддержке печатной пропаганды и даже лозунгов, высылаемых по почте. Различные неудачи и ошибки должны быть подстроены на самом деле, — разумеется, если это возможно. Вы знаете все эти злые шутки. Но, повторяю, это вовсе не обязательно и может даже считаться дополнением к нашему чистому эксперименту в области ебли мозгов и манипуляции образами. Пусть ублюдки самостоятельно выделывают неудачи из собственной депрессии, раз уж они такие злобные кретины, из собственного атавистического тщеславия (без которого они не стали бы служить СМИ), из своего страха перед иным, из своей подавленной сексуальности. Можете быть уверены, так оно и выйдет — они станут вспоминать «проклятье» всякий раз, когда с ними будет случаться что-нибудь нехорошее.

Тот же основной принцип может применяться к информационным системам, отличным от телевидения. Компьютерная компания, например, может быть проклята через ее компьютерную сеть талантливым хакером, хотя лучше избегать научно-фантастических сценариев вроде того, где Уильям Гибсон с боем прорывается в киберпространство — до того это барочно... Рекламные компании, эксплуатирующие магию образа, режиссеры, PR-группы, художественные галереи, юристы и даже политики[9]. Всякий душитель свободы, который сделал своим инструментом образ, сам уязвим для силы образа.

Необходимо особо подчеркнуть, что мы не описываем здесь сценарий Революции, революционной политической акции или даже Мятежа. Это скорее новый вид неогерметического агитпропа, предложения по новому виду «политического искусства», проект для Тонга или мятежных художников, эксперимент в иммедиалистской игре. Прочие будут бороться против притеснителей на поле экспертизы, работы, дискурса, жизни. Будучи художниками, мы выбираем своим полем битвы «искусство», медийные практики. Мы сражаемся против того вида отчуждения, который влияет на нас непосредственно[10]. Мы вступаем в схватку там, где мы живем, вместо того чтобы строить теории о враге где-нибудь еще. Я попытался предложить стратегию и представить некоторые тактики, которые будут развивать эту стратегию. Никаких других заявлений сделано не было, и за сказанным никаких новых деталей не последует. Все остальное — дело Тонга.

Я допускаю, что мой собственный вкус может подсказать мне более жестокие приемы обращения с медиа, чем те, что предложены в этом тексте. В народе поговаривают о «захвате» телестанций, но никто пока что не добился успеха в этом деле. Может быть, в стрельбе по телевизорам, выставленным в витринах магазинов бытовой электроники, несмотря на всю кажущуюся смехотворность этого предприятия, будет больше смысла, чем

в мечтах о захвате телестудий. Но я сознательно дистанцируюсь от предложений применить силу к неофашистам или даже убить одного из псов Джеральдо и делаю это по причинам, которые все еще кажутся мне достаточно вескими. Во-первых, я принял близко к сердцу замечания Ницше по поводу неполноценности и бесплодности реваншизма как политической доктрины. Голая реакция никогда не является достаточным ответом, тем более что в ней нет ничего от благородного пути. Более того, она просто не сработает. Реакционные действия посчитают «атакой на свободу слова». В противоположность этому проект, предложенный здесь, несет внутри своей структуры возможность действительного преобразования чего-нибудь, пусть даже всего лишь «сознаний» нескольких отдельно взятых людей. Другими словами, конструктивный аспект проекта представляет собой единое целое с его деструктивным аспектом. Они неразрывно связаны. Наш дада/вудуистский предмет в одно и то же время и наказывает, и соблазняет, и оба эти эффекта тщательным образом разъяснены в сопроводительных открытках или письмах. В результате у нас появляется шанс обратить кого-нибудь в нашу веру. Конечно, мы также можем легко потерпеть неудачу. Все наши усилия могут в итоге оказаться в мусорной корзине вместе с ненужными бумагами, не заинтересовав тех людей, чье сознание покрыто броней, слишком толстой для того, чтобы ощутить всю ответственность момента. Помимо всего прочего, все это — всего лишь мыслительный эксперимент, или эксперимент в области мышления. Если хотите, можете даже назвать это только формой эстетического критицизма, острие которого направлено не столько на потребителей плохой художественной продукции, сколько на преступников. Время для настоящего насилия еще не пришло хотя бы потому, что производство насилия остается монополией властных институтов. Нет никакого смысла в том, чтобы насадить чью-то голову на пику и бряцать оружием, в то время как над нами реют рукотворные звезды смерти — телеретрансляционные спутники[11].

Наша задача состоит в том, чтобы расширять трещины в якобы несокрушимой твердыне социального дискурса, постоянно отрывать куски от занавеса, прикрывающего бессодержательное зрелище, выявлять и помечать скрытые формы психологического контроля, обозначать на карте пути для побега, отламывать куски от кристаллов, образовавшихся из удушающих информационных паров, греметь кастрюлями и чайниками для того, чтобы пробудить нескольких горожан от медиа транса, использовать внутренние каналы передачи информации[12] для оркестровки наших атак на Империю большой лжи, заново учиться тому, как дышать всем вместе, жить в наших телах, как сопротивляться наркотику «информации». В действительности то, что я назвал «Прямым Действием», больше известно как непрямое, символическое, заражающее, оккультное и потаенное действие, нежели как причиняющее реальный вред, воинствующее и открытое. Мы вместе с нашими природными союзниками обрадуемся даже небольшому успеху. Однако сверхсложная структура может однажды сама потерять координацию и связь своих составляющих, и ее сила иссякнет. Этот день может настать (кто мог подумать, что в одно прекрасное утро 1989 года коммунизм испарится?[13]), он может настать тогда, когда перезрелый капитализм начнет таять, ведь в конце концов он всего лишь глупейший сплав выжившего из ума марксизма и фашистских пережитков. В один прекрасный день сама фабрика по производству Общественного Согласия начнет распадаться вместе с экономикой и всем прочим контекстом. Однажды колосс может дрогнуть и зашататься, как статуя Сталина на главной площади какого-нибудь провинциального городка. И в этот день,

возможно, телестудия будет взорвана и останется взорванной. Но до того — одна, две, десять, тысяча оккультных атак на социальные институты.

Давайте представим, что «Революция» свершилась. Мы свободны в своем выборе технологического уровня из широкого спектра возможностей — от примитивизма пещерного века до фантастических постиндустриальных технологий. И что же? Сторонники неопалеолита заставят устремленных в будущее избавиться от техники? Или, может быть, космические младшие братья прикажут Зерзан-итам купить оборудование для виртуальной реальности? Не дай бог. Надеемся, что этого не случится. Вопрос надо ставить в другой плоскости: насколько мне самому нравится жизнь охотников и собирателей в сравнении с жизнью среди эволюционирующей кибернетики? Нужен ли мне компьютер настолько, чтобы я сам взялся за выплавку кремниевых пластин? Ведь после «Революции» никто не возьмется за чужую работу. На этом сходятся все неавторитарные течения. Вам нужен лес, полный дичи? Тогда сами отвечайте за его первозданность. Хотите космический корабль? Только вы ответственны за его постройку, за весь технологический цикл — от добычи руды до отливки носового обтекателя. Приложите все усилия для создания коммуны или рабочей группы, которая займётся этим. Всеми средствами стремитесь к тому, чтобы ваши требования к технологическому уровню не пересекались с чужими. Помимо этих базовых правил, устраняющих возможность гражданской войны, только ваши собственные желания будут формировать технологический ландшафт в непосредственной близости от вас. Как отметил еще Фурье, уровень экономической сложности утопического общества будет находиться в гармонии со всеми желаниями. Я могу примерно предсказать, что может возникнуть. Все, что я себе представляю, это то, что я хотел бы воплотить сам. Лично я (согласно своему вкусу) предвижу что-то весьма напоминающее «боло-боло»: бесконечное разнообразие в едином революционном контексте позитивной свободы. Очевидно, что такие явления, как NASA-боло или Уолл-стрит-боло, невозможны, так как и NASA, и Уолл-стрит не самодостаточны и нуждаются в *отчуждении* для поддержания своего существования. Я могу также предположить, что повсеместно будет распространен низкий уровень технологического развития, или «экологически приемлемый» уровень (предсказанный теоретиками 60-х годов, такими, как Иллич), а местами будут попадаться как зоны, целиком занятые реставрированной перво(з)данностью, так и космодромы, с которых летают на Луну. В любом случае все это — научная фантастика. В своем труде я попытался увидеть тактики, которые могут использоваться любым неавторитарным течением. Как Тонг, так и магическая атака должны подойти и примитивистам, и технологам. Я веду разговор о пользе как магии, так и компьютеров, ибо и то и другое существует в мире, в котором я живу, и будет использовано в борьбе за освобождение. Не только будущее, но и настоящее содержит слишком много возможностей, слишком много ресурсов для того, чтобы все это можно было ограничить какой-либо идеологией, — таков его чрезмерный и всевозрастающий потенциал. Технологическая теория слишком узка. Иммедиализм предлагает вместо этого технологическую эстетику и предпочитает теории практику.

Примечание об архитектуре ВАЗ

Обычно ВАЗ не оставляет после себя никаких разрушений. Строительство — тоже не главный ее приоритет. Но поскольку все обитаемое пространство — это пространство архитектуры, а ВАЗ по определению существует в реальном пространстве и времени, то понятно, что и ВАЗ может обладать собственной архитектурой. Ее прототип — лагерь кочевников. Палатки, трейлеры, дома на колесах, дома на плотках[14]... Шапито старых времен или карнавал могут рассматриваться как модель для архитектуры ВАЗ. В городских условиях пустыри и трущобы становятся самыми подходящими местами для наших целей, но в Америке закон о частной собственности заставляет думать о трущобах как о жизненном пространстве бедняков. ВАЗ требует пространства изобилия, богатого не столько своей организационной сложностью (как это бывает в подконтрольном пространстве, в официальных зданиях капитала, религии, государства), сколько возможностями самовыражения. Временные игровые площадки, предложенные ситуационистами и городскими радикалами 60-х, обладали некоторым потенциалом, но в итоге оказались слишком дорогими и слишком спланированными. Архитектура городской ВАЗ почти повторяет архитектуру Парижской Коммуны. Микрорайон перекрывается баррикадами. Затем одинаковые дома бедноты связываются проходами, для чего в смежных стенах на высоте первого этажа пробиваются новые дверные проемы. Эти проходы напоминают нам об аркадах Фурье, проходя через которые фаланстерии попадали из личного пространства в общественные места и наоборот. Коммунальный городской блок становится укрепленной ВАЗ, где первый этаж и крыши отданы под общественное пространство вооруженного сопротивления, верхние этажи — под личное пространство, а перекрытые улицы — под территорию фестиваля. Этот план составлен под влиянием проекта Пи-Эм[15]. Там такой блок становится более устойчивой городской утопической коммуной. Что касается ВАЗ, то нельзя не заметить, что в описанном виде она испытывает на себе некоторые последствия собственной закрытости. Парадокс состоит в том, что ее жители сами будут стрелять через все проемы и дыры по «свободному миру», ибо ВАЗ — это убежище от удушающей закрытости Капитала, от трагического уродства индустриального мира. Ее здание лишено ломаных линий и острых углов. Палатка — не тюрьма, аркада — не ворота, баррикада — не проспекты Хауссмана.

Примечания

[1] Гражданские беспорядки, имевшие место в июне 1969 года в Нью-Йорке. Мятеж начался с полицейской облавы на гейбар «Стоунвольский Постоялый Двор» на улице Кристофера в районе Гринвич-вильдж. Начавшись с конфликта между черными гомосексуалами (основной частью посетителей бара) и полицией, мятеж ширился и охватил значительный район города, продолжавшись несколько ночей. «Стоунвольские беспорядки были водоразделом для геев, и когда плотина была прорвана, через эту дыру в социальных ограничениях хлынули идеализм, агрессия, и страстное желание» пишет историк Иан Янг. — *Прим. пер.*

[2] Распространенная у североамериканских индейцев форма праздника, в ходе которого имущественная верхушка племени избавлялась от избытка накопленных богатств путем их дарения или уничтожения. Таким образом, предотвращалось образование знати, следовательно, государства. — *Прим. пер.*

[3] Очевидно, как и количества самих ее членов — *прим. пер.* Да нет, не очевидно: коммуна может быть антинаталистской — *прим. публикатора.*

[4] Я не использую здесь термин «гипермедиа» в том смысле, который был придан ему нашими товарищами из Ксексоксиальной Эндархии: под «гипермедиа» они подразумевают простое сведение всех творческих информационных потоков в один пучок для достижения единого эффекта (для них это следующий шаг после «смешанного медиа»)… Я использую понятие «гипермедиа́ция», имея в виду репрезентацию реальности, доведенную до высшей степени унижительного отчуждения, находящей свое воплощение в продуктах потребления. — *Прим. автора*

[5] Учение мормонов было основано шайками бродячих масонских оккультистов. Лидеры мормонов до сих пор крайне чувствительны к беспокойным призракам старины. Римская Католическая Церковь может воспринять «магическую атаку» как знак Миллениума со всем присущим ей философским спокойствием и чистоитальянскими разглагольствованиями, в то время как мормоны возьмутся за оружие. — *Прим. автора*

[6] Главное не попасться с поличным, так как наказание нейтрализует всю силу, которую мы собрались накопить или применить, и даже может обратить нашу силу против нас. Хорошая акция Прямого Действия должна пройти относительно безнаказанно, как ни парадоксально это звучит. Отчисление из университета может испортить весь эффект. Иммедиализм хочет видеть в своих рядах боевиков от искусства, а не мучеников. — *Прим. автора.*

[7] Проблема с большей частью «трансгрессивного» искусства состоит в том, что оно не позволяет выходить за рамки, обозначенные ценностями Общественного Договора. Более того, оно возвращает эти ценности, точнее, доводит их докрайней степени вырождения. Эстетическое помешательство на «Смерти» представляет собой превосходный товар (то есть образ без внутреннего содержания), но если придать образу Смерти подлинный смысл, покупатели этого товара мигом переведутся. Покупать смерть — значит, покупать либо бездну несчастья, либо фашизм — обрыв, стоя над которым трепетал сам Батай, пытаюсь удержаться от падения. Я говорю это, несмотря на свое восхищение Батаем. — *Прим. автора*

[8] Это навсегда закроет дорогу к появлению таких картин на экранах телевизоров или страницах газет, а кроме того, заставит задуматься о взаимоотношениях между «красотой» и «пороком», между «искусством» и «цензурой», и т.д., и т.п. — *Прим. автора*

[9] «Политики» в массе своей не заслуживают того, чтобы быть объектами для атаки, ибо они всего лишь «бумажные тигры», но, возможно, их стоит атаковать именно как бумажных тигров. — *Прим. автора*

[10] Тут лидер "Онтологических Анархистов" заговаривается — отчуждение, конечно, не может «непосредственно влиять», так как механизм отчуждения как раз и состоит в опосредовании любого отношения. — *Прим. пер.*

[11] Хвала активистам, уничтожившим такой спутник при помощи топоров еще на земле Калифорнии. К несчастью, они были пойманы и наказаны. Их зарплаты пошли на покрытие причиненного ущерба. Плохо. — *Прим. автора*

[12] Внутренние информационные каналы по определению не проникают в подсознание масс подобно телевидению, фильмам, газетам. Но они могут «обращаться» к индивидууму. Ультракоротковолновое радио, открытые кабельные сети, малотиражная пресса, компакт-диски и кассеты, программное обеспечение и другие виды информационных технологий (*в нашем веке это сайты в Top и I2P, RSS-раздачи, каналы в Session messenger, торренты и приложения на базе торрентов (Bastyon), обмен агитпропом в IPFS или NOSTR, бесчисленные мини-сайты на базе neocities, \$PUSH, приватные аналоги YouTube (Odysee), и многое другое — прим. публикатора*) могут использоваться для организации внутренних информационных каналов. Идея «гипермедиа» как средства для подготовки восстания, предложенная Ксексок-сиальной Эндархией, здесь приобретает первостепенное значение. Сегодня внутри неавторитарной теории существуют два противоборствующих течения — примитивисты, выступающие против технических средств («Пятое Сословие» 12, «Анархия: Журнал Воинствующего Желания», Джон Зерзан) и футурологи — сторонники технологии (в том числе анархо-синдикалисты от левого крыла и анархо-либертарианцы от правого). Я нахожу аргументы как тех, так и других чрезвычайно информативными и вдохновляющими. В теории ВАЗ и практически повсюду я пытался мысленно примирить обе эти позиции в лоне моей собственной концепции. Теперь я полагаю, что на вопрос, поставленный сторонниками этих двух течений, нельзя ответить никак иначе, кроме как в практическом (другими словами, в политическом) процессе реализации желания. — *Прим. автора.*

[13] Занимательно, что автор считает, будто в СССР был коммунизм. Вероятно, большевизм назван коммунизмом просто ради "красного словца". — *прим. публикатора*

[14] Стоит добавить ещё одно сильное неупомянутое место для мощного ВАЗ: сквоты. — *прим. публикатора*

[15] За этими инициалами скрывается автор книги «Боло-боло». — *Прим. пер*

Коммюнике Ассоциации Онтологического Анархизма

1986, источник: [здесь](#)

КОММЮНИКЕ 1. Весна 1986

Лозунги и девизы для граффити в метро и для прочих целей:

“ *Безродный космополитизм*

Поэтический терроризм (царапать или ставить оттиски на рекламных щитах)

Этого вы хотите на самом деле

Марксизм-штирнеризм

Бастуйте за праздность и красоту духа

У маленьких деток прекрасные ножки

Цепи закона разбиты

Тантрическая порнография

Радикальный аристократизм

Партизаны города за свободу детей

Боло-боло

Гей-сионизм (Содом для содомитов)

Пиратские утопии

Хаос бессмертен

Некоторые из вышеперечисленных — «искренние» лозунги Ассоциации онтологического анархизма (АОА), другие предназначены для того, чтобы вызвать в публике враждебность и непонимание, — но мы точно не знаем, какие из них какие. Благодарим Сталина, Неизвестного автора, Боба Блэка, Пира Хасана (мир ему), Ф. Ницше, Хэнка Перселла-младшего, П. М. и брата Абу Джихад аль-Салаха из мавританского храма Дагон. Некоторые идеи поэтического терроризма по-прежнему уныло прозябают в мире концептуального искусства.

1. Войти в компьютерный зал для клиентов «Ситибанка» или «Химбанка» при большом скоплении народа, насрать на пол и убежать.

2. Чикаго, 1 мая 86: организовать религиозную процессию мучеников Хеймаркета — огромные знамена с сентиментальными портретами, в гирляндах цветов, фольге и лентах; пусть их несет покаянная процессия в черных рясах с капюшонами в КККатолическом стиле. Походно-полевые телеслужки курят ладан, брызгают в толпу святой водой — анархисты с вымазанными пеплом лицами хлещут себя маленькими плетками и бичами — «Папа» в черных одеждах благословляет крохотные жестяные гробики, которые плачущие панки благочестиво несут на кладбище. Такой спектакль должен оскорбить *почти всех*.

3. Расклеить на стенах в общественных местах ксерокопии листовки: фотография голого двенадцатилетнего мастурбирующего мальчика; к ней четкая подпись: «Лик божий».

4. *Анонимно* посылать по почте тщательно исполненные изящные магические благословения людям или группам людей, которыми вы восхищаетесь, например, за их политические убеждения, духовную и физическую красоту, успешную преступную деятельность и т. п. В общем и целом, следуйте процедуре, описанной ниже, в пункте 5, но пользуйтесь эстетикой удачи, восторга и любви — в зависимости от того, что больше подходит.

5. Навлечь страшное проклятие на какое-нибудь вредное *учреждение*, например, нью-йоркскую почту или компанию МУЗАК. Техника малайских колдунов: пошлите компании пакет, содержащий бутылку, закрытую пробкой и запечатанную черным воском. Внутри: дохлые насекомые, скорпионы, ящерицы и тому подобное; мешок с кладбищенской глиной («гри-гри» в терминологии американских вуду) и другими ядовитыми веществами; яйцо, пронзенное железными иголками и булавками; свиток, на котором изображена янтра (эта янтра, или «веве», вызывает Черного Джина, *темную* сторону «я»). Подробности можно узнать в АОА). В сопроводительной записке объясните, что злые чары обращены на учреждение, а не на людей — но если учреждение это само по себе не перестанет быть *вредным*, проклятие (словно зеркало) начнет заражать его территорию злосчастьем, миазмами негативности. Подготовьте «выпуск новостей», в котором разъясните проклятье и берете на себя за него ответственность от имени Американского поэтического общества. Пошлите экземпляры этого текста всем служащим компании и в некоторые средства массовой информации. В ночь перед тем, как эти письма дойдут до адресатов, заклейте стены учреждения ксероксными эмблемами Черного Джина, так чтобы все служащие увидели их, придя на работу следующим утром.

(Еще раз спасибо Абу Джехаду, а также Шро Анаманате — мавританскому кастеляну Бельвересской башни погоды — и другим друзьям из Автономной зоны Центрального парка — и Бруклин-Темпл №1.)

КОММЮНИКЕ 2. Памятное болото

Калликак и ашрам хаоса: предложение

Испытывая одержимость трейлерами «Эрстрим» — этими классическими миниатюрными дирижаблями на колесах — равно как и сосновыми пустошами Нью-Джерси, огромными

затерянными в пространстве задворками, состоящими из песчаных лощин и смолистых сосен, клюквенных болот и призрачных городов, где население 14 человек на квадратную милю, грунтовые дороги, заросли папоротников, провалившиеся лачуги и отдельно встречающиеся ржавые бытовки со сгоревшими автомобилями в двориках.

Земля мифических калликаков — сосновых семеек, которых исследовали евгеники в 1920-е годы на предмет оправдания стерилизации бедняков. Некоторые калликаки выгодно женились, преуспели и стали буржуа благодаря хорошим генам — другие никогда по-настоящему не работали, а жили в лесу — инцест, содомия, умственная отсталость цвели пышным цветом — фото подретушированы, чтобы лица выглядели пустыми и тупыми — произошли от мошенников-индейцев, гессийских торговцев, контрабандистов рома, дезертиров — лавкрафтовские дегенераты.

А ведь если подумать, калликаки вполне могли произвести на свет тайных хаотов, секс-радикалов, пророков Нуля. Как и другие монотонные пейзажи (пустыня, море, болото), пустоши, похоже, пронизанные некой эротической мощью — это не столько врил, или оргон, сколько тягучий беспорядок, почти похотливость природы, как будто вода и суша сотканы из сексуальной плоти, мембран, пещеристых эрекционных тел. Мы хотим разбить здесь бивак — может быть, заброшенный охотничий или рыбацкий домик с плитой и сортиром — или разваливающийся кемпинг у деревенской дороги, по которой никто не ездит — или просто гуща деревьев, где мы припаркуем два-три «Эрстрима» — среди сосен, у ручья или пруда. Были ли калликаки способны на что-нибудь путное? Посмотрим.

Где-то мальчики мечтают, что придут инопланетяне и вызволят их из семей, возможно, при этом испепелив родителей каким-нибудь космическим лучом. Разоблачение Заговора космических пиратов о похищении детей — Инопланетянин под маской оказался фанатическим диким шиитом-поэтом — НЛО над Сосновой пустошью — Пропавшие мальчики покинут Землю — утверждает так называемый пророк Хаоса Хаким Бей. Мальчики-беглецы, грязь и беспорядок, экстаз и похоть, детство как постоянный бунт, коллекции — лягушек, улиток, листьев — хождение пописать при луне — 11, 12, 13 — достаточно взрослые, чтобы отобрать бразды правления своей собственной историей у родителей, школы, социальных служб, телевидения — приходите жить с нами в Пустоши — мы выращиваем местный сорт бессемянной травы, чтобы финансировать свои прихоти и созерцание летней алхимии — и больше ничего не производить, кроме артефактов Поэтического Терроризма и памяток о наших радостях.

Ездить на бесцельные прогулки в старом пикапе, ловить рыбу и собирать ягоды, валяться в тенечке, читая комиксы и поедая виноград — вот наша экономика. Полнота вещей, не скованных законом, каждая молекула — орхидея, каждый атом — жемчужина для внимательного сознания — вот наш культ. «Эрстрим» задрапирован персидскими коврами, газон ломится от довольных жизнью трав.

Дом в деревьях становится деревянным космическим кораблем в обнаженности июля и полночи, полуоткрытый звездам, теплый от эпикурейского пота, то взлетая, то затихая в дыхании сосен. (Дорогой Боло Лог: ты просил меня о практической и доступной утопии — вот она, не простая фантастика после катастрофы, никаких замков на Луне и на Юпитере —

схема, к исполнению которой мы можем приступить завтра — не считая того, что каждый ее аспект нарушает какой-нибудь закон, разоблачает какое-нибудь абсолютное табу в американском обществе, угрожает самому обществу и т. д., и т. п.) Это наше истинное желание, и чтобы достичь его, мы должны размышлять о жизни, состоящей не только из чистого искусства, но и из чистого преступления, чистого бунта. Аминь.

КОММЮНИКЕ 3. Хеймаркетский выпуск

“ «Я должен только походя отметить странное возрождение рыбной традиции в цикле фильмов о Годзилле, появившемся после того, как ядерный хаос обрушился на Японию. Собственно, символические детали в эволюции киношного поп-фольклора Годзиллы образуют удивительную параллель с традиционными для мифологии и фольклора Китая и Японии темами сражения с амбивалентными существами из хаоса (причем некоторые фильмы, например «Мотра», непосредственно содержат древние мотивы космического яйца (кокона), которое обычно укрощается после неудачной попытки упорядочить цивилизацию с помощью особых и непрямолинейных манипуляций со стороны детей)».

— Жирардо, «Миф и смысл в раннем даосизме: Тема хаоса (Хунь-Дунь)

В одном из Храмов мавританской науки (в Чикаго или Балтиморе) один мой знакомый утверждал, что видел тайный алтарь, где покоился комплект из 6 арбалетов (в бархатном футляре) и черной фески. Возможно, инициация во внутренний круг требовала, чтобы неофит убил, по меньшей мере, одного полицейского. /// А как же Луис Линг? Был ли он предшественником онтологического анархизма? «Я презираю вас» — разве можно не восхищаться подобными эмоциями. Но человек взорвал себя динамитом в возрасте 22 лет, чтобы избежать виселицы... это не совсем тот путь, который выбрали мы. /// Само ПОНЯТИЕ «Полиция», словно гидра, отращивает сто новых голов вместо одной отрубленной — и все эти головы — живые копы. Отрубая головы, мы ничего не выигрываем — это будет только увеличивать силу чудовища, пока оно нас всех не пожрет. /// Сначала убейте ИДЕЮ — взорвите монумент, существующий внутри нас — а потом, может быть... баланс сил сдвинется. Когда последний коп в нашем мозгу будет застрелен насмерть последним неисполненным желанием — тогда, может быть, даже пейзаж вокруг нас начнет меняться... /// Поэтический терроризм предлагает это саботирование архетипов как единственно верную революционную тактику на данный момент. Но, подобно шиитам-экстремистам, жаждущим разделаться любыми средствами со всеми полицейскими, аятоллами, банкирами, палачами, священниками и т. п., мы оставляем за собой выбор — с почтением относиться даже к «неудачам» радикальных эксцессов. /// Несколько дней свободы от Империи лжи могут стоить значительной жертвы; миг возвышенного свершения может перевесить целую жизнь, заполненную микроцефальной скукой и работой. Но этот миг должен принадлежать нам — и наше владение им может быть сильно скомпрометировано, если мы должны совершить самоубийство, чтобы сохранить его целостность. Поэтому к нашему почтению примешивается ирония — мы провозглашаем не

мученичество как таковое, а отвагу динамитчика, самообладание чудовища из хаоса, достижение незаконных, криминальных радостей.

КОММЮНИКЕ 4. Конец света

АОА официально объявляет, что ей осточертел Конец Света. Каноническая версия используется с 1945 года, чтобы заставить нас дрожать в страхе перед неизбежным всеобщим уничтожением и в раболепном услужении нашим супергероям-политикам (единственным, кто может справиться со смертельным зеленым криптонитом...). Что означает тот факт, что мы изобрели способ уничтожить все живое на Земле? Да ничего особенного. Мы мечтали об этом как об избавлении от раздумий о нашей личной смерти. Мы создали эмблему, которая может служить зеркальным отражением отброшенной идеи бессмертия. Как безумные диктаторы, мы падаем в обморок от мысли о том, чтобы взять все это с собой в бездну.

Неофициальная версия Апокалипсиса связана со сладострастным стремлением к Концу, к раю, который наступит после светопреставления, где выжившие (или 144 тысячи избранных из «Откровения») смогут предаваться оргиям дуалистической истерии, бесконечным последним сражениям с соблазнительным злом...

Мы видели призрак Рене Генона, иссохший как труп, с феской на макушке (как Борис Карлов в роли Ардисбея в «Мумии»), во главе кладбищенского рок-ансамбля, выдающего «ноу-вэйв-индастриал-нойз» в виде громко жужжащих навозно-мушинных песен о смерти культуры и космоса, — элитарный фетишизм патетических нигилистов, гностическое отвращение к самим себе «постсексуальных» интеллектоидов.

Разве эти унылые баллады — не простые зеркальные отражения всех тех лживых и плоских слов о Прогрессе и будущем, несущихся из каждого громкоговорителя, струящихся, как параноидальные мозговые волны, из всех школьных учебников и телевизоров мира Консенсуса? Танатос хипов-миллениаристов сочится, как гной, из-под фальшивого здоровья рая рабочих и потребителей.

Каждый, кто читает историю обоими полушариями мозга, знает, что мир кончается каждый миг — схлынувшие волны времени оставляют за собой лишь воспоминания о закрытом окаменевшем прошлом — несовершенную память, которая и сама переживает осеннее умирание. И каждый миг в то же время дает рождение миру — несмотря на завывания философов и ученых с окостеневшими членами — рождает настоящее, в котором все невозможности обновляются, где сожаления и дурные предчувствия сходят на нет в едином голограмматическом психомантрическом жесте бытия.

«Нормативное» прошлое или грядущая тепловая смерть Вселенной означают для нас так же мало, как прошлогодний ВВП или как отмирание государства. Все идеалы преходящи, всякое будущее, которые еще не прошло, просто скрывает от наших глаз всеобщее живое настоящее.

Некоторые секты верят, что Конец Света (или этого света) уже наступил. Для Свидетелей Иеговы это случилось в 1914 году (да, ребята, мы уже живем в «Книге Откровения»). Для некоторых восточных оккультистов это случилось во время великого парада планет в 1962 г. Иоахим Флорский объявил Третье царство, то есть царство Святого Духа, которое сменило царства Отца и Сына. Хасан II Аламутский провозгласил великое воскресение, имманентизацию эсхатона, рай на земле. Профанное время исчерпалось примерно в конце Средневековья. С тех пор мы живем в ангелическом времени — только большинство из нас об этом не знает. А можно принять еще более радикальную монистическую точку зрения: время вообще никогда не начиналось. Хаос никогда не умирал. Империя никогда не была основана. Мы не являемся и никогда не были рабами прошлого или заложниками будущего.

Мы предлагаем, чтобы Конец Света был объявлен свершившимся фактом; точная дата неважна. Рантеры[1] в 1650 году знали, что миллениум входит в каждую душу, которая осознала себя самое, свою центральность и божественность. «Радуйся, тварь живая, — приветствовали они друг друга, — Все принадлежит нам!»

Я не хочу никакого другого Конца Света. Мальчик улыбается мне на улице. Черная ворона сидит на розовом дереве магнолии, разевая клюв, в то время как оргон накапливается и взрывается над городом каждую долю секунды... начинается лето. Я могу быть вашим любовником... но я плюю на ваш миллениум.

КОММЮНИКЕ 5. «Интеллектуальный садомазохизм — это фашизм 80-х — авангард жрёт дерьмо и ему это нравится!»

Товарищи!

Недавние волнения, связанные с «Хаосом», вытеснили АОА с некоторых реваншистских позиций, что заставило нас, презирающих полемику, по крайней мере, открыть пленарное заседание, посвященное обличениям *ex cathedra*, веским, как черт знает что; наши лица покраснели от риторики, рты брызжут слюной, вены на шее вздуваются от проповеднического пыла. Мы должны наконец опуститься до развевающихся знамен с оскорбительными лозунгами (как в 1930-е годы), провозглашающими, чем не является онтологический анархизм. Вспомните, только в классической физике хаос ассоциируется с энтропией, теплотой, смертью или разложением. В нашей физике (теории хаоса) хаос идентифицируется с Дао, он существует вне инь-энтропии и ян-энергии; он в большей степени — основа континуального мира, чем любое ничто, он пуст как потенциал, а не как исчерпанность (хаос как «сумма всех порядков»).

Из этой алхимии мы извлекаем квинтэссенцию эстетической теории. Хаотическое искусство может действовать устрашающе, оно может действовать как Гран-Гиньоль, но никогда не позволит себе утонуть в гнилой негативности, танатосе, schadenfreude (наслаждении страданиями других), кудахтанье над памятью о нацизме и серийными убийствами. Онтологический анархизм не собирает сопливых фильмов, а доминатрисы, брызжущие французской философией, нагоняют на него смертельную скуку. («Все безнадежно, и я знал это раньше тебя, жопа!»)

Вильгельма Райха довели до безумия и убили возбудители эмоциональной чумы. Может быть, половина его трудов продиктована чистой паранойей (заговоры НЛО, человекобоязнь, даже его теория оргазма); но в одном пункте мы сходимся безоговорочно: сексуальное подавление ведет к одержимости смертью, а она, в свою очередь — к бурной политике. Значительная часть авангардистского искусства насыщена смертельными лучами оргона (DOR). Онтологический анархизм направлен на создание эстетических пушек, разгоняющих тучи (OR-guns), чтобы развеять миазмы мозгового садо-мазохизма, который сейчас сходит за нечто изящное, хипповое, новое, модное. Членовредительствующие художники «перформанса» кажутся нам пошлыми и глупыми — от их искусства всем только хуже. Что за преступное бинарное лошадиное дерьмо... что за рептилии от искусства с тараканьими мозгами сварили эту апокалипсическую похлебку?

Конечно, авангард кажется «умным» — такими же казались и Маринетти, и футуристы, такими же казались Паунд и Селин. Такому уму мы предпочитаем откровенную глупость, буколическую, восторженную безмятежность Новой Эры — лучше мы будем болванами, чем некрофилами.

Но к счастью, нам не нужно выковыривать собственные мозги, чтобы достичь нашей странной формы сатори. Все способности, все органы чувств принадлежат нам как собственность — сердце и голова, интеллект и дух, тело и душа. Наше искусство — это искусство не увечья, а избытка, изобилия, удивления. Переносчики беспричинной тоски — это батальоны смерти современной эстетики, а мы — вымирающий вид. Их показушный банальный зал с оккультным хламом Третьего Рейха и детоубийствами привлекает манипуляторов спектаклем — смерть по телевидению выглядит лучше, чем в жизни — а нас, хаотов, проповедников радостей бунта, вытесняют на обочину немоты.

Излишне говорить, что мы отвергаем любую цензуру со стороны Церкви и государства — но «после революции» мы лично проследим за тем, чтобы сопливые порождения искусства батальонов смерти были сожжены, а их авторы вывезены из города товарным поездом. (В анархистском контексте критика становится непосредственным действием). В моем пространстве нет места ни для Иисуса с его повелителями мух, ни для Чарльза Мэнсона и его литературных почитателей. Я не хочу мирской полиции — но я не желаю и космических палачей с секирой; ни массовых телевизионных убийств циркулярной пилой, ни чувствительных постструктуралистских романов о некрофилии.

В настоящее время АОА едва ли может надеяться на саботирование утешающих механизмов государства и его призрачных схем — но вполне возможно, что мы сумеем что-то сделать хотя бы для того, чтобы зараза DOR, вроде пожирателей трупов с Нижнего Ист-Сайда, и

прочая накипь искусства проявляла себя не столь агрессивно. Мы поддерживаем художников, которые используют ужасающий материал в целях «высшей правды» — тех, кто использует материал любви и секса, пусть шокирующий и незаконный — кто использует собственные гнев и отвращение и собственные истинные желания в порыве к самореализации, красоте и приключению. «Социальный нигилизм», да — но не мертвый нигилизм гностического омерзения к себе самим. Пусть оно будет буйным и ранящим: любой человек, обладающий рудиментарным третьим глазом, отличит революционное искусство, прославляющее жизнь, от реакционного, прославляющего смерть. DOR смердит, и нос хаота чувствует это зловоние — точно так же, как способен унюхать аромат духовного/ сексуального наслаждения, даже заглушаемого и отбиваемого другими, более мрачными запахами. Даже правые радикалы, несмотря на их ужас перед плотью и чувствами, временами переживают моменты обостренного восприятия и сознания — но батальоны смерти, несмотря на их провозглашаемое служение модным революционным абстракциям, предлагают нам столько же освободительной энергии, сколько ФБР, ФДА[2] или баптисты-перекрещенцы.

Мы живем в обществе, которое рекламирует свои самые дорогие товары с помощью образов смерти и увечья, проецируя их прямо в рептильный мозжечок миллионных масс с помощью генерирующих волны, канцерогенных, искажающих реальность приборов — в то время как некоторые картины жизни (в том числе наша любимая детская мастурбация) запрещены и наказываются с невероятной свирепостью. Совсем не надо обладать мужеством, чтобы быть садистом от искусства, потому что распутная смерть составляет эстетический центр нашей парадигмы консенсуса. «Леваки», которые любят рядиться в маскарадные одежды и играть в «полицейского и жертву», люди, которые так и кидаются на фотографии катастроф, люди, которые любят размышлять и разглагольствовать о хаотическом искусстве, о пафосной безнадежности, о прекрасной мерзости, о несчастьях других людей, — такие «художники» не что иное, как полиция без власти (определение, прекрасно подходящее и ко многим революционерам). У нас есть черная бомба для этих фашистов эстетики; она взрывается спермой и хлопучками, сорняками и пиратством, безумными шиитскими ересями и пузырящимися фонтанами рая, сложными ритмами, пульсациями жизни — и все это бесформенно и изысканно.

Проснитесь! Дышите! Ощутите дыхание мира на своей коже! Ловите момент! Дышите! Дышите!

КОММЮНИКЕ 6.

* I. Салон «Апокалипсис»: Тайный театр

Поскольку никакой Сталин не дышит нам в затылок, почему бы не сотворить несколько произведений искусства во имя... бунта? Не расстраивайтесь, если это «невозможно». Чего еще мы должны стремиться достичь, если не «невозможного»? Неужели мы должны ждать, чтобы кто-то открыл нам наши истинные желания? Если искусство умерло и публика

исчезла, можем считать, что мы сбросили с себя двойной мертвый груз. Сегодня каждый своего рода потенциальный художник — а любая публика потенциально вновь обрела невинность, способность стать тем искусством, которое она переживает.

В случае если мы сможем избавиться от музеев, которые носим в себе, если перестанем продавать себе билеты в галереи, живущие в наших черепах, мы сумеем созерцать искусство, которое воссоздает цель волшебника: изменение структуры реальности с помощью манипуляции живыми символами (в данном случае образы, которыми нас «наделили» организаторы этого салона — убийство, война, голод и жадность).

Теперь мы можем созерцать эстетические акции, которые несут в себе резонанс терроризма (или «жестокости», как говорил Арто), направленного скорее на разрушение абстракций, чем людей, скорее на освобождение, чем на власть, скорее на удовольствие, чем на выгоду, скорее на радость, чем на страх. Выбранные нами образы «Поэтического терроризма» имеют темный потенциал; но все образы — это маски, а за масками лежит энергия, которую мы можем обратить в свет и наслаждение.

Например, изобретателем айкидо был самурай, который стал пацифистом и отказался сражаться за японский империализм. Он стал отшельником, поселился в горах и провел жизнь, сидя под деревом.

Однажды бывший офицер-однополчанин явился к нему и обвинил его в измене, трусости и т. п. Отшельник ничего не сказал, а продолжал сидеть; офицер впал в ярость, выхватил меч и нанес удар. Безоружный мастер мгновенно разоружил офицера и вернул ему меч. Снова и снова офицер пытался совершить убийство, пользуясь всеми тончайшими *катами*, которые он знал, — но отшельник каждый раз находил способ разоружить его, пользуясь лишь собственным пустым сознанием.

Офицер, конечно же, стал его первым учеником. Позже они научились *увертываться от пуль*. Мы можем созерцать некую метадраму, передающую вкус этого представления, которое породило совершенно новое искусство, ненасильственный способ сражаться, войну без убийства, «меч жизни», а не смерти.

Заговор художников, анонимных, как всякие безумные бомбисты, но имеющих своей целью акт бескорыстного великодушия, а не насилия — миллениум, а не апокалипсис — или, точнее всего, момент эстетического шока, переживаемый во имя реализации и освобождения.

Искусство — источник роскошной лжи, которая становится правдой.

Возможно ли создать ТАЙНЫЙ ТЕАТР, в котором и актер, и зритель бесследно исчезли — лишь для того, чтобы вновь появиться на новом уровне, где жизнь и искусство стали едины — чистое дарение даров?

[Примечание: салон «Апокалипсис» был организован Шэрон Гэннон в июле 1986 г.]

* II. Убийство — Война — Голод — Жадность

Манихеи и катары верили, что тело может быть одухотворено — или, скорее, что тело попросту оскверняет чистый дух и его надо полностью отвергнуть. Гностики, стремившиеся к совершенству (радикальные дуалисты), морили себя голодом до смерти, чтобы отринуть тело и вернуться в плерому чистого света. Итак: избежать зла, заложенного в плоти — убийства, войны, голода, жадности — как это ни парадоксально, можно только одним способом: убийством собственного тела, войной с плотью, голодом, ведущим к гибели, жадностью до спасения. Однако радикальные мониисты (исмаилиты, рантеры, антиномисты) считают, что тело и дух едины, что тот же дух, который содержится в черном камне, пронизывает своим светом и плоть; что все живет, все — жизнь.

«Вещи есть то, что они есть... все естественно... все находится в движении, как будто существует истинный Господь, который движет мир — но если мы станем искать доказательств существования этого Господа, мы не найдем их».

Как ни парадоксально, чтобы следовать мониистическим путем, тоже необходимы своего рода «убийство, война, голод, алчность»: превращение смерти в жизнь (пища, негэнтропия) — война против Империи лжи — «пост души», или отказ ото лжи, от всего, что не является жизнью, — и алчность до самой жизни, до абсолютной власти желания.

Более того: без познания тьмы («плотского знания») не существует знания света («гносиса»). Оба знания не просто дополняют друг друга: они скорее идентичны, как одна и та же нота разных октав. Гераклит утверждал, что реальность пребывает в состоянии «войны». Только столкновение нот может породить гармонию. («Хаос как сумма всех порядков».) Наденьте на каждое из этих четырех понятий новую словесную маску (называть фурий «добрыми духами» — не просто использование эвфемизма, но и способ раскрытия более глубинного смысла). Прикрытые масками и ритуалом, реализованные как искусство, эти понятия обретают темную красоту, «Черный свет».

Вместо «убийство» достаточно сказать «охота»; чистая палеолитическая экономика всех архаических и неавторитарных обществ — «культ» (*venerary*), убийство и поедание плоти и одновременно культ Венеры, желания. Вместо «война» скажем «восстание» — не революция, связанная с классами и властью, но вечный бунт темной силы, открывающей свет. Вместо «алчность» — «влечение», непобедимое желание, безумная любовь. А вместо «голода», который сам по себе разновидность увечья, можно говорить о целостности, полноте, изобилии, щедрости «я», которое по спирали движется вовне — по направлению к другому. Без этой пляски масок ничто не может быть создано. Древнейшая мифология считает Эроса первенцем Хаоса. Эрос, дикарь-укротитель — это ворота, сквозь которые художник возвращается к Хаосу, к Единству, а потом возвращается обратно, неся с собой один из образцов красоты. Художник, охотник-воин? Самый страстный и самый уравновешенный, одновременно жадный и великодушный до крайности. Мы должны спасти себя от всех видов спасения, которые спасают нас от самих себя, от нашей *животной* сути,

которая в то же время наша *анима*, жизненная сила, или наш *анимус* — одухотворяющая внутренняя сила, которая может проявляться даже как гнев и алчность. ВАВИЛОН научил нас, что наша плоть мерзка — с помощью этой уловки он поработил нас, посулив спасение. Но если плоть уже «спасена», уже является *светом*, если даже само сознание — это разновидность плоти, осязаемый и единовременный живой эфир — то нам не нужна сила, которая стала бы для нас посредником. Пустыня, как говорил Омар, — рай уже *сейчас*.

На самом деле *убийство* — это принадлежность Империи, ибо единственная свобода — полная жизнь. *Война* также принадлежит Вавилону — ни один живой человек не захотел бы умирать, чтобы возвеличить кого-то. *Голод* появляется лишь вместе с цивилизацией спасителей, жрецов-царей — не Иосиф ли научил фараона спекулировать будущим урожаем? *Алчность* — погоня за землей, за символическим богатством, за властью, позволяющей деформировать души и тела других во имя их же спасения — алчность тоже вырастает не из «природствования природы», а из плотин, воздвигнутых на пути всех форм энергии, чтобы направить на славу Империи. Против всего этого у художника есть одно оружие: танец масок, полная радикализация языка, изобретение «Поэтического терроризма», который бьет не по живым существам, а по зловредным идеям — мертвому грузу на крышке гроба наших желаний. Архитектура удушья и паралича должна быть *взорвана* лишь безоговорочным прославлением всего живого — даже тьмы.

Летнее солнцестояние, 1986 г.

КОММЮНИКЕ 7. Духовный палеолитизм и высокие технологии: изложение позиций

Лишь потому, что АОА то и дело говорит о «палеолитизме», не надо думать, что мы собираемся отшвырнуть себя назад, в каменный век.

Мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы «вернуться к земле», если имеется в виду унылая жизнь копающегося в навозе крестьянина, — так же как не желаем «племенного строя», если он связан с табу, фетишизмом и недоеданием. Мы не в конфликте с концепцией культуры — включая технологии, для нас проблема возникает с цивилизацией.

То, что нам нравится в палеолитической жизни, было изложено антропологической школой «Народы-без-власти»: элегантная лень общества охотников и собирателей, двухчасовой рабочий день, одержимость искусством, танцем, поэзией, любвеобильностью, «демократизация шаманизма», культивирование чувственного восприятия — одержимость культурой.

То, что нам не нравится в цивилизации, можно вывести из следующей прогрессии: «сельскохозяйственная революция»; возникновение каст; город с его культом

иератического правления (Вавилон); рабство; догма; империализм («Рим»). Подавление сексуальности «работой» под эгидой «авторитета». «Империя никогда не прекращала существовать».

Духовный палеолитизм, основанный на высоких технологиях — сельскохозяйственный, постиндустриальный, номадический (или «безродно-космополитический») — общество совершенной парадигмы — вот как представляется идеал будущего в соответствии с теорией хаоса, равно как и с «футурологией» (в том смысле, в каком употребляют это слово Роберт Антон Уилсон и Т. Лири).

Что до настоящего: мы отвергаем любое сотрудничество с цивилизацией анорексии и булимии, с людьми, которые так стыдятся того, что никогда не страдали, что изобретают власяницы для себя и других, — с теми, кто жрет без зазрения совести, а потом разбрызгивает блевотину своей вытесненной вины в долгих мазохистских приступах диеты и бега трусцой. Все наши удовольствия и формы самодисциплины принадлежат нам от природы — мы никогда не отрицаем самих себя, мы никогда ни от чего не отказываемся; но некоторые вещи отказались от нас и покинули нас, потому что мы слишком велики для них. Я одновременно пещерный человек и межпланетный мутант, каторжник и свободный принц. Одного индейского вождя как-то пригласили на банкет в Белый дом. Когда разносили блюда, вождь наполнял свою тарелку с верхом, и не один раз, а целых три. Наконец сидящий рядом с ним тип сказал: «Вождь, хе-хе, вам не кажется, что это многовато?» — «Угу, — ответил вождь, — многовато — это как раз достаточно для вождя!»

Тем не менее, некоторые доктрины «футурологии» остаются проблематичными. Например, если мы принимаем освободительный потенциал таких новых технических средств, как телевидение, компьютеры, робототехника, космические полеты и т. п., мы все же видим зазор между потенциальными и реальностью. Опошление телевидения, «яппификация» компьютеров и милитаризация космонавтики показывают, что эти технологии сами по себе не дают «решающей» гарантии, что их будут использовать в целях освобождения.

Даже если мы отвергаем ядерную катастрофу как очередной зрелищный спектакль, призванный отвлечь наше внимание от реальных проблем, мы все же признаем, что «гарантированное взаимное уничтожение» и «чистая война» несколько охлаждают наш энтузиазм относительно некоторых аспектов высоких технологий. Онтологический анархизм хранит верность луддизму как тактике: если данное техническое изобретение, какие бы замечательные возможности ни были в нем заложены на будущее, сегодня используется для того, чтобы меня угнетать, значит, я должен либо выковать оружие для саботажа, либо захватить средства производства (или, что важнее, средства коммуникации). Без *технэ* нет человечности — но никакое *технэ* не стоит больше, чем моя человечность.

Мы отвергаем вихляющий коленками, выступающий против техники анархизм — по крайней мере для себя (ведь есть люди, которые любят заниматься фермерством, во всяком случае, на словах) — и в то же время для нас все формы детерминизма одинаково отвратительны — мы не хотим быть рабами ни собственных генов, ни машин. Все естественное — это то, что мы представляем себе и создаем. «У природы нет законов — только привычки». Для нас жизнь не принадлежит ни прошлому — этой стране знаменитых призраков, чахнувших над

своей оскверненной могилой — товарами — ни будущему, населенному яйцеголовыми мутантами, ревниво хранящими тайны бессмертия, сверхсветовых полетов, генной инженерии и отмирания государства. Aut nunc, aut nihil. Каждый миг содержит в себе вечность, в которую можно проникнуть: а мы вместо этого теряем себя, глядя на мир глазами трупов или тоскуя по нерожденному совершенству.

Достижения моих предков и потомков для меня ничуть не важнее, чем поучительная или забавная сказка, — я никогда не скажу, что они лучше меня, даже в целях оправдания собственного ничтожества. Я выдал сам себе лицензию — красть у них все, что мне нужно: духовный палеолитизм или высокие технологии, секреты тайных магистров, удовольствия фривольного дворянства и жизнь богемы.

Вопреки тому, что говорил Ницше, декаданс играет в онтологическом анархизме такую же важную роль, как здоровье, — мы берем то, что нам нужно, у всех.

Декадентские аскеты не ведут глупых войн и не топят свое сознание в микроцефальной алчности и ненависти. Они ищут приключений в художественном новаторстве и неординарной сексуальности, а не в страданиях других. АОА восхищается и берет на вооружение их лень, их презрение к глупости и обыденности, их экспроприацию аристократической рассудительности. Для нас эти качества парадоксальным образом гармонируют со свойствами, присущими каменному веку с его бьющим через край здоровьем, неведением иерархии, почитанием добродетели, а не закона. Мы желаем декаданса без болезненности и здоровья без скуки!

Поэтому АОА всецело поддерживает как все туземные и первобытные народы в их борьбе за полную автономию — так и самые дикие, из ряда вон выходящие фантазии и чаяния футурологов. Палеолитизм будущего (которое для нас, мутантов, уже наступило) может быть повсеместно достигнуто только лишь с помощью массового развития технологии Воображения, научной парадигмы, которая выходит за пределы совершенной механики в мир теории хаоса и галлюцинаций спекулятивного вымысла.

Как безродные космополиты мы претендуем на все красоты прошлого, Востока, племенных обществ — все это может и должно принадлежать нам, даже сокровища Империи: мы должны владеть этим, чтобы делиться. В то же время мы требуем техники, которая превосходит сельское хозяйство, промышленность, даже всеобщность электричества; техники, которая пересекается с природой сознания, включает в себя силу кварков, частиц, двигающихся назад во времени, квазаров и параллельных вселенных.

Враждующие друг с другом идеологии анархизма и либертарианства предписывают каждая собственную утопию, соответствующую их ограниченному видению — от крестьянской коммуны до космического города. Мы же говорим: пусть расцветают тысячи цветов, только без садовника, выпалывающего сорняки, и без упражнений, соответствующих какой-либо морализаторской или евгенической схеме. Единственный истинный конфликт — это конфликт между авторитетом тирана и авторитетом реализованного «я», все остальное — иллюзия, психологическая проекция, слова, выброшенные на ветер.

В определенном смысле сыновья и дочери Геи так и не покинули палеолита, в то же время — все совершенство будущего уже принадлежит нам. Лишь бунт может «разрешить» этот парадокс; лишь восстание против ложного сознания, как нашего собственного, так и чужого, сметет технику подавления и убожество Спектакля. В этом сражении разрисованная маска или бубен шамана могут оказаться так же жизненно необходимыми, как захват спутника связи или засекреченной компьютерной сети. Единственный наш критерий выбора оружия или орудия — это его красота. Средства уже в некотором смысле являются целью; бунт уже стал нашим приключением. Становление есть бытие. Прошлое и будущее существуют в нас и для нас, альфа и омега. Ни до нас, ни после нас нет других богов. Мы все свободны во времени — и станем свободными также и в пространстве.

КОММЮНИКЕ 8. Теория Хаоса и нуклеарная семья

Воскресенье в парке на берегу реки: папаши удерживают сыновей на месте, пригвождая их к траве злобными заколдованными взглядами молочных уз и заставляя часами бросать туда-сюда бейсбольные мячи. Мальчики похожи на маленьких святых Себастьянов, пронзенных стрелами скуки.

Самодовольные ритуалы семейных радостей превращают любую летнюю влажную лужайку в тематический парк, где каждый сын, сам того не ведая, превращается в аллегию папашиного богатства, бледное отражение, в два или три раза меньше натуральной величины: ребенок как метафора того-или-иного.

И едва наступают сумерки, прихожу я, зависаю на грибной пыли, наполовину уверенный, что все эти сотни светлячков — порождение моего собственного сознания: где они были все эти годы? Откуда их сразу столько? — каждый вспыхивает и взлетает, описывая быстрые полукружия, словно абстрактные графики энергии спермы.

«Семьи! Скупцы любви! Как я их ненавижу!» Бейсбольные мячи бесцельно летают в сумеречном свете, их не удастся поймать, голоса звучат громче в обреченной усталости. Дети ощущают корку заката, покрывающую последние часы отпущенной им свободы, но папаши упорствуют, продлевая тепловатую постлюдию своей патриархальной жертвы до самого ужина, пока тени не съедят траву.

Один из этих детей «среднего класса» на миг скрещивает со мной взгляд — я телепатически передаю образ сладкой вседозволенности, запах времени, освобожденного от всех оков школы, уроков музыки, летних лагерей, вечеров в кругу семьи, воскресений-в-парке-с-папой — истинного времени, хаотического времени.

Вот семья покидает парк — маленький взвод недовольства. Но этот оборачивается, заговорщически улыбается мне: «Сообщение получено» — и упархивает вслед за светлячком, окрыленный моим желанием. Отец рявкает мантру, уничтожающую мою власть.

Момент упущен. Мальчик поглощен недельным распорядком, он исчезает, как голоногий пират или индеец, взятый в плен миссионерами. Парк знает, кто я такой, он ворочается подо мной, как гигантский ягуар, готовый проснуться и приступить к ночной медитации. Печаль еще сковывает его, но в своей глубинной сути он остается неприрученным: изысканный беспорядок в сердце ночи.

КОММЮНИКЕ 9. Двойное порицание

I. X-стианство

Снова и снова мы надеемся, что этот мировоззренческий труп испустил последний мстительный вздох и отплыл по направлению к окончательному превращению в тыкву. Снова и снова мы воображаем, что это непристойное пугало на пути в смерть, припиленное к стенам всех гостиных, потерпело полное поражение и никогда больше не завоюет нам о наших грехах... но снова и снова оно воскресает и приползает назад, чтобы преследовать нас, словно маньяк третьесортного сопливого порнофильма — тысячного римейка «Ночи живых мертвецов» — оставляя за собой, словно улитка, слизистый след хнычущего смирения... едва вы подумали, что он надежно упрятан в подсознании... «Челюсти» вместо Иисуса. Берегитесь! Циркулярная пила — закоренелые баптисты!

... а леваки, испытывая тоску по пункту Омега своего диалектического рая, приветствуют любую гальванизацию прогнившей веры криками восторга: станцуем танго со всеми этими марксистскими епископами из Латинской Америки — пропоем балладу в честь благочестивых польских докеров — заголосим спиричуэлс по поводу последнего афро-методистского кандидата в президенты в надежде на библейский пояс.

АОА отвергает теологию освобождения как заговор монашек-сталинисток — алая тайна Вавилонской блудницы в тропиках напрямую связана с красным фашизмом. «Солидарность»? Личный профсоюз Папы, поддерживаемый АФТ-КПП, Ватиканским банком, франкмасонской ложей пропаганды[3] и мафией. И если бы мы когда-нибудь голосовали, мы бы никогда не израсходовали этот пустой жест на какого-нибудь христианского пса, неважно, какой породы и масти.

Что до настоящих христиан, этих унылых святош, которые сами себе произвели лоботомию, этих мормонов-детоубийц, этих звездных воинов рабской морали, телеевангелистов-чернорубашечников, отрядов зомби Святой Девы Марии (которая парит в розовом облаке над Бронксом, плюясь ненавистью, анафемой, розами блевотины на детскую сексуальность, малолетних беременных и гомосексуалистов)...

Что до настоящих приверженцев культа смерти, ритуальных каннибалов, вырожденцев Армагеддона — христианского права — мы можем только молиться, чтобы Снизшла Радость и выхватила их всех из-за рулей их автомобилей, с их тепленьких стадионов, из их целомудренных постелей, унесла их на небо и дала нам возможность жить по-человечески.

II. Сторонники и противники аборт

Головорезы, бомбардирующие клиники аборт, принадлежат к той же ужасной породе зловредных глупцов, что и епископы, которые болтают о мире и в то же время осуждают все разновидности человеческой сексуальности. У природы нет законов («есть только привычки»), и любой закон неестествен. Все относится к сфере личной/воображаемой морали — даже убийство. Однако согласно теории хаоса из этого не следует, что мы должны одобрять и оправдывать убийство — или аборт. Хаос был бы рад видеть каждое зачатое вне брака «дитя любви» выношенным и рожденным; сперма и яйцеклетки сами по себе — лишь симпатическая внутренняя секреция, но соединенные в спирали ДНК, они становятся потенциальным сознанием, негэнтропией, радостью.

Если «мясо — это убийство», как любят провозглашать вегетарианцы, то что такое аборт? Тотемисты, исполнявшие ритуальные танцы для животных, которых они убивали, медитировавшие, чтобы стать единым целым со своей живой пищей и разделить ее трагедию, демонстрировали ценности гораздо более гуманистические, чем среднестатистическая клика феминистских либералов, провозглашающих свободу выбора.

Какой ни взять «пункт повестки дня», состряпанный для «дебатов» в сценарии Спектакля, обе спорящие стороны неизменно полны дерьма. «Проблема аборт» — не исключение...

КОММЮНИКЕ 10. Вопросы пленарного заседания — новые обличения: ОЖИДАЮТСЯ ЧИСТКИ.

Вот что мы должны заявить, чтобы отвязаться от любой липкой кармы, которую мы, возможно, навлекли на себя своими огнедышащими проповедями против христианства и прочих ужасиков про Конец Света, и восстановить свое доброе имя: АОА так же обличает всех заново рожденных, вихляющих коленками атеистов с их потрепанным багажом вульгарного материализма, который они таскают с собой с конца викторианской эпохи. Мы, конечно, приветствуем всяческие антихристианские чувства и все нападки на все организованные религии. Но... если послушать некоторых анархистов, можно подумать, что 60-х годов никогда не было и никто не избавился от привычки к ЛСД. Что до самих ученых, то напоминающее Алису в Стране Чудес безумие Теории полноты и хаоса привело лучших их представителей к даосизму и веданте (не говоря уже о дада) — и все-таки, когда читаешь «Спичку» и «Свободу»[4], кажется, будто наука законсервировалась где-то на уровне князя Кропоткина, а «религия» — на уровне епископа Эшера. Конечно, мы презираем чернорубашечников эры Водолея, тех своеобразных гуру, которых недавно восхваляла «Нью-Йорк Таймс» за их вклад в Большой Бизнес, зомбированных яппи с их культом гарантированной франшизы, анорексическую метафизику банальностей, свойственную Новому времени... но нашему эзотеризму никогда не бросят вызов все эти менялы-посредственности и их клеветы с высохшими мозгами.

Еретики и антиномические мистики Востока и Запада разработали системы, основанные на внутреннем освобождении. Некоторые из этих систем имеют налет религиозного мистицизма и даже социальной реакционности; другие кажутся более или менее радикальными или «психологическими», а некоторые даже кристаллизуются в революционные движения (уравнители-милленаристы, ассасины, движение «желтых повязок» в даосизме и т. п.). Несмотря на все свои недостатки они обладают определенным магическим оружием, которого попросту нет в анархизме: 1) чувство мета-рационального (метанойя), умение проникнуть за пределы ламинированного мышления в область чистого (или номадического, или хаотического) мышления и восприятия; 2) правильное определение самореализованного или освобожденного сознания, позитивное описание его структуры и техники его достижения; 3) последовательный архетипический взгляд на эпистемологию — то есть путь к познанию (например истории), который использует герметическую феноменологию, чтобы раскрыть модели значений (нечто вроде сюрреалистической «параноидальной критики»); 4) учение о сексуальности (в «тантрических» аспектах разных Путей), в котором ценностью обладает наслаждение, а не самоотречение, не только наслаждение само по себе, но и как орудие усиленного осознания освобождения; 5) отношение к миру как к празднеству, то что можно назвать «концепцией Праздника», упразднение духовного долга благодаря внутренней щедрости, имманентной самой реальности; 6) язык (включая жесты, ритуал, интенциональность), с помощью которого можно оживить эти пять аспектов сознания и вступить с ними в диалог; и 7) молчание.

Нет ничего удивительного в том, что огромное количество анархистов — это экс-католики, попы-расстриги или монахини, бывшие церковные служки, баптисты, отошедшие от веры, и даже бывшие фанатики-шииты. Анархизм предлагает черной (и красной) массе деритуализировать все мозги, осаждаемые призраками — совершить светский экзорцизм; но потом выдает себя тем, что возводит собственную Высокую церковь, всю в паутине этического гуманизма, свободной мысли, атеизма с кулаками и грубой фундаменталистской картезианской логикой.

Два десятилетия назад вы начали претворять в жизнь проект по превращению себя в безродных космополитов, намеренных разбить оковы всяческих племен, культур и цивилизаций (включая свою собственную) на жизнеспособные фрагменты и из этой кучи обломков создать собственную живую систему, если только (как предостерегал Блейк) мы не станем рабами кого-нибудь еще. Если какой-нибудь яванский шаман или коренной житель Америки обладает драгоценным фрагментом, который нужен мне для моей «аптечки», неужели я должен хихикать и, перефразируя Бакунина, требовать «удавить последнего попа кишкой последнего банкира»? Или же я должен помнить, что анархия не знает догм, что хаос нельзя нанести на карту, — и пользоваться всем, что плохо лежит, что еще не припилено к странице гербария.

Самые ранние определения анархии можно найти в «Чжуан-цзы» и других даосских текстах; «мистический анархизм» может похвастаться более развесистой родословной, чем его греческо-рационалистический вариант. Когда Ницше говорил о «гипербореях», думаю, он предвосхитил нас, тех, кто пережил смерть Бога — и возрождение Богини, — и перешел в мир, где дух и материя едины. Каждое проявление этой иерогамии, каждый материальный предмет и каждая жизнь становятся не просто «священными» сами по себе, но символами

своей собственной «божественной сущности».

Атеизм — не что иное, как опиум для народа (или скорее для его «элиты», которая сама себя таковой назначила); но это не очень-то яркий или сексуальный наркотик. Если уж следовать совету Бодлера и быть всегда в опьянении, то АОА предпочтет что-нибудь вроде грибов, так что спасибо большое, Хаос — самый старый из всех богов; хаос никогда не умирал.

КОММЮНИКЕ 11. Инвектива по поводу приправ: час от часу не легче!

АОА призывает к бойкоту всех продуктов, продаваемых под шибболетом LITE, то есть «легкий»: пива, мяса, шоколада местного производства, косметики, музыки, расфасованных «образов жизни» и т. п.

Концепция «легкости» содержит в себе целый комплекс символов, с помощью которых Спектакль надеется компенсировать всякое отвращение к превращению желаний в товар. «Естественный», «органичный», «здоровый» продукт предназначен для того сектора рынка, которым пользуется умеренно неудовлетворенный потребитель с умеренными проявлениями «футуршока» и умеренным стремлением к тепловатой аутентичности. Для нас приготовлена ниша, мягко освещенная иллюзиями простоты, чистоплотности, худобы, налета эстетизма и самоотречения. Конечно, это стоит несколько дороже... в конце концов, «легкость» не предназначена для бедных голодных примитивов, которые все еще считают пищу питанием, а не украшением. Оно и должно стоить дорого — иначе вы этого не купите.

Американский «средний класс» (не спорьте — вы прекрасно знаете, что я имею в виду) естественным образом распадается на две противоположные, но дополняющие друг друга половины: армию анорексии и армию булимии. Клинические случаи этих заболеваний представляют собой лишь психосоматическую пену на волне культурной патологии, глубокой, рассеянной (как склероз) и во многом неосознаваемой. Булимией страдает выбившаяся в яппи деревенщина, которая с удовольствием пожирает пиццу «Маргарита» и гамбургеры, потом очищает организм «легкой» пищей, бегом трусцой или аэробическими конвульсиями.

Аноректики — это бунтари «образа жизни», ненавистники пищи, пожиратели водорослей, безрадостные, бездуховные и унылые — но самодовольные в своем пуританском рвении и в своих власяницах от лучших Кутюрье. Жуткая пища-труха просто представляет собой «утонченную» разновидность дьявольской «здоровой пищи»: у всего вкус либо опилок, либо пищевых добавок; все это либо скучно, либо канцерогенно — и, в любом случае, все нестерпимо глупо.

Пище, сырой или вареной, никуда не деться от символизма. Она существует и в то же время символизирует то, чем она является. Вся пища — это пища души; относиться к ней по-другому значит культивировать понос — как хронический, так и метафизический.

Но в безвоздушном склепе нашей цивилизации, где почти любое переживание опосредовано, где реальность процеживают сквозь смертельные ячейки восприятия-как-консенсуса, мы теряем представление о пище как о питании: мы начинаем конструировать для себя личины, исходя из того, что мы потребляем, и относиться к продуктам как к проекции нашего стремления к аутентичности.

АОА иногда рассматривает хаос как рог изобилия непрерывного созидания, как некий гейзер космической щедрости; поэтому мы воздерживаемся от того, чтобы превозносить какую-либо диету, дабы не идти против священного многообразия и божественной субъективности. Мы не собираемся навязывать вам очередное новомодное предписание, как стать совершенно здоровым (совершенно здоровы только мертвые): нас интересует жизнь, а не образ жизни.

Истинной легкостью мы восхищаемся, но тучная тяжесть радует нас в свое время. Избыток нас полностью устраивает, умеренность нам приятна, и мы знаем, что голод может быть самой тонкой из приправ. Легкость присутствует во всем, и самая густая зелень растет вокруг отхожего места. Мы мечтаем о столах-фаланстерах и кафе «боло-боло», где каждая развеселая компания едоков сможет разделить личную гениальность Брийя-Саварена (этого святого от вкуса).

Шейх Абу Саид никогда не копил денег и даже не оставлял их до следующего утра — так что если какой-нибудь покровитель жертвовал тугой кошелек его приюту, дервиши отмечали это событие обильным пиром; зато все остальные дни они ходили голодные. Смысл был в том, чтобы наслаждаться обоими состояниями: пустого и полного брюха...

LITE пародирует духовную легкость и просветленность, так же как «Макдональдс» — это карикатура на образы сытости и пира. Человеческий дух (не говоря уже о голоде) способен возвыситься над всем этим фетишизмом и преодолеть его — радость способна жить даже в Бургер Кинге, и даже бутылка «легкого» пива может скрывать в себе частичку Диониса. Но почему мы должны бороться с этой мусорной волной дешевой дряни, когда могли бы пить вино рая уже сейчас, в наших собственных виноградниках, под своим фиговым деревом?

Пища принадлежит к сфере повседневной жизни — главной арене любого бунтарского самоутверждения, любого духовного самосовершенствования, любой борьбы за удовольствие, любого восстания против планетарной машины труда и ее псевдожеланий. Мы вовсе не склонны к догматизму: охотник-индеец может подпитывать свою радость жареной белкой, анархо-даос — горсткой сушеных абрикосов. Тибетец Миларепа, после того как десять лет питался супом из крапивы, съел бисквит и достиг просветления. Зануда не видит эротизма в хорошем шампанском; волшебник же может опьянеть от стакана воды.

Наша культура, задыхаясь от собственных миазмов, кричит: «Эй вы, полегче!» — как будто эти полиненасыщенные отбросы могут хоть как-то облегчить наши страдания, как будто их тупая, безвкусная и невесомая безликость способна защитить нас от наступающей тьмы. Нет! Эта последняя иллюзия слишком уж жестока.

Несмотря на нашу склонность к лени, мы просто вынуждены выступить с протестом. Бойкот!
Бойкот! *Turn off the LITE!*

Приложение: меню для анархистского черного банкета (для вегетарианцев и мясоедов):

Блины с икрой; яйца столетней давности; кальмары и рис, тушеные в чернилах; баклажаны в кожуре с маринованным черным чесноком; дикий рис с черными каштанами и черным груздями; трюфели в черном масле; обугленная оленина, маринованная в портвейне, подавать на ломтях черного хлеба с гарниром из жареных каштанов. Черный кофе, черный виноград, сливы, вишни и т. п.

Примечания

[1] Рантеры — британская радикальная пантеистическая и антиномистская секта XVII в. Рантеры ужасали современников нескрываемым пантеизмом (например, говорили: «Мы и есть Бог») и отрицанием внешних норм поведения (демонстративно сквернословили, пьянствовали и практиковали групповой секс). *Здесь и далее — прим. перев.*

[2] Управление по контролю над пищевыми продуктами и медикаментами при правительстве США.

[3] Имеется ввиду «суперложа» «П-2» («Пропаганда-2»), вокруг которой в 1981 г. в Италии разразился грандиозный скандал. Выяснилось, что возглавлявшаяся фашистом Личо Джелли «П-2» фактически подменила собой легальную власть в Италии, разрабатывала планы государственных переворотов, создавала и руководила деятельностью ультраправых подпольных террористических организаций, осуществляла убийства, тайно торговала оружием и наркотиками, проводила совместно с католическим банком «Амброзиано» финансовые спекуляции и т. д.

[4] Американские анархистские и агностицистские издания.

Авангардное садоводство

1998, источник: [здесь](#)

“Если бы я не обнаружил, что люди Пурблинда одобрительно ораторствуют о наблюдении, а некоторые из них отменно отзываются о Возникновении; я, который никогда не был хозяином какого-либо значительного сада, не пытался бы заняться этим Предметом. Но Земля — это Сад Природы, и каждая плодородная Страна — Рай.

— Сэр Томас Браун, *«Сад Кира. Или, Пятиконечные, Ромбовые или Сетевые Плантации Древних, Рассмотренные со Стороны Искусственности, Естественности, Мистики»* (1658)

Видение посетило меня на прогулке по Нижнему Ист-Сайду Манхэттена, в районе, где я живу. Я повсюду видел сады. Каждый свободный участок был садом в миниатюре. Большая часть крыш была усыпана цветами, овощами и орнаментальными украшениями, что придавало каждому кварталу барочный тропический вид, делало их Висячими садами эдакого Вавилона-на-Гудзоне, или, скорее, на Ист-Ривер. Зрелые тенистые деревья стояли вдоль улиц, многие из которых были перекрыты и стали пешеходными. Встречалось меньше автомобилей, больше велосипедов и мини-мото-тележек, ручных повозок — и я даже заметил несколько конных. Жилые дома казались обтрепаннее, чем когда-либо, но были обильно украшены вездесущей летней зеленью. По краям парка Томпкинс-сквер сотня местных «фермеров» установили импровизированные ларьки и вели оживленный бизнес и бартерный обмен овощами, фруктами, яйцами, курицами [не одобряем — прим. пер. и ред.] и подобным, обмениваясь излишками с людьми из других частей города (где, я полагаю, было меньше садов и больше мелких производств и ремесел). У меня сложилось такое впечатление, что наш район славится своими свежими продуктами, душистым воздухом, певчими птицами, уличными ярмарками и тому подобным, но я вовсе не заметил толп туристов. Все выглядели расслабленными, но никто не осматривал достопримечательности. Где охочие до покупок европейцы?..

Идея понятна: это было видение Нью-Йорка, каким он мог бы стать «после революции».

Как и многие видения, это кажется особенно странным, потому что реальная ситуация в моем районе не просто отличается, а прямо противоположна тому, что я рисовал в воображении. Сады здесь не только не разрастаются, они фактически исчезают. Медиа представляют наш район как экзотический Альтернативный Мир, богемный и преступный, — мини-спектакль, существующий в виде придатка к МакДиснейфикации города, превращению Нью-Йорка в «Нью-Йорк-ленд», в пустой образ мегаполиса, покинутого историей, который тем не менее остается раем для покупателей; в то же время городские управленцы, похоже, полны решимости стереть все признаки реального и еще

сохраняющегося разнообразия в попытке превратить Манхэттен в слегка продвинутую версию торгового центра «Юниверсал Мол», дополнив его погромами против уличных торговцев и плюющих на улице людей (по примеру Сингапура). И одним из главных направлений политики является ликвидация самовольных садов в Нижнем Ист-Сайде и их замена хорошим жильем для людей «со средним уровнем дохода».

Последние годы отмечены растущим чувством гнетущей тоски и множеством тщетных протестов по поводу исчезновения садов. Адаму Перплу, который создал один из архетипических районных садов и видел, как Город разрушил его из чистой злобы, теперь угрожает выселение еще и из своей квартиры и бездомность. Однако даже больше, чем знаменитых исчезнувших садов, мне не хватает сметенного без малейшего ропота протеста небольшого зеленого уголка в моем квартале. Между переулком и пустырем сосед-пуэрториканец втиснул садовый сарайчик, цветочные горшки, настоящие и пластиковые цветы, гипсовую статую Девы Марии, рождественские лампочки и несколько странных белых домашних птиц, которых он называл «китайскими курицами». Мне было приятно слышать, как они кудахчут, когда я проходил мимо, и любоваться изумительной стеной голубых вьюнков, наполовину скрывавшей сад. Все это исчезло год назад, когда пустырь был продан застройщикам. Ничего не осталось, кроме огромной грязевой ямы, которая скоро станет хорошим жильем среднего достатка, по крайней мере, так можно предположить.

Как своего рода критик культуры, я нахожу, что мои работы и лекции часто концентрируются почти исключительно на негативной критике, и что те, кто склонен соглашаться со мной, часто чувствуют отсутствие каких-либо позитивных контрпредложений. Когда кто-то со всей искренностью задает старый вопрос Чернышевского: «Что делать?», я обычно отказываюсь отвечать. Я подозреваю, что некоторые люди используют этот вопрос как оправдание, как бы говоря: «Если ты не знаешь, что делать, как можно обвинять меня в том, что я ничего не делаю?». Более того, если бы вопрос был искренним и если бы я попытался ответить на него, меня бы обвинили в гуруизме или авангардизме. Однако самое главное: я не имею ни малейшего представления о том, «что делать». Иногда я говорю, что если бы я знал, то не стал бы рассказывать, поскольку такие драгоценные знания могут быть только секретом, а секреты можно только вывести, а не узнать. Излишне говорить, что такая уклончивость никому не нравится, в том числе и мне. Поэтому после моего видения мне пришло в голову — и чувство моего замешательства росло — что я действительно знаю, по крайней мере, одну вещь, которую можно было бы сделать. Циничный совет Вольтера в «Кандиде» — «Воздělывай свой собственный сад» — больше нельзя считать просто аморальной остротой. Мир значительно изменился со времен Просвещения. Значения изменились. «Воздělывай свой собственный сад» звучит сегодня как острое радикальное заявление. Выращивание сада стало — по крайней мере потенциально — актом сопротивления. Но это не просто жест отрицания. Это позитивное действие. Это практика.

Я говорю «замешательство», ведь дело в том, что я не очень хороший садовник. В моей лачуге на севере штата в глубинке моя теория ландшафтного дизайна выходного дня сводится к строгой политике невмешательства: просто позвольте всему расти самому, расчищайте время от времени дорожку и погружайтесь в естественный дзен сорняков. Как

и У.Б. Йейтс, я склонен наслаждаться чужими садами. Тем не менее я могу сослаться на одно или два своих реальных переживания, чтобы подкрепить теоретические рассуждения.

Когда я был молод, я проводил много времени на молочной ферме в северной части штата, одной из последних независимых ферм в округе. Трое сыновей фермера были хиппи и моими друзьями, но и сам мистер В. был выдающейся личностью, и мы все привыкли прислушиваться к его мнению с глубоким уважением. Среди вещей, которые я узнал от него, одна из самых запоминающихся касалась пастеризации молока, которую он осудил как мошенничество и суеверие — буквально «пережитком и поверьем», поскольку оно было введено в первую очередь для уничтожения туберкулина, — который, однако, уже давно был устранен путем аутбридинга во всех американских молочных стадах. Доказательством и неизгладимой памятью послужил вкус сырого только что полученного свободновыгульного коровьего молока в большом стеклянном кувшине из холодильника в жаркий весенний день после того, как мы с ребятами вернулись из Аппер Форти, где мы как раз закончили сажать (с озорного молчаливого согласия мистера В.) около половины акра марихуаны.

Я также кое-что узнал о садоводстве, когда моя покойная мать владела садом и придорожным магазинчиком трав в глубинке Коннектикута в 1970-х. Ее изначальный интерес возник благодаря специализации на травах в кулинарии, но по мере развития своего бизнеса она также узнала больше и о лечебных травах. Проведенные на Ближнем Востоке годы убедили меня в том, что растительные препараты бесконечно лучше (и дешевле), чем аллопатические средства [*конвенциональные медицинские препараты — прим. пер.*] при многих заболеваниях, поэтому я поощрял это направление исследований (однажды на Рождество я подарил ей факсимильную копию «Травника» Калпепера). Но мы обнаружили, что по закону моей матери было запрещено сообщать своим клиентам, что некая трава эффективна при некоей конкретной жалобе. Если бы ее спросили напрямую, она могла бы сказать, что эффект — «предполагаемый» или что его рекомендовали традиционные знахари. В Персии, конечно, не было Американской медицинской ассоциации, и *аттари*, или травник, выписывал лекарства бесплатно: подарок для бедняка, но скандал для современного врача. Мало того, что моя мать была слишком честна, чтобы обходить монополистские законы, которые, как она знала, были глупы и несправедливы, она также была слишком честна, чтобы держать в дополнение набор книг — и вскоре разорилась.

Термином *avant gardening* [*«авангородничество», игра слов, avant garde — авангард, gardening — огородничество — прим. пер.*] я обязан своим друзьям в *Hexohial Endarchy/Dreamtime Village* (которая занимает примерно половину деревни Западная Лима, штат Висконсин). Запланированное именно как сообщество художников, *Дримтайм* никогда не обеспечивали себя земледелием, вместо этого уделяя особое внимание исследованиям. Например, тыквы выращивались для изготовления экспериментальных музыкальных инструментов, что привлекло к дримтаймерам ценителей тыкв, бахчеологов и тыквенных фермеров всей Америки. Руководящей философией в Западной Лиме была пермакультура, блестящий синтез всех альтернативных сельскохозяйственных тенденций XX века, которые в значительной степени пришли из Австралии. Пермакультура основана на биоспецифичности и разнообразии, устойчивости и удовольствии, производстве продуктов питания и эстетике. Единственная ее проблема — совершенство. Как идейные сообщества —

или как всё утопическое — она «не в состоянии конкурировать» с глобальной системой, открыто основанной на грабеже, монополии, обнищании и сокрушительной силе чистого Капитала.

Но если что-то *в целом* разваливается, некоторые *конкретные* вещи могут сохраниться — моменты, в которых было достигнуто совершенство, сами по себе квази-вечные: ежевика во второй половине дня; белая плоть цветущих дурманов в августовском лунном свете у старой гостиницы; скитания по полям в поисках грибов и трав; удивительные Эффиджи-Маундз, насыпные сооружения из земли в форме гром-птицы, ящерицы, пантеры, медведя, или шамана-человека, сооруженные предками племен Висконсина; десятки тысяч курганов — словно в стремлении зачаровать весь ландшафт и сделать дикую местность садом образов.

Я жил в двух известных своими садами странах — в Англии и Персии. Англичане — откровенные фанатики, и даже жители больших городов возделывают небольшие городские наделы-аллотменты (без сомнения, остатки «совместностей» до Огораживаний [насильственная ликвидация общинных земель и обычаев в Европе на раннем этапе развития капитализма — прим. пер.]) бок о бок со своими соседями. К тому же в Лондоне лучшая система общественных парков в мире. Фредерик Лоу Олмстед, основатель американской ландшафтной культуры общественных парков, испытал глубокое влияние лондонских парков и поздней романтической школы английских загородных озеленителей. Другая европейская модель того периода — французская, с ее картезианскими механическими садами и сдаваемыми напрокат стульями; Олмстед отверг ее в пользу *rus in urbe* (деревни в городе) и демократической открытости британской модели. Мне казалось, что вся духовность англичан была сведена к минимуму и сосредоточена в их садах, особенно в небольших загородных цветниках (хороший пример — сад у дома Энн Хатауэй в Стратфорде-на-Эйвоне), а также в величественных и меланхолических приусадебных парках в стиле Ланселота Брауна... Ивы, нависающие над благонаравными фонтанами, фигурно вырезанные из крон деревьев монстры, лабиринты гипнотического лавра, мраморные обнаженные статуи в тени дуба и плюща... «зеленая мысль в зеленой тени» Эндрю Марвелла. Можно подумать, будто англичане вложили в эту форму искусства не только свой мистицизм, но и эротизм.

Однако в *эросе* персидского сада нет никаких сомнений. Английское слово *paradise*, «рай», происходит от древнеперсидского слова, обозначающего сад [*firdaus*], и с незапамятных времен персы были известны как хозяева *hortus condusus*, закрытого сада засушливых эокультур Ближнего Востока и Центральной Азии. Во времена династии Тан китайцы впитали часть этой персидской садовой культуры и передали ее Японии, хотя изменение климата сделало преемственность форм неочевидной (персидский сад попал в Новый Свет через мавританскую Испанию). Суть этого комплекса — обнесенный стеной сад как рай, как трансмерный срез потустороннего мира, где происходит танец природы и воображения. Стихи о Саде в Коране отражают гораздо более древнюю традицию, которая пришла из Персии и давным-давно оказала влияние и на авторов Книги Бытия. В суфийском изречении, обычно приписываемом Пророку, три вещи «этого мира» объявляются духовно значимыми: «вода, зелень и красивое лицо». В этой триаде первые два образуют обстановку для третьего или, возможно, для его отсутствия. В качестве оправы для отсутствующего драгоценного камня (то есть возлюбленной) персидский сад достигает своего эффекта как

за счет пустоты, так и за счет богатства присутствия. Английские сады переполнены. Персидские сады более чем наполовину пусты. На контрасте с пустыней или городом за ее стенами персидский сад должен состоять не более чем из света и тени, дерева хурмы, горшка с тюльпанами, звука воды. Небольшой павильон посреди обнесенного стеной фруктового сада (как Наранджистан, или Апельсиновый сад в Ширазе), создает пространство для этой образной диалектики — и, конечно же, для любви. Эзотерическая, но эротическая скудость садового словаря Персии вновь появляется в Японии как преднамеренное культивирование пустоты. В дзен-садах можно обнаружить определенную прохладу или аскетизм, которые чувствовались бы неуместными в персидском саду, который никогда не забывает о своей развлекательной функции: места физического удовольствия, места для пикника и праздника. Шираз прославился совершенством своих садов, но даже лучшие из них достигают своего эффекта почти монохромной простотой, своего рода элегантным домашним уютом, отраженным в поэзии Хафиза Ширази, который редко упоминает какой-то цветок, кроме розы, или какое-то дерево, кроме кипариса. Прежде всего персидский сад создает правильную обстановку для соловья или для персидской музыки — а великие сады-ковры Ирана действительно похожи на застывшую музыку.

***

Люди не так давно занялись садоводством: идея этого занятия скорее всего зародилась где-нибудь в Малой Азии или Большом Иране всего за несколько тысяч лет до того, как были введены эти географические термины [*Большой Иран — территория современного Ирана, Азербайджана, Центральной Азии, Афганистана, Пакистана и Турции, Малая Азия — срединная часть территории современной Турции — прим. пер.*]. Так называемая Первая аграрная революция в конечном итоге привела к возникновению первых настоящих государств, наряду с рабством, данью, долгом, классической войной, человеческими жертвоприношениями и другими благами прогресса и цивилизации. Однако в течение первых шести миллионов лет существования гоминидов (или около того) общество было организовано вокруг охоты и собирательства, а кроме того — неавторитарной племенной структуры. Тогда возникает очевидный вопрос: несет ли сельское хозяйство какую-то ответственность за возникновение иерархии и экспроприацию? Было ли сельское хозяйство *ошибкой* с точки зрения Социального?

Антропологи классифицируют определенные общества как сообщества «примитивных земледельцев», подразумевая, что эволюция в конечном итоге превратит их в настоящих земледельцев. Я предпочитаю старомодный термин «растениеводы» [*англ. horticulturalists*] или садоводы-огородники. Однако эти люди не тратят четырнадцать часов в день на выкапывание батата. Растениеводы в своих умонастроениях часто оказываются привержены идее нулевой работы. Они выращивают несколько кухонных трав, психотропов и крахмалистых корней, потому что так проще, нежели собирать их — но охотятся и собираются как для удовольствия, так и для выживания. Политическое устройство их сообществ — общинное и неавторитарное, в этом они мало чем отличаются от круглосуточных охотников, будучи, правда, при этом более оседлыми. Если сельское хозяйство как таковое относится к неолиту, то можно сказать, что растениеводство

относится к мезолиту, хотя даже сейчас все еще существуют народы, которые считают такой образ жизни более чем приемлемым. Представление о том, что растениеводство должным образом и неизбежно ведет к сельскому хозяйству, которое ведет к промышленному сельскому хозяйству, которое, в свою очередь, ведет к биоинженерии и прочему, — это определенная перспектива, которая может быть достигнута только при узости ретроспективного взгляда. Я не верю, что в биоинженерии есть что-то предопределенное, хотя этот путь и может оказаться фатальным. Я не вижу внутренней причины, по которой что-либо неизбежно ведет к чему-либо. Все могло сложиться по-другому. И все еще может.

Охотник может знать голод, но никогда — «дефицит» в противоположность «избытку». Охотник может быть довольно активным, но никогда не «работает». Точно так же и садовод-огородник. Работа приходит только вместе с сельским хозяйством — или сельское хозяйство начинается с работы. В любом случае результат один. Фараон, семь лет голода, государственные зернохранилища, рождение невольника-илота. Учитывая эти необъяснимые нелепости, приходится признать, что железный закон развития, похоже, неумолимо указывает нам двигаться вперед к пищевым фабрикам, облученному молоку, безвкусным овощам, искаженному гормонами мясу, приватизации всей биосферы и, конечно, еще семи годам голода.

Шарль Фурье (1772-1837), «утопический социалист», не сомневался, что сельское хозяйство было ошибкой. По его мнению, растениеводство не только производило лучшую пищу, но и было формой «притягательного труда». То есть не *работой*, а продуктивной формой удовольствия. Утопия Фурье основывалась на предпосылке, что мощное эротическое притяжение было единственно справедливой основой для человеческого общества. Как только каждый сможет заниматься притягательной деятельностью — включая сексуальную и художественную — такие формы производства, как садоводство-огородничество, будут рассматриваться как оргиастически приятные. Поскольку 1620 членов фаланги выращивают большую часть своей собственной пищи, и поскольку все они гурманы (или, скорее, «гастрософы»), удовольствие от плодоовощеводства будет усиливаться ожиданием накрытия стола. Любимым примером Фурье был грушевый сад. Он разработал романтический ритуал в жанре галантных сцен *fêtes galantes*, сопровождающий процесс растениеводства, предоставляющий достаточно времени для любовного флирта и закусок из пяти блюд. Фурье забавлялся, воображая шуточные войны между фанатичными приверженцами различных сортов груш. Он обращает вспять просвещенческую оценку чувств и обнаруживает, что осязание и вкус более важны, чем зрение и слух, но что запах является «стержневым» и самым центральным. Все живые существа (включая звезды и планеты) связаны «ароматическими лучами», которые следует одновременно рассматривать как половые органы. Они невидимы для цивилизованных людей, но станут видимыми, как только будет установлена «Гармония» (т.е. утопия). Поэтому неудивительно, что Фурье считал цветоводство чем-то большим, чем просто хобби. Его собственные захудалые съемные комнаты в Париже всегда были забиты цветами в горшках, папоротниками, виноградными лозами и другими растениями, и еще кошками. Я представляю себе джунгли Анри «Таможенника» Руссо в коробке Джозефа Корнелла. Фурье в выцветшем сюртуке, тратящий свое жалованье на орхидеи и маленькие парижские пирожные.

Если сельское хозяйство кажется неразрывно связанным с иерархией и разделением, то «развитие» этого разделения можно проследить по линии истории агрокультуры. Сельское хозяйство само по себе представляет собой одно действительно новое событие в *ойкономии* человечества (слово «экономия» первоначально означало «домашнее хозяйствование»). В некотором смысле Промышленная революция — просто эпифеномен сельского хозяйства. Когда-то пищу мы добывали охотой и собирательством — теперь мы питаемся сельскохозяйственной продукцией, и ни атомная бомба, ни интернет не изменили этого основного факта. Но сейчас мы можем оказаться на пороге третьей стадии производства пищи — конца сельского хозяйства в любом значимом смысле этого слова. Сама пища уже давно «коммодифицировалась», превратилась в товар, — на самом деле это и есть определение сельского хозяйства. Капитал уже достиг теоретической стадии, на которой в товар превращается сам жизненный процесс. Растения все еще выращиваются в земле, но теперь сами их ДНК могут принадлежать транснациональным корпорациям. Семена таких растений, как куркума и рис басмати, уже запатентованы, и не существует теоретической или фактической причины, по которой нельзя было бы владеть всеми ДНК растений и животных. Уже предпринимались попытки запатентовать ДНК человека, и в настоящее время правовой статус таких претензий находится в стадии обсуждения. Но принцип «интеллектуальной собственности» на природу — *решающее* огораживание — похоже, стал основой глобального мирового порядка и его экономики.

Тем временем технологическая тенденция в бионауке все больше отклоняется от таких старомодных систем, как половое размножение. Современное индустриальное (или постиндустриальное) сельское хозяйство не только является формой антибиоза, т.е. отрицания жизни ради прибыли, — оно также открыло средства устранения неряшливых факторов плодородия из производства животных и растений. Биоинженерия, по сути, направлена на устранение сексуальности как средства передачи генетического материала, и ее очевидным *телосом*, predeterminedенной целью, является клон. Похоже, Фуко был в большей степени прав, чем сам думал, когда говорил об «исчезновении сексуальности». Эротическое не только сводится к образу эротического, но и сам секс упраздняется (или отменяется) экономикой бесполого размножения. Естественно, что деньги достигают кульминации в таком «припадке истории», поскольку сами деньги воспроизводятся бесполом путем (за счет процентов по долгу) и, таким образом, выигрывают, если саму жизнь можно отменить и заменить новыми и лучшими решениями проблемы желания. Это, если хотите, составляет мистицизм Капитала, его гностическое желание превзойти тело в апофеозе чистого обмена, свободного, наконец, от тяжести простого (вос)производства. И происхождение этой мистики можно проследить в средневековых тео-правовых концепциях, таких как «два тела короля» (см. блестящую книгу Канторовича на эту тему) или «Корпорация», своего рода бестелесное правовое лицо, финансовый призрак. Такие «фиктивные правовые лица» теперь правят миром. Национальные государства в значительной степени отказались от неравной борьбы с банками и *дзайбатсу* [японское сленговое название транснациональных корпораций]. На самом деле единственные принципиальные критические замечания и отказы от триумфального Капитала сейчас (примерно с 1994 года), похоже, исходят от того, что раньше называлось Четвертым миром. Племенные народы, народы без государств, последние охотники и жители лесов, растениеводы и свободные крестьяне — они находятся на передовом рубеже сопротивления

Капиталу, потому что живут на том рубеже, где нож Капитала режет наиболее остро. Никто не понимает концепцию «биоразнообразия» более ясно, чем человек, чья жизнь и средства к существованию являются непосредственной его частью. По этой причине, следовательно, наиболее красноречивая критика биоимпериализма исходит не из Европы или Северной Америки, а, например, из Мексики или Индии. К тому времени, когда большинство из нас, «людей Запада», осознает реальные проблемы, может быть уже слишком поздно. В конце концов, мы тоже (мы-«диссиденты») занимаем рыночную нишу, а на половине сухих зерновых завтраков в супермаркетах написано «натуральный продукт»! До нас еще не дошло ничего похожего на уверенность, испытываемую, скажем, коренными жителями Чьяпаса, в том, что на карту поставлена сама жизнь, не метафорически, а экономически. То есть: в действительности.

***

Существует ли духовный аспект не только самого Капитала (я имею в виду его тенденции к бестелесности), но и сопротивления чистому Капиталу? Станет ли такое духовное сопротивление частью обратного облечения в телесность (re-embodiment), духовности материального? Мы могли бы предположить, что так и будет, при условии, что мы не будем придерживаться ни инфраструктурной/надструктурной модели материалистов, ни каких-либо других метафизических глупостей. Дух настолько реален, насколько это необходимо для того, чтобы его воспринимали всерьез. Я имею в виду, что опыт необычных когнитивных состояний представляет интерес для теории независимо от того, как мы концептуализируем такие явления, стоим ли мы на материалистических или мы или идеалисты. Идеи, архетипы, альтернативные сознания и даже призраки имеют свою собственную историю и оказывают влияние на историю, потому что являются частью человеческого опыта.

С этой точки зрения, идеология или духовная история сельского хозяйства раскрывается на уровне образа. Или, если быть более точным, на уровне воображения, поскольку воображение проникает в историю в ритуале и мифе. Сельское хозяйство само по себе представляет собой образ сетки врезанных в землю прямых линий (вовсе не образ сада), и отражается в небо сеткой звездных и планетных движений. Таким образом, календарь является первым идеологическим текстом, созданным сельским хозяйством или с его помощью. Сетка сельского хозяйства концептуально исключает «хаос» дикой природы, мир охотника/шамана. Она устанавливает границу, которая определяет порядок в первую очередь как разметку земли на экономические объекты. Все, что ускользает от этой символической экономики, рассматривается как необъяснимое и негативное. С одной стороны — дикий охотник, шаман, бесформенность леса, с другой — прирученный фермер, священник и архитектура культивируемого пространства. Внутри этой архитектуры будут висеть пирамиды, в то время как снаружи будет угрожающе таиться образ заброшенности и распущенности, мира без деления — бесконечно соблазнительного, бесконечно запретного.

Сад стал теперь восприниматься как потерянный золотой век. Как магическая связь или порог между природой и культурой, заключенная в пространстве вне времени. Сад свободен от проклятья труда. Деревья плодоносят без помощи людей, животные разговаривают,

повсюду растения силы [англ. power plant — электростанция — прим. пер], а Адам и Ева — пророки (то есть *каждый* — шаман). В языческих версиях мифа о сотворении мира мы узнаем, что чувственность сада не нарушается моралью или представлением о собственности. Золотой век полиморфно порочен. Другими словами, если образ сельского хозяйства — это разделение и работа («в поте лица твоего»), то образ сада остается образом удовольствия и свободы. Только теперь он становится запретным. Мы должны трудиться, ибо мы пали. Когда умрем, нас будет ждать пирог на небесах. Забудьте о садовой автономной зоне. Экономика — это страдание. А время — деньги.

Но поскольку люди порочно продолжают заниматься садоводством повсеместно, мы можем заподозрить, что сад или образ сада — это своего рода сопротивление сельскому хозяйству или полный отказ от него. Элита присваивает себе удовольствие от сада точно в том же духе, как присваивает приятные аспекты всех устаревших экономик, вроде охоты. Но простые люди также упорно занимаются садоводством и охотой — то есть они защищают свои «древние права» на общее достояние, совместность, парк для Каждого — и если им отказывают в удовольствии охотиться, они браконьерствуют.

В наше время образ сельского хозяйства (укрощение дикого плодородия) входит в обширный комплекс единого создаваемого глобальными медиа образа Капитала, постоянно меняющегося, и все же парадоксально статичного и инертного. А этот глобальный образ взаимно проникает в сельское хозяйство. Таким образом, в то время как в основе Образа сохраняются шаблон поля и календарь (как оккультная основа), они становятся бессознательным предопределенного миропорядка. И на этой основе создается целая образная система, охватывающая все остальное. В свою очередь, глобальный образ колонизирует сельское хозяйство и все больше и больше превращает его в самого себя, то есть в чистый образ.

Вместо груши Фурье в качестве примера давайте взглянем на яблоко. Штат Нью-Йорк когда-то производил 106 различных сортов яблок, и каждое из них выглядело по-разному и имело разный вкус. Это разнообразие, несомненно, радовало любителей яблок, но оказалось довольно неэффективным с точки зрения рынка. Было бы гораздо разумнее, если бы было только три или четыре вида яблок. Внешний вид и срок годности были бы важны, но не аромат. На самом деле, аромат должен быть устранен, потому что разным людям нравятся разные ароматы. Это «иррационально». Однако, если все яблоки одинаковы на вкус и выглядят одинаково, и если все они на вкус очень похожи на сырой картофель и выглядят как юнговские архетипы, то скоро все забудут, что яблоки когда-то были разными. Самое важное в этом процессе — образ. Яблоко стало частью тела Образа, глобального *воображаемого*, универсального неизменного мистического вихря контроля, гегемонии, разделения. Яблоко выходит за пределы произвольных бранных тел рассетов, вайнсепов, пиппинов, этого паданца или того кислого зеленого, подходящего для пирога, или этого помятого, подходящего для сидра. Чародеи-генетики торжествуют, и вскоре остается только одно чистое Яблоко. Сады штата Нью-Йорк приходят в запустение и зарастают кустарником или их вырубает ради строительства жилых комплексов. Сколько выживет из 106 разновидностей?

Растениеводство и сельское хозяйство, если посмотреть с одной точки зрения, кажутся противоположностями, хотя с другой — они явно связаны. Яблоко можно рассматривать как продукт растениеводства или как продукт агрокультуры, но понятие ботанического вида включает и то, и другое. Возможно, мы могли бы сказать, что сельское хозяйство состоит из капитализации растениеводства. Это «развитие» экономисты считают естественным, но с духовной точки зрения, изложенной выше, изменение, связанное с превращением яблока в Яблоко-товар, кажется полным смысловым смещением и своего рода предательством. По сути (перефразируя Дебора, перефразируя Маркса, перефразируя Гегеля), все, что когда-то было частью фактического опыта, уходит в представление. Яблоко-товар состоит скорее из образа, чем из действительности: оно предстает как дух, отделенный от тела. Но дух и тело едины, и образ — это не сама вещь. Карта — это не территория. Древние иконоборцы пытались объяснить это, но были приняты за всего-навсего вандалов. У собаки потечет слюна при запахе кости, но можно заставить слюну человека течь и при виде пенни (это цена булочки). Нет ли в этом чего-то «неестественного»? Вальтер Беньямин описал силу образа-как-товара через «утопический след», слабое дуновение реальности, заложенное в товар в качестве приманки. Тоскуя по вкусу яблока, мы поддаемся (снова и снова) соблазну бесконечно малого следа, следа отсутствия.

В момент торжества глобального Капитала глобальный Образ достигает своего рода завершенности, насыщенности и паралича. Когда все превращено в образы, для работы воображения не остается места. Воображение предполагает свободную циркуляцию образов, но в царстве конечного Образа не может быть места для движения, только универсальный тупик представления. С той точки зрения, которую я пытаюсь здесь вызвать к жизни, можно сказать, что образ сельского хозяйства — космическая сетка — составляет основное условие тупика образов, кризиса Образа. Символика сельского хозяйства оказывается в тесной связи с символикой иерархии и экспроприации. Собираательство и садоводство-огородничество превращаются в работу, избыточный труд экспроприруется, а религиозные культы развиваются ради обеспечения идеологического оправдания новых страданий очень многих и роскоши немногих. И эта идеология находит свое совершенное выражение в деньгах (или «чистом обмене»), которые сами по себе являются не чем иным, как символом и образом. И этот образ расширяется и расширяется, пока не охватит каждый объект и каждое отношение, каждое растение и животное, каждый символ или представление. Наконец, больше не существует «внешнего» Образа, поскольку все теперь находится внутри него. Точно так же, как человеческие отношения больше нельзя представить вне повсеместности обмена, так и никакая воображаемая деятельность теперь не может находиться вне повсеместного Образа. Грань между диким и прирученным, наконец, стерта. Выхода нет — или, как выразился Беньямин, это улица с односторонним движением [В. Беньямин, *Einbahnstraße*, 1928].

Сельское хозяйство можно рассматривать как посредника среди других медиа. Дюжина или около того мега-зайбату, которые контролируют большую часть продовольствия в мире, являются посредниками между землей и потребителем, и это посредничество определяется системой образов или символов, как и во всех других медиа. Если сельскому хозяйству удастся «оставить землю позади» с помощью биоинженерии и клонирования, то от земли (т.е. от биосферы) не останется ничего, кроме образа. Поскольку это начало происходит, мы можем сказать, что теоретически это уже произошло. Этот переход к чистому образу

представляет собой, так сказать, Вторую аграрную революцию.

Как могут существовать «внешние медиа» (цитируя голландскую группу медиа-теоретиков ADILKNO)? Если Образ стал вселенной, где можно найти *другое* место?

С точки зрения медиа в обычном смысле этого слова (литература, драма, кино, музыка, телевидение, интернет и т.д.) этот вопрос о *внешнем* составляет проблему авангарда. Исторически авангарды заботились о том, чтобы пробиться в различные новые внешние стороны. Но каждый внешний один за другим затем уходил внутрь (после небольшого дискомфортного волнения разных душевных консерваторов) — до тех пор, пока снаружи больше не оставалось ничего, что можно было бы завоевывать. Вся работа авангардов, по сути, свелась к рекламе. Восстание — это просто еще один кабельный канал, а сопротивление означает сопротивление продажам. Авангард сделал себя невозможным. Авангардов больше нет, есть только маргинальные рыночные ниши.

Если бы меня спросили, что делать в этой ситуации, мне было бы трудно ответить. Если бы я мог придумать внешнее медиа, я мог бы каким-то образом воздействовать на него, но вместо этого я все еще пишу книги для небольших радикальных издательств. Однако во время или немного позже моего вышеупомянутого видения сада в Нижнем Ист-Сайде мне пришло в голову, что сельское хозяйство, рассматриваемое как посредник, как среда, похоже, имеет «*внешнее*». И это — садоводство-огородничество. Правдиво утверждение, что садоводство — не революция, не каждый садовник превращается в радикального приверженца контркультуры. Правдиво, но, возможно, в долгосрочной перспективе менее интересно, чем тот факт, что садоводство предшествует сельскому хозяйству и внеположно ему: жизнестойкость сада представляет собой своего рода диалектический негатив по отношению к сельскому хозяйству. Это относится и к охоте, до некоторой степени и современной, с тем ограничением, что охота — это исключительная роскошь. Ее «цена» — от пятидесяти до ста квадратных миль первозданной дикой природы, кормящих одну крошечную группу охотников. Но садоводство — это не просто критика. У него есть и позитивная . Оно действительно производит хорошую пищу и другие блага, которые существуют вне обменного комплекса или, по крайней мере, несколько вне его. То есть садоводство — это «*праксис*». Более того, это форма искусства, область творчества, столь же богатая и многообещающая, как и любая символическая деятельность, и которая может грубо, но с легкостью выйти за рамки репрезентации и посредничества. Оно может функционировать как важная часть «повседневной жизни» в радикальном смысле этого термина. Короче говоря, мне пришло в голову, что, возможно, единственный возможный авангард — это авангард-огород.

***

Не успела эта мысль прийти в голову, как начала казаться абсурдной. Возможно, я поддался не более чем фантазии в духе Фурье или даже романтическому заблуждению о «примитивном». Но затем большая часть чтения и опыта начала организовываться вокруг этого соображения более или менее спонтанно и синхронно. Я долго размышлял о разнице между палеолитическим собирательством и неолитическим сельским хозяйством, и мне

стало ясно, что я пренебрег третьей величиной, *tertium quid*, осью (как сказал бы Фурье), то есть растениеводством так называемого мезолита. Я не только по-новому взглянул на Фурье, но и начал понимать, как эта идея может быть связана с биополитикой настоящего. Микрокосм района Алфавит-сити теперь открылся для макрокосмического рассмотрения садоводства-огородничества в целом. Некоторые яркие детали начали собираться вокруг основного предложения. Сначала появились выводы, позже я вернулся к теоретической структуре, которую уже пытался изложить в предыдущих параграфах. Ради «хорошей прозы» я изменил порядок своих мыслей и, таким образом, возможно, создал впечатление логического прогресса от общих принципов к частностям. Однако его не было. Я не претендую на научный анализ или даже рациональность. В конце концов, этот текст состоит не из чего иного, как из попытки объяснить видение — а это заведомо двусмысленная задача. Тем не менее, вот несколько моих выводов:

1. Выращивая свою собственную пищу, можно в какой-то степени «избавиться от посредника» (или «преодолеть посредничество»). Хотя вы все равно будете пересекаться с Капиталом во многих отношениях, возможно — покупая землю (хотя можно и сквотировать), совершенно точно — покупая инструменты, семена и прочее, даже так вы сможете выращивать вкусные органические фрукты и овощи, не платя «Монсанто» или «Дженерал Миллс». Если не можете жить бесплатно, живите дешево. Можете обменяться со своим соседом кабачками на свежие яйца. Может возникнуть бартерная сеть.

2. Даже несмотря на то, что Капитал всегда побеждает конкурирующие системы на глобальном уровне, практика пермакультуры — или любой другой альтернативной формы сельского хозяйства или растениеводства — все еще может иметь смысл на местном уровне. В конце концов, выращивание собственной пищи еще не является незаконным, хотя патентование ДНК может вскоре сделать незаконным посев собственных семян (я предвижу интересный черный рынок «незаконных» семян). Возможно, больше не удастся «мыслить глобально, действовать локально», согласно старому ситуационистскому лозунгу, поскольку глобальное мышление по определению рискует абсорбироваться в глобальный Образ — но все еще остается возможность действовать локально, даже индивидуально. Как говорят анархисты, даже свобода одного добавляет свободы всем...

3. Простой садовод-любитель добавляет толику свободы в жизнь, получая непосредственный опыт: выращивая, нюхая, пробуя плоды на вкус. Но политически сознательный огородник делает больше. Осознавая сад не только как своего рода автономную зону, но и как акт сопротивления, авангардный садовод повышает ставки, придает смысл действиям, устанавливает стандарты и сознательно объединяется с другими в общем деле. Если в садоводстве существует духовный «путь», а также художественная составляющая, то также существует и политическое измерение, определенный уровень осознания и четкая программа действий. В отличие от многих «франшизных вопросов», которые пережили крах социального движения в 1989-91 году, радикальное садоводство включает в себя вещественные вопросы, вопросы «материально-телесного принципа», поверхностного уровня. Недавно один друг сказал мне, что он посвящает себя «борьбе с фашизмом в интернете». Хотя можно задаться вопросом, что именно может быть поставлено на карту в такой форме активизма, мне кажется, что в радикальном огородничестве гораздо меньше двусмысленности. Нет сомнений в том, что здесь

поставлено на карту: «земля и свобода», еда, творчество, удовольствие. Что вы получите, если выиграете виртуальную битву? На мой взгляд, вряд ли что-то настолько же важное, как действительно хороший помидор.

4. Выращивая лечебные травы, можно преодолеть определенную степень медико-фармацевтической тирании. Несмотря на попытки Американской медицинской ассоциации и фармацевтических компаний запретить фитопрепараты, уже существует процветающий бизнес в области трав, который все еще в значительной степени не поглощен монополиями и транснациональными корпорациями. Конечно, фитопрепараты также могут производиться крупными фармацевтическими компаниями, особенно если они владеют ДНК растений. В настоящее время многие растительные препараты дешевле (а в некоторых случаях и эффективнее), чем их аллопатические конкуренты. Но это может измениться, если *зайбату* решат прекратить критиковать травы и начать скупать их — и продавать под торговыми марками (конечно, в какой-то степени это уже началось). Дело, конечно, не в том, что травы сами по себе как-то мистически политически правильны. А в том, что они дешевле, чем аллопатические средства, и (что даже лучше) находятся вне контроля врачей и аптекарей. Иван Иллич однажды сказал мне, что люди могут стать такими же «медикализованными» с помощью альтернативных лекарств и методов лечения, как и с помощью общепринятых. Быть прикованным к какой-либо «системе здравоохранения», считал он, — значит считать себя больным. Надо освободиться от этой «болезни», а не стать ее жертвой. В этом смысле нью-эйджевая одержимость здоровьем освобождает не больше, чем «немезис» официальной одержимости здоровьем. Еще один интересный аспект употребления трав — их возможно выписывать себе самостоятельно. Эта степень «свободы от медицины» в равной степени осуждается Американской медицинской ассоциацией и нью-эйджерами, которые соглашались с важностью роли *эксперта*. А вот для радикального садовода это является важным моментом.

5. Мое личное суеверие: вкусная еда — это здоровая еда. Я научился видеть «ауры», как мадам Блаватская сказала бы, заметив, что у овощей из супермаркета нет никакой ауры совсем. Овощи на фермерском рынке имеют заметную ауру. Наличие ауры, ореола у здоровой дыни или груши, обычно гарантирует аромат. Это касается и продуктов животного происхождения. Не думаю, что вы сможете получить какие-либо органные показания от упаковки пастеризованного гомогенизированного гормонизированного обезжиренного молока. В Иране у нас были яйца от кур свободного выгула (все предки которых также были свободновыгульными). Желтки были темно-ярко-оранжевыми и, конечно, иногда содержали нерожденных цыплят. Я помню, что большинство американцев в Тегеране были в ужасе от этих яиц. Они «были странными на вкус», «пахли как скотный двор» и т.д. Но это были лучшие свежие яйца, которые я когда-либо ел, и ни одно американское «органическое» яйцо, похоже, не идет ни в какое сравнение. Иранцы называли выращенных на **птицефабриках** куриц «американскими птицами».

Я вырос в той части Нью-Джерси, где в 1950-е годы все еще производились всемирно известные сезонные плодоовощеводческие деликатесы, такие как кукуруза, персики и помидоры. Но прошли годы с тех пор, как я в последний раз ел помидор из Джерси, вкус которого представлял что-то помимо красного **пищевого** красителя №3. Несколько лет назад я наткнулся на каталог семян с фермы «хранителей семян» где-то на юго-западе.

Вступление начиналась словами: «Помните, какими *раньше* были помидоры на вкус?» — и к тому времени, когда я дошел до конца абзаца, я был буквально в слезах. Я узнал, что сорта семян моего детства больше не используются в коммерческих целях даже большинством мелких фермеров, потому что они не устойчивы к новым инсектицидам. Но семена были сохранены, и если за ними ухаживать в собственном саду, это даст желаемый результат. Это напомнило мне о важности «банков семян» (неудачный термин, я бы предпочел старомодный «ботаническая коллекция», несмотря на привкус эпистемологии девятнадцатого века). Когда агропромышленный комплекс вмешивается в генетику и навязывает «новые чудо-зерна» целому региону (часто с катастрофическими результатами, поскольку появляются новые паразиты и болезни, которые специализируются на новых семенах), биоразнообразие этого региона уничтожается. Старые виды семян, которые не подвергались риску со стороны новых оппортунистов, теперь были утрачены. Результатом является голод, как в Африке после «зеленой революции». Таким образом, сохранение семян — это не просто вопрос хорошего вкуса (как бы это ни было важно), но и сопротивления биоимпериализму. В последнее десятилетие некоторые хранители семян рыскали по лесам северной части штата Нью-Йорк в поисках потерянных яблоневых садов и фактически сумели спасти ряд сортов, которые считались вымершими. Фермерские рынки теперь продают несколько десятков различных сортов яблок в сезон, и небольшая сеть независимых садов, заводов по производству сидра и т.д. начинает предлагать некоторые экономические возможности в округах, которые были сведены к вотчинам IBM или различных компаний-застройщиков. Лично я предпочел бы одно яблоко сорта джонатан, чем целый бушель яблок вайнсап из супермаркета, даже если первое стоит столько же, сколько последнее. Но это не так. На фермерском рынке яблоки стоят лишь немногим дороже, чем коммерческие бренды. Наш биорегион обладает большим потенциалом для плодовоовощеводства, для садов, для независимых молочных ферм. Я часто думаю об Икабоде Крейне Вашингтона Ирвинга, всегда голодном, едущем на своей тощей кляче на званый ужин в честь Дня благодарения в Сонной Лощине. Проезжая мимо различных ферм и полей во время сбора урожая, он представляет, как кукуруза превращается в пудинги, тыквы — в пироги, яблоки — в крепкий сидр, индейки — в жаркое. Это тоже было видение Нью-Йорка, локальная мысль. Однажды я слышал, как Алан Уоттс сказал: «Если ты хочешь быть хорошим поваром, ты должен *любить* овощи», и он сказал это с чувственной ухмылкой. В видении Икабода есть часть *эроса* этого афоризма — гастрономическое откровение, духовность праздника, как в книге Бахтина о Рабле.

б. «Выращивай свое собственное» раньше было девизом, адресованным курильщикам марихуаны, — и это безусловно, все еще хороший совет в эпоху унции за 1000 долларов. Однако теперь, когда последствия биоинженерии начинают осознаваться, становится ясно, что призыв выращивать свое собственное стал радикальным лозунгом, применимым не только к марихуане. Возделывайте свой собственный сад. Выращивайте свои собственные помидоры. Растите своих собственных детей.

Кое-что еще предстоит сказать о психотропном садоводстве. Оно делится на две категории: незаконное и полуполезальное. Огромное количество психотропных препаратов не занесено в список или пока не занесено в список, в том числе различные виды аяхуаски, *Salvia divinorum*, кактус Сан-Педро, эфедра, гармала, *Amanita* (не уверен, что мухоморы можно культивировать, но остальные можно). Вьюнки пурпурные, и, если уж на то пошло,

спорынья, все еще разрешены (семена вьюнка пурпурного коммерчески упакованы с ядами, чтобы препятствовать рекреационному использованию, но вы можете посадить их и собрать свои собственные чистые семена). Плодородные семена конопли полностью запрещены в США. Все «конопляные» продукты, которые в настоящее время наводняют рынок США, выращиваются за рубежом и не содержат тетрагидроканнабинолов. Если бы каннабис когда-либо был легализован, «Монсанта» запатентовала бы ДНК, правительство получило бы огромные налоговые льготы, независимые производители были бы разорены, а «потребители» получили бы генетически модифицированный однородный продукт, аналогичный коммерческому шоколаду и табаку: эти бывшие психотропными вещества теперь денатурированы и превращены в сугубо вызывающие привыкание товары. Несмотря на ужасы Сухого закона (40000 лет тюрьмы за травку, 40 лет за ЛСД и т.д.), легализация запрещенных наркотиков была бы еще большим ужасом. В любом случае этого не произойдет. У Великого Шайтана слишком много денег и власти, вложенных в Войну с (некоторыми) наркотиками. В конечном счете, это тоже сводится к следующему: психотропы действительно каким-то образом противостоят ложному Порядку, который представляет себя в Глобальном Образе. Энтеогенный опыт не гарантирует, что он просветит всех или превратит всех нас в радикалов. Но в долгосрочной перспективе возможность доступа к необычным модусам сознания (например, «действенным таинствам» и «демократическому шаманизму») угрожает универсальному символическому опосредованию Образа. Галлюциногены могут быть «хорошим лекарством», как каннабис, но они также являются агентами хаоса.

Первые человеческие культурные сорта были психотропами, и поэтому первые садовники мезолита, вероятно, были шаманами (и, безусловно, шаманками, экспертками в сборе психотропов). Шаманское садоводство имеет важное значение для авангородничества. Оно не только лежит за пределами глобальной сельскохозяйственной системы, но и представляет собой своего рода сопротивление этой системе. Она проходит через посредничество многими способами, как тонкими (или духовными), так и очевидными (или материальными). Например, на самом грубом возможном уровне он может предоставлять не облагаемые налогом денежные средства, которые помогут финансировать вашу собственную свободу от работы, но также оно может генерировать наличные деньги для благих целей, таких как радикальная организация, подпольные медицинские исследования, контркультурные проекты, автономные зоны, тайные подарки нуждающимся людям, людям, больным СПИДом и т.д. На более чисто шаманском уровне было бы довольно приятно и творчески вдохновляюще спроектировать сад, основанный на растениях с таким действительно странным и заметным присутствием, как психотропы. Более того, должно существовать глубокое чувство тайной силы в знании того, что человек создал сад, способный изменить сознание всего сообщества, даже не нарушая ни одного закона.

7. Мое ниже-ист-сайдское видение состоит из немногим большего, чем местный взгляд на понятие городского боло из книги «боло'боло» европейского автора, известного как «П.М.». Квартал с многоквартирными домами преобразуется в общий сад, когда между домами прорезается большой проход в стиле Фурье, объединяя двory. Согласно П.М., боло в Нью-Йорке, скажем, будет иметь прямые отношения с боло в Бразилии, и еще в Италии и т.д. Товары и услуги будут перемещаться по прямым линиям или сетям связанных сообществ, тем самым устраняя посредничество Глобального Капитала. Однако эти связи должны быть

установлены до революции; на самом деле успех таких сетей может постепенно изменить общество без насилия и кровопролития (как, например, предполагал Прудон или Ландауэр). Так что можно сказать, что *боло'боло*, система таких связей, на самом деле *является* революцией. Такая сеть, безусловно, существует и сегодня, хотя она остается далекой от «глобальной», все еще слабой и неуверенной в себе, почти бессознательной. Племенные народы, независимые производители кофе, жители лесов, ремесленники и тому подобные занимаются прямым маркетингом своей продукции; к сожалению, у нас нет ничего ценного, чтобы давать взамен, кроме денег. Эти вне рыночные сети в основном организованы НПО [*неправительственными организациями*], некоммерческими группами и даже благотворительными организациями. Большая часть *боло'боло* может появиться в качестве подлинной экономической альтернативы. Система, которая начала успешно конкурировать на мировом рынке, вскоре подвергнется массовой атаке. Но «путешествие в сто ли начинается с одного шага». Кто может сказать, действительно ли триумф Глобального Капитала знаменует Конец Истории или просто окончательную катастрофическую конвульсию исторического капитализма? Одно можно сказать наверняка. Бывший «четвертый мир», большая часть бывшего «третьего» и «второго мира» и даже части бывшего «первого мира» были присвоены второстепенному статусу в рамках смелого нового порядка приватизации и огораживания. Сопротивление уже начало переосмыслять себя, чтобы отреагировать на «невозможность сопротивления» под знаком универсального товарного кодирования всей реальности. Пока я пишу, за последние несколько недель произошли стихийные беспорядки в Праге и Женеве (из всех мест!), в ходе которых американские франшизы быстрого питания были уничтожены с невероятной яростью. Несколько лет назад племенные народы Новой Гвинеи успешно сопротивлялись приватизации племенных земель Всемирным банком. Шаманские старейшины коренных народов Чьяпаса оказали заметное влияние на нео-анархистский сформулированный сапатистами ответ на соглашения NAFTA и GATT. Дела в садах Нижнего Ист-Сайда могут показаться безнадежными, но я верю, что всемирная культура сопротивления в настоящее время находится на грани согласованности в действиях. В тот момент, когда она начнет фокусироваться как на глобальном, так и на местном уровнях, садоводство внезапно предстанет в своем истинном свете, как жизненно важная тактика сопротивления и как средство достижения некоторой «Утопии сейчас».

Поскольку я уже признался, что у меня бывают видения, я мог бы также попробовать свои силы в пророчестве. Формирующаяся радикальная культура ближайшего будущего будет сосредоточена на ценностях и опыте охотников, собирателей, садоводов и свободных крестьян в «исключенных зонах», отмеченных пренебрежением к Капиталу или его экспроприацией. Эта культура будет включать сильное нешаманское движение на гораздо более широком и массовом уровне, чем сейчас. Это «заразит» людей, которые хотят противостоять Капиталу во всем мире, включая большинство подлинных производителей (т.е. бывший «рабочий класс»), а также всех маргиналов, потерянных радикалов, семейных фермеров, защитников окружающей среды, недовольную молодежь, гастрософолов-философов и авангард-огородников Европы, Америки и других «сопутствующих зон». Садоводство станет одной из основных экономических сил этого сопротивления, но также и центральным культурным акцентом. Если будет «Война с зайбатсу» (будь то насильственная или ненасильственная), она будет вестись частично по причине, которая является одновременно символом и сущностью реальности, предусмотренной в самом акте

сопротивления: эта причина — сад. Выращивайте свой собственный мир.

Нью-Йорк

Летнее солнцестояние

1998

За и против интерпретации

1996, источник: [здесь](#)

“ Ангелы стучатся в двери таверны.

Хафиз из Ширази

Килдер плосок – так что куда бы вы ни двигались, вы видите линии электрических огней, марширующие сквозь ландшафт, как голливудские марсиане. Патрик остановился во «Дворе епископа», который, несмотря на название, представлял собой трехкомнатный домишко плюс старый хлев, забитый, точно мусором, поделками Хилариуса и прочих, среди которых оказались и несколько штук, сделанных из ржавых сельскохозяйственных орудий и кусков дурна, нарезанных в ближайшем болоте. Попив чаю в продуваемом всеми ветрами, слякотном крестьянском дворе, мы отправились искать церковь и колодец Святого Патрика – это оказалось недалеко, на другом крестьянском дворе, рядом с металлическим сараем, в окружении коров и коровьего навоза архитектура – XIII век или раньше, романская с примесью готики (или египетского стиля?) – в стрельчатых арках окон – отреставрированная в 1950-х, но забытая и заросшая плющом и паутиной, – призывающая к смирению, потому что чтобы войти, нужно нагнуться, как в дзэнской чайной. Наши приятели Джеймс и Шон решили оживить ее, построить алтарь и повесить латунный колокол на колокольне, а потом посмотреть, сколько времени пройдет, пока кто-нибудь это заметит. Мы идем по дороге, время от времени сворачивая в полевые цветы на обочине, чтобы пропустить автомобили богатых фермеров, а затем ныряя в заросли ежевики, усыпанные поздними цветами и ранними ягодами. Колодец, кажется, не фигурирует ни в одном списке достопримечательностей – возможно, больше никто его не посещает. Как и прочие источники, которые я встречал в Ирландии, он похож на сапфир в оправе из изумруда, вставленный в оправу их нефрита в руке друида; мы трижды обходим его по часовой стрелке, а затем пьем – автомобили проносятся шагах в двадцати от нас – Шон недавно видел здесь приведение и оставил его портрет – нечто вроде гипсовой маски на камне рядом с колодцем.

Как утверждал андалузский суфий XIII века Ибн Араби, существуют «тонкие материи», протянутые между небом и землей, как лестницы Иакова – и «смыслы», которые спускаются по этим материям, как ангелы. Мне кажется, мы в самом деле видели материи – полупрозрачные ленты света, лучи *auroga borealis*, в пульсирующих узлах, похожих на звезды, падающие сквозь марлеву занавеску. Нет нужды ограничивать это ощущение теологическими или психологическими истолкованиями – для наивного реалиста любое

переживание с одинаковым правом претендует на онтологическую аутентичность: он видит приведение и чувствует схождение смыслов точно так же, как видит и чувствует теплый дождь. Но как далеко может зайти наша наивность? Не беда, даже самая передовая наука и самая глубокомысленная теология в моменты недоумения приводят нас к тому же экзистенциалистскому принципу: раз нечто является, оно вполне может быть реальным. Так что если смысл, сходящий к нам по тонкой материи, реален, можно обнаружить и его источник, который так же реален – или достаточно реален для наших сегодняшних целей; этот путь гностики-исмаилиты называют та'вил, или интерпретация. Психолог сказал бы, что знание, которое рождается в процессе этой операции, приходит изнутри; с точки зрения теолога оно приходит из внешнего мира – но для нас оба эти объяснения утратили способность вводить в заблуждение. Слово алхимический процесс, интерпретация являет себя как внутри, так и снаружи, и никогда – в одно и то же время; как «герменевтическая экзегеза» (по выражению Генри Корбина) она принадлежит промежуточному миру, перешейку, называемому *Mundus Imaginalis*, где образы автономны или где грезы предсказывают действительность. В одном отношении не реальный и не нереальный, а в другом – вполне способный являться на в виде привидений, мир воображения ведет себя так, словно он представляет собой источник значений, место пребывания действующих лиц, дыхание мира. Науки и религия могут, объединившись, называть это заблуждением – но для нас это скорее источник полного отчаяния. Двухмерность противоборствующих эпистемологий, дихотомий, семантических ловушек, дурных поверий – на хер науку и религию – мы должны требовать рациональности чудесного: положить конец насилию толкования.

В этом контексте индивидуумы и группы сами отвечают за налаживание контакта с собственными ангелами – даже мистики гуру в этом смысле вели нас неправильным путем, потому что они становятся между нами и нашим собственным знанием и претендуют на авторитет, сводящий нас к роли субъектов, точнее, объектов – объектов чьей-то интерпретации. Похоже, мы неизбежно впадаем в древнюю ересь, основанную на презумпции, что каждый человек каждую секунду в точности знает, что происходит и что делать, – но лишь в том случае, если он может освободиться от нужды, угнетения и удушающего воздействия ложного сознания – и убежать от дефицита, с помощью которого авторитет измеряет свое богатство и свою власть над нами. Прежде всего – от дефицита интерпретации.

Самая разрушительная сила интерпретации принадлежит самому капиталу, который претендует на свободу от любой двойственности, от любой инакости – в окончательном «непотребном экстазе» объединенного и плоского сознания: универсализация денег в концептуальном пространстве, когда они предстают отдалившимися и парящими над всяческим грязным простым производством, – нечто вроде нумисферы или небесной погоды чистых денег – и глобальный долг, долг всех и каждого ничему, словно «черная дыра» в горизонте событий, засасывающая каждую последнюю частицу света в пустоту вне истории. Согласно «естественному закону» этого всеобщего освобождения денег, ничто – даже воздух, вода или грязь – не может переживаться непосредственно индивидуумом или группой: все должно быть опосредовано самими деньгами, которые готовы встать между сознанием и производством как абсолютный фильтр, стирающий все следы аутентичности и

выставляющий за них счет (фактически себе): высшая власть за пределами даже авторитета и закона. Прежде всего, капитал стремится приобрести монополию на интерпретацию.

Вальтер Беньямин разъяснил процесс, при котором товар весь пронизан «утопическим следом» — то есть образом или обещанием: это значит, что объект, выставленный на продажу, содержит некоторую будущность или место-вне-места, где ваше сознание снова обретет значимость, а опыт — реальность. Если продукт не разрекламирован должным образом, вы его не купите; но если продукт выполнил свое обещание, вы перестанете покупать другие продукты: зачем тратить деньги, если реализация достигнута? — и таким образом спровоцировать падение капитализма. Деньги могут свободно обращаться только в мире постоянного разочарования — воспроизводство дефицита равно производству богатства. Я богат лишь тогда, когда другие бедны, — но сами по себе деньги не знают другой конечной цели, кроме как абсолютная нищета всего, что не является рынком. Давно капитализировав все материальное бытие, власть дефицита не имеет другого выбора, кроме как превратить в товар также образ (и воображение) — на основании того, что это и есть сверхрасширение рынка. Знание должно быть приватизировано, мысль должна быть присвоена, изнасилована, отчуждена, упакована, снабжена наклейкой, прорекламирована и снова продана сознанию. Любое творчество должно иметь стоимость, и даже из самого процесса сопротивления этому присвоению должна быть извлечена выгода. («Стань бунтарем — купи Тойоту!» или «Имидж — ничто, жажда — все», как рекламный девиз для какого-то гнусного прохладительного напитка). Все информационные средства, от образования до рекламы, посвящены тому, чтобы лишить образ любой связи с жизненным опытом и вновь материализовать его в виде товара. Работай, потребляй, умирай.

Туризм — это совершенная форма капитализма: потребление образа мира таким, какой он есть — лучшие товары, выставленные на продажу, включают географию (вписывание значений в ландшафт) и историографию (вписывание значений в культурный пейзаж). Но окончательный образ — это «благословение» бараки, свойственной объекту туристического осмотра. Возможный момент реализации упакован, заранее проинтерпретирован официальными экспертами, превращен в серию «видов», отрешен от органов непосредственного ощущения (осознания, вкуса, обоняния); пространство подавлено временем, расслоено, разделено, упаковано на решетке дозволенных ожиданий; становление сведено к сухой дигитализации записывающих устройств, изгнано из памяти и забальзамировано — превращено в противоположность чистого бытия. Так называемые примитивные народы могли бы сказать, что это и есть кража души, что сам смысл вступил на поле разложения, что это некий луч, исходящий из дурного глаза, или иссохшее «я», пожираемое завистью всего значимого. Проблема не в содержании туристского опыта: можно представить себе, что есть туры, основанные на идеях, которые мы считаем абсолютно верными и даже прекрасными, проблема в их оболочке, в интерпретации, в структуре «диалога», исключающего ответ, резонанс или сопротивление. Некоторые виды путешествий — кочевье, паломничество — возвращают пейзажу смысл. Другие — война, туризм — могут только отнимать его. В таких схемах разрушения взаимность достигает точки исчезновения. Даже самая тонкая пропаганда государства никогда не достигала этой крайней грани — в конце концов, она всегда вызывала оппозицию — зато туризм являет собой конец диалектики, ибо единственный жест отрицания, который он вызывает — это

терроризм, который, в собственном подавленном контексте, является его «злым близнецом». Турист, соблазненный утопическим следом в его самом остром проявлении, то есть образом различия, становится молекулой загрязнения окружающей среды, несет в себе вирус тождества и груз разочарования в мир, который некогда жил сам для себя.

***

Роль художника при капитализме можно сравнить с ролью гида: интерпретатор опыта, потребляемого на самом элитарном уровне, он купирует обществу самые утонченные стремления и самые глубокие фобии; при этом даже гид может быть искренним. Но такое сравнение может и возмутить – поскольку намерение художника состоит в том, чтобы вносить смыслы в общий итог переживания, а не вычитать и абстрагировать его. Искусство жеста не предполагает ответный жест, присутствие. Это движение прерывается, по сути, нечеловеческим вмешательством капитала, вмешательством силы, которая способна расти, только создавая дефицит и разделяя. Что, если бы всех художников, поэтов, ученых и музыкантов Ирландии пригласили для того, чтобы они пересоздали новый Центр Интерпретации по собственному образу? Кого заботит, какая возвышенная эстетика претендует на триумф интерпретации, если результат – это всегда подавление нашего собственного творческого начала? На Яве я слышал, что «каждый должен быть художником» – и в самом деле, каждый уже и есть художник в том смысле, что весь переживаемый опыт – это сотворчество «я» и других, производство и одновременно игра и, что самое главное – производство смысла. Нам нужно, чтобы художник не жил за нас, а просто был нашим помощником, нашим спутником, входил в наш круг взаимности – а что до искусства, то если оно способно каким-то образом избежать поглощения миром, мы видим в нем лишь форму оппозиции Единому Большому миру Единого спектакля. Такое искусство отказывается быть частью Великой объединенной теории о конце физике и истории, минимальной заработной платы или чего-то подобного. В нем нет ничего «виртуального», и оно не стремится к состоянию «исчезновения», то есть попросту к поражению. Я полагаю, что современное искусство как сопротивление стремится к состоянию незримости. То, что реально, но незримо – это сила оккультного, воображения, эротики – подобно маске привидения, которую оставил Шон у колодца Святого Патрика; оно возвращает смысл пейзажу – оно остается незамеченным, пока кто-нибудь, может быть, не возьмет его как дар – самим своим существованием оно бросает вызов миру превращенных в товар образов и меняет (пусть только слегка) форму общепринятой реальности. Даже в самых своих тайных и скрытых проявлениях оно производит магнетическое воздействие, вызывает едва заметные изменения и колебания – и, по крайней мере, теоретически, занимается не разговорами о мире, а его преображением. Может быть, в этом акте присутствует скрытая авторитарность? Нет, если это обмен смыслами, прорыв в мар «тонких материй». А что, если оно станет совсем невидимым? Тогда, возможно, мы могли бы говорить о присутствии духов, о необходимости нового колдовства, слишком тонкого для имперской тяжести зрения, и о неизбежной потаенности. А если бы оно вновь появилось где-нибудь как чистая оппозиция бездыханной виртуальности мира, всегда отложенная, всегда отдаленная, всегда роковая?

Мы возвращались в Дублин длинным летним вечером, мимо мегалитических построек, мимо туристических лагерей, мимо крошащихся беседок и зиккуратов безумных лордов XVIII века

- мимо больницы Святого Патрика, которую декан Свифт завещал «безумцам Ирландии», - мимо мест, которые, может быть еще не поглотил новый мир евроденег, гольфа, национального наследия. Перед самым закатом мы оказались в Дан Лири, близ башни Мартелло, где любовались тяжелым, тоскливым видом океана под серыми тучами. Палисадники низеньких викторианских приморских вилл украшены одним из моих любимых ирландских растений, таинственными и довольно обтрепанными пальмами, которые напоминают мне о далеком мавританском прошлом, о корсарах-варварах, о монахах и Египта и Испании. Однажды в Ирландии нашли кельтский крест с арабской подписью «Бисмилла» — начальной фразой Корана. Эти пальмы, вероятно, привез сюда какой-нибудь садовод рубежа столетий, влюбленный в экзотику, но для меня они символизируют «скрытую африканскую душу». Начинается теплый темный дождь. Или, по крайней мере, такова моя интерпретация.

Дублин

23 августа 1996

Миллениум

1996, источник: [здесь](#)

1. Джихад

“ Когда двое садятся вместе за стол, или встают к барьеру, появляется третий — тот третий, который лишний: нахлебник, свидетель, пророк, беглец.

— М. Серр, «Гермес»

Пять лет назад было еще возможно занимать в этом мире третью позицию — ни «за», ни «против», по неприятию или по расчету, царство вне диалектики — пожалуй, даже место отшельничества; — исчезновение как проявленная воля к власти.

Но теперь есть лишь один мир — торжествующий «конец Истории», конец невыносимой боли, которая зовется воображением, а на самом деле — апофеоз кибернетического социального дарвинизма. Деньги объявляют себя законом природы и требуют абсолютной свободы. Полностью переместившись в сферу духа, освободившись от изношенной оболочки тела-производства, обращаясь, в бесконечности и безвременьи, по гностической нумисфере высоко над землей, отныне только деньги будут определять сознание.

20-й век завершился пять лет назад; это миллениум. Там, где нет второго, нет противостояния, там не может быть и третьего, не может быть «ни да, ни нет». Поэтому остается выбор: либо мы признаем себя «последними из людей», либо мы признаем себя оппозицией. (Либо автомонотония — либо автономия.) Все позиции отказа должны быть пересмотрены с новой точки зрения, основанной на новых стратегических требованиях. Можно сказать, что нас загнали в угол. Идеолог прошлого определил бы ситуацию как «объективно предреволюционную», в очередной раз. Вслед за временной автономной зоной, вслед за восстанием, вновь маячит необходимость революции — виден «джихад».

2. Одинаковость

Деньги 21-го века — это хаос, в то время как идеология века 20-го — не более, чем энтропия. И буржуазная, и антибуржуазная мысль предсказывала единый мир — мир сознания, объединенного наукой, — но лишь деньги на самом деле создадут этот мир. Деньги не движутся в кочевом цикле, ибо кочевник перемещается с места на место, в то время как деньги перемещаются по времени, уничтожая пространство. Деньги — не ризома, но хаос, явление безразмерности, неорганическое, но способное к размножению

[бесконечным регрессивным делением] — сексуальность мертвого тела.

Тем самым, «капитал» следует рассматривать как «странный аттрактор»[1]. Возможно, математика таких «вышедших из-под контроля» денег уже видна в эзотерических паутинах вроде сети SWIFT — частного интернета для банков и арбитражных домов — где за день триллион долларов перемещается в киберпространстве, и меньше, чем 5% из них, хоть отдаленно связаны с производством.

Единый мир допускает «хаос», но подавляет истинную сложность, сводя ее к одинаковости и к разделенности. Сознание само «включается в представление»; непосредственно переживаемый опыт, тот, что требует живого присутствия, запрещен, ибо он угрожает образованием еще одного мира, мира вне отведенных пределов. От небесного царства образов остается лишь экранная после-жизнь, гностический нуль-переход, стеклянное развоплощение. Бескрайнее одно и то же, разделенное на бесчисленные отсеки, неограниченность связей и бесконечное одиночество. Неизмеримое совпадение желаний, непреодолимое расстояние до их воплощения.

3. Управление желаниями

Единый мир не может упаковать наслаждение, но лишь образ наслаждения — зловещий герметизм, своего рода барака наоборот, Шварцшильдовский радиус[2], конечный пункт для желания. «Духовность наслаждения» — именно в присутствии, в том, что нельзя воспроизвести, не потеряв; — в том невыразимом, неприкосновенном, возможном только в «экономике дара», которая всегда существует (или изобретается заново) под спудом ортодоксии и паралича взаимоотношений обмена. Мы определяем «желание» именно как стремление к этому — а не как зуд, который проходит от денежной смазки. Радикальная теория предложила недавно модель желания, основанную на идее о том, что капитал оперирует потребностями и в состоянии их удовлетворить[3]. Поэтому желание объявлено эгоистичным и реакционным. Однако Беньямин уже доказал, что цель капитала — вовсе не удовлетворить потребности (т. е. доставить удовольствие) — но, напротив, довести тоску до предела, используя механизм «бегства за утопическим» («метафизические авантюры товара», перефразируя Маркса). Говорить, что капитал освобождает желания, есть семантический абсурд, основанный на «неправильном переводе», — порабощая желание, капитал освобождает себя. Двенадцать страстей — неподавленные двенадцать страстей — есть, по утверждению Фурье, единственная возможная основа Социальной Гармонии. Мы, возможно, используем другую нумерологию, но мы думаем так же.

Негативному герметизму и фальшивой чувственности единого мира оппозиция противопоставляет свой собственный гнозис, диалогику присутствия, наслаждение прорыва за представленное наслаждение — своего рода точильный камень. Не цензура и не управление образами, напротив — освобождение воображения от имперского владычества образа, от его покровительственного и назойливого присутствия везде и во всем. Образ сам по себе безвкусен, как биотехническая груша или помидор, — лишен запаха, как сама наша цивилизация, «безопасное общество», культура не более, чем выживания. Отчасти, наша борьба есть борьба против колониального слуха и имперского взора — за вкус, осязание,

запах и видимое «третьим глазом».

Желание растворилось в представлении — стало быть, его надо спасти. Требуется молчание и тайна, возможно, сокрытие образа под завесой, — в конечном счете, нужно восстановить чары запретного. Только тот эрос, что нацелен на побег из заключения в банальности образа (и здесь вряд ли важно сознательное устремление), не противоречит эстетике джихада; не имеет, кажется, никакого значения, проявляется ли он через привычные или нетрадиционные акты и роли.

Сексуальность сама по себе может рассматриваться как энтеогеническое[4] явление — подобно «священным растениям», она доставляет не только когнитивные формы, но и образное содержание. Праздничное веселье для нас — по меньшей мере, «серьезная шутка» [старое определение алхимии], а может быть, и ритуальная необходимость. «Просветление» — это также и материальный, телесный принцип, и наша тайна в том, что не только «ничто» Ницше может быть основанием для него.

4. Зеленая тень

Дикое, в природе и вне ее, символизирует как раз несводимость и нераздельность желания. Уничтожение нечеловеческого влечет уничтожение человеческого; культура определяется лишь по отношению к неокультуренному. В этом — глубина язычества; в Исламе, зеленый — геральдический цвет, ибо «вода, растительность и прекрасное лицо» (по словам Пророка) суть категории, привилегированные онтологически, — именно они дают базис для эзотерического отказа от одинаковости и разделенности: божественное как различия, неуничтожимые и непосредственные, не только в «Природе», но даже в саду или в мегаполисе — как в органическом кристалле, спонтанно возникшем из желания жизнью самой себя. Возможно, что всю «настоящую» дикую природу уже свели в картомантический[5] каталог Управления Желаний — в конце концов, единый мир не приемлет ничего иного — но, даже если и так, призрак ее не покинул этот самый единый мир. Ее можно вызвать вновь; ее можно восстановить.

Но если Природа лишается природной сущности под убийственным объективно-музейным взглядом и если «все» опосредованно (включая «прямое чувственное восприятие»), то как же мы можем говорить о восстановлении «непосредственности»? Во-первых, дело в том (если использовать иную терминологию), что отнюдь не все «включено в представление». Очевидно, что претензии единого мира на единство лишены оснований — по определению, у каждого куска, заключенного в представление, сохраняется внешняя сторона; не говоря уже об области многозначности, о зыбкости вдоль каждой границы. Единство представляет себя неуязвимым — но слабость его очевидна, как только мы замечаем, что оно не отражается в непосредственном, живом опыте, а лишь проявляется как перемещенность, пустота, скука, бессилие; возможно, именно в этот момент «разрывается завеса» и мы видим отблеск будущего, или, по крайней мере, желанного будущего. Во-вторых: мы можем говорить о восстановлении потому, что даже не всякое представление, произведенное в рамках единства или заключенное в его клетку, эффективно как репрессивный механизм. Сам язык насыщен (иногда непреднамеренной) поэтикой самопреодоления, субверсией,

«взрывом чудесного». Кажется, что жизнь вступает в заговор с неокруженным пространством, и само представление в конце концов стремится прочь от представленности.

5. Наличие

Зеленым насильственно обозначили проклятое плодородие денег, их противоестественную плодovitость — алхимию экспроприации, бесконечный вес привилегированных каст, масонский надзор. Превозмогая собственную текстуру, они превращаются в чистое представление; однако с самого начала, с первых глиняных бирок и монет из электрума, деньги есть не что иное, как долг, не что иное, как недостача.

Деньги «сами по себе», как простое платежное средство, сохраняют некоторую невинность — «бедные», так сказать, деньги, лишённые роста и выброшенные, собственно, в обращение. На таком уровне деньги могут быть полезны даже и во временной автономной зоне; но, говоря о джихаде, мы рассматриваем, и должны рассматривать, деньги как нечто под знаком Капитала, как мерилло экспроприации и как основной миф, порождающий разделенность.

Когда же деньги преодолеют с помощью виртуальности свою физическую природу, когда каждая транзакция, каждое волнение эфира будет давать процент, «бедные» деньги уступят дорогу «чистым» деньгам. Кто же окажется в выигрыше?

Возникшая всемирная машина никогда не упадет, как спелое яблоко, в руки восставших масс; единый управляющий Глаз никогда не достанется народу (как будто одной из трех слепых норн); не будет ни мягкого, ни грубого перехода от Капитализма к какой-то экономической утопии, какому-то чудесному спасению в сознании, объединяющему просвещенный пост-рационализм со всеобщей культурой (и с удобными уголками для эксцентрических пережитков и туристского счастья) — никакая Социальная Демократия не возьмет управление в свои руки во имя народа. «Власть/ деньги» (как выражались старые аграрии) не во власти элиты (ни конспираторской, ни социальной); скорее, элита — во власти денег, в роли человеческой прислуги при каком-то научно-фантастическом монструозном искусственном интеллекте из внешнего киберпространства. Власть/деньги — это и есть всемирная машина; ее нельзя получить в наследство, ее можно только разобрать на куски. Достигнет ли нумисфера какого-то теоретического предела, после которого мыльный пузырь лопнет «сам по себе»? Верно ли, что Капитализм идет к последнему рубежу и последнему кризису, который кончит все кризисы, или же он найдет защиту, а то и способ получать прибыль на любом «пределе роста», любой хаотической пертурбации своей замкнутой удушающей атмосферы? [Оставайтесь с нами.] В любом случае, как заметил Густав Ландауэр, никакая «историческая неизбежность» не обещает возрождение революции в тот самый момент, когда Капитал торжественно объявляет диалектику закрытой.

Похоже, в некотором смысле, Капитализм стал «неизбежным» с момента изобретения искусственного дефицита — с момента первой экспроприации. Но где же в точности этот

момент? Введение сельского хозяйства — долгий и много раз обсуждавшийся кризис, но многие сельскохозяйственные племенные сообщества так же устойчиво антиавторитарны и так же ориентированы на дар, как чистейшие охотники/собиратели. И в древних иерархических государствах (Шумер, Египет, Китай времен династии Шань), и даже при феодализме сохраняется экономика взаимности и распределения; Рынок, «предсказанный» классической политэкономией, попросту не возникает (см. работы Карла Поланьи). Более того, каждый раз угроза его появления вызывает сопротивление почти провидческое (что мог бы предсказать Кластер — разделение и экспроприация никогда не приходят без боя и поэтому никогда не достигают своей абсолютной формы. На самом деле, не существует ни закона природы, требующего циркуляции и обмена, ни исторической необходимости, ни неизбежной атомарности социальной сферы, ни единого мира представления. Существует капитализм — но не только капитализм; другой полюс по отношению к нему — революция. И наоборот.

Удобный момент для объявления бунта никогда не наступит. Мы, вечные еретики, уже сделали выбор — в предыдущем ли воплощении, в мифическом ли времени-вне-времени, как будто нечто переосмысливает себя — в нас, или без нас, — и отказаться — значит обречь себя на чахлое смирение, на тепленькую недо-смерть. Не может быть возврата к невинности в экстазе шести сотен каналов, из которых некоторые работают со времен так называемого «Падения Римской Империи», а то и раннего неолита. Самое первое появление разделенности в самых ранних формах — денег и государства — есть рубеж нашей традиции, которой теперь около 10 000 лет; в конечном счете не важно, «тот ли это кризис», или не тот. В любом случае, выбор за нами.

6. Нападение на экран

Средства массовой одинаковости и разделенности представляют единый мир в самой религиозной из его форм — структурирование социального и разбиение его на образы. Простого осознания этого процесса не достаточно для того, чтобы его преодолеть, — оппозиция также должна принять форму религии, вновь наводя разбитые чары посредством контр-образов; здесь можно говорить о рационализме чудесного. Похоже, что единственный способ пойти дальше, чем простое противодействие (и тем самым, поглощение образом), — «сакрализация» нашей борьбы против одинаковости и разделенности; но только в случае неудачи мы будем вынуждены счесть «романтизмом» критику (или восхваление) нашего проекта. Пять лет назад средства массовой одинаковости и разделенности обрели почти ту же свободу и автономию, что и средство обмена — деньги. Теперь они сместили акцент: от простого подавления — к реализации и «междисциплинарному», нарушающему границы слиянию всех режимов представления (начиная с образования и заканчивая рекламой) в одну «полисемическую» катастрофу формы: тело, недвижимое перед экраном, телесное сведено к темноте, обретающей формы лишь при свете, источник которого — гностическая плерома, трансцендентное царство, откуда изгнаны все тела, — стеклянное небо.

Старомодный дуализм обрушился — тотальная топология задается теперь гносеографической географией денег, размерность которых стремится к нулю. «Зеркало производства» заменено полной прозрачностью, головокружением ночного кошмара. Земля,

труд, природа, само «я», сама жизнь, даже смерть — все можно переопределить и сделать основой обмена — все есть деньги.

Примечание: разумеется, все эти обобщения касаются не реальности, но, скорее, идеологии глобального Капитала (идеологии мошеннического «пост-идеологизма») — интоксцированных провозвестий «информационной экономики» — обмана «дерегуляции» (что говорить о революции, раз Капитал и так уничтожил все правила?) Само собой, на самом деле Капитал не преодолел производства, но всего лишь задвинул его куда-то в область кладбищенских служб и мусорных баков. Капитал желает экстаза, не тейлоризма; его страсть — бестелесность и чистота.

В конце концов технология экстатического управления останавливает в зародыше саму возможность выразить что-либо — например, с помощью биотехнического протезирования, либо через слияние тела с экраном. Фальшивая свадьба Эроса и Танатоса — окончательное окружение. «Великий джихад», разумеется, направлен против разделенного «я» — против удушения истинного я, того, которому необходимо выразить «своего господ», выразить свой глубинный смысл. Но не менее актуален, не менее напуган бараккой «малый джихад» — нападение на экран.

7. Нравственность насилия

Всякое парадоксальное возрождение нравственности начнется здесь, естественно, на руинах ортодоксии — и не возведет на них ничего более постоянного, чем черный шатры бедуинов Ибн-Халдуна[6]. И все-таки, раньше или позже джихад (борьба) приводит (через «та'авил», то есть герменевтическую экзегетику) вновь к шариату, то есть к закону. Но шариат также означает тропу или путь — он есть «бескрайняя дорога» странника, не имеющего цели. Ценности даются воображением, то есть движением. «Там, где остановились боги» — там и есть истинное. Но боги идут дальше; они подвижны, как свет на воде в пиндаровой оде.

Реальное покушение не безнравственно — оно попросту невозможно. Посыл «терроризма» в том, что никакого пристанища не существует; только кибергностическая свалка истории, полная боли и пустоты — ограниченная ответственность как космический принцип. Можно представить себе нравственность (может быть, даже «нравственность воображения»), базирующуюся на насилии против институций и идей — но в языке не хватает форм для подобных формулировок, и потому политическое повстанчество обрекает на неясность цели и даже на недостаток сосредоточенности. В любом случае, дело не в личном «духовном состоянии», а в реальной само-перестройке восприятия — в суфийских терминах, не состояние, но «временная остановка». Заимствуя фразу из исмаилизма, можно назвать это нашей версией Да'ва аль-Кадими, или Древней пропаганды — древней, потому что процесс ее рождения никогда не прекращался.

8. Fin de siècle

Для концепции утопического не осталось будущего. «Надежда вопреки безнадежности»; не требуется никакого реального выбора. Присутствующее всегда нечисто — только отсутствующее приобретает кристальную, остоновую форму совершенной вечности. Если хотите, моральное осуждение: нетерпимость ко всему, противоборствующему джихаду — но более никакого щегольства, никаких хрупких и утонченных конструкций своего я.

Самоотождествление посредством различия есть способ речи, а не только волевой акт; он имеет свое дао, спонтанное самоупорядочивание вместо самодержавного взгляда картезианства. Примененный к культуре («надстроенному» аспекту социального), этот способ речи либо устанавливает положительную обратную связь с «Природой», и дает тем самым возможность изменить мир-как-консенсус, либо представляет из себя преступную глупость.

Здесь вновь почти не важно «всего лишь» сознание; поэтому мы делаем упор на нестандартных состояниях, в которых преодолевается, «навыком» и концентрированным вниманием, дихотомия аутоинтеллектуальной рефлексии. Замыкание эстетического на себе и ментальная изоляция отрицают тот факт, что всякое наслаждение есть экспансия, что взаимность — в экспансии, лишенной хищничества. Раз бунт есть реакция и на одинаковость, и на разделенность, то по определению он состоит в стремлении к различию и присутствию — и, как говорили раньше френологи, к «сообщительности». Это ни простое «общение» — допускающее тоскливую опосредованность и бесплотность, — ни экстатическая «общность» (термин, отдающий обостренной авторитарностью вынужденного присутствия) — но, скорее, праздничное сообщничество — эротика социального.

9. Бунт ислама

Прудоновский федерализм, основанный на частностях, лишенных гегемонии, в «номадологической», или ризоматической взаимности синергетической солидарности — такова структура нашей революции. (Сама зубодробительность терминов показывает, как необходимо насытить жизнью теоретический горизонт!) Идеологи пост-просвещенческого времени воспримут с брезгливостью мысль о революционных импликациях такой религии, такого образа жизни, которые всегда, с самого начала противостоят монокультуре одинаковости и разделенности. Современные реакционеры ужаснутся идее взаимопроникновения, порам в нашей солидарности, сообщничеству и присутствию как взаимодополняющему, гармоничному резонансу «революционных различий».

В качестве примера возьмем ислам — гиперортодоксы и улемократы[7] не могут с легкостью сократить его до доминирующей/универсалистской идеологии, поскольку в нем присутствуют самые разнонаправленные формы «сакральной политики» — суфизм [например, Накшбанди], радикальный шиизм [например, Али Шариати], исмаилизм, исламский гуманизм, «зеленый путь» полковника Каддафи (отчасти нео-суфизм, отчасти анархо-синдикализм) и даже космополитический боснийский ислам. [Примечание: мы упоминаем эти течения не для того, чтобы со всеми из них согласиться, но для того, чтобы показать, что ислам не есть монолит «фундаментализма».]

Традиции терпимости, добровольчества, эгалитарности, забота о социальной справедливости, критика «ростовщичества», мистический утопизм и т. д. могут образовать созвездия новой пропаганды внутри ислама, непреклонно противостоящей когнитивному колониализму нумисферы, акцентирующей «эмпирические свободы», а не идеологию, критически относящейся к репрессивности внутри ислама, но приверженной его творческой энергии, сдержанности, ориентировке на внутреннее, воинственности и стилю. Озабоченность ислама загрязнением воображения, выраженная в буквальном сокрытии образа, дает джихаду мощное стратегическое обоснование; — сокрытое не отсутствует и не невидимо, ибо завеса обозначает его присутствие, его образную реальность, его силу. Сокрыто лишь *доселе невиданное*.

10. Почва

Племенные общества, предоставленные сами себе, воюют не столько ради гегемонии, сколько ради приключения — и, как отметил П. Кластр, такие горизонтальные военные действия (как и другие «примитивные» обычаи) на самом деле направлены против появления «государства» с его вертикальностью — насилие, как форма борьбы против разделенности, саму возможность которой племя всегда воспринимает как опасность и «зло» — насилие, как форма извечного раздробления, или раздела и перераспределения, власти. Джихад задуман не как возвращение к этой форме насилия, но как диалектическое воплощение ее скрытого смысла. По этому принципу, слияние разнообразных различий допускается не только в качестве утопического предположения, но и как возможное стратегическое объединение — как «машина войны». Густав Ландауэр ясно показал, что подобные группирования можно рассматривать и горизонтально (или «федеративно»), и вертикально — разумеется, не как категориальные сущности, но как фолк, народы, «нации» в смысле американских индейцев[8]. Реакционное быдло украло этот термин и, исказив, превратило его в худшего вида гегемонизм — но и этот термин можно спасти (что есть «приключение» само по себе). [Мы должны перечитать Прудона, Маркса, Ницше, Ландауэра, Фурье, Беньямина, Бахтина, ИРМ[9] и т. д. — так же, как Сапатистская армия национального освобождения (EZLN) перечитывает Сапату!]

Ландауэр также отметил, что в определенном смысле государство не есть абсолют, но внутреннее отношение. Поскольку власть сдвигается от национальной карты к «чистому» Капиталу, постольку внешнее государство как фокус оппозиции все больше теряет смысл. Варианта «нейтральности» не существует — либо зона есть часть единого мира, либо она включается в оппозицию. Когда оппозиционная зона совпадает с каким-либо политическим образованием, революция рассматривает возможность политического альянса. Великий джихад — против внутреннего отношения власти — всегда неизменен; но малый джихад, против внешнего ее проявления, постоянно меняет форму.

Примечание: все зависит от ощущения того, что две силы — автономия и федерация — не противоречат друг другу, но друг друга дополняют и даже вступают в сообщество; если это парадокс, то это парадокс, с которым и надо жить. С точки зрения федерализма и солидарности, следует противостоять этническим чисткам и воинствующему шовинизму, поскольку такой реакционный гегемонизм просто воспроизводит, и даже дополняет,

гегемонизм (и жестокость) единого мира. Но аутентичные (лишенные гегемонизма) различия следует защищать, потому что (или постольку, поскольку) они не могут, «не должны» быть стерты Молохом капиталистического сознания. Автономия без федерализма в лучшем случае нереальна, в худшем — реакционна, — но федерализм без автономии прямо угрожает единственному принципу, объединяющему джихад, — принципу самоопределения или «эмпирической свободы».

Для стратегического слияния сложность — не просто эстетическое требование, но необходимость, когнитивная герилья и зона сопротивления, царство неоднозначности, в котором восстание находит экономическую базу, свой *heartland*[10]. Каждая «нация», как традиционная, так и вновь образованная, и каждая группа, которая дрейфует горизонтально внутри этой среды или сквозь нее, — советы, союзы, комитеты, фестивали — на самом деле, каждый «суверенный индивид» — могут войти в федерацию на базе сиюминутного анти-гегемонистского фронта против самопровозглашенной тотальной одинаковости и разделенности, за мир присутствия и различий.

С определенной точки зрения, сила присутствия и солидарности возникает из реальности «класса» — хотя, если мы принимаем этот термин, мы должны учитывать огромные перестановки и калейдоскопические сдвиги смысла, которые разобрали и собрали его вновь, нам нужно лишить его украшений, приклеенных 19-м столетием, телоса единого мира, монокультуральной эстетики — его наукообразности, связанных с ним разочарований и фатализма. Дело не в «пролетаризации зон», но в бесшовном и «естественном» подавлении автономного сознания (и как раз здесь сознание важно).

11. Революционная сотериология

Итак, «спасаемый» джихадом «мир» состоит не только из той Природы, окончательное огораживание которой неизбежно повлечет за собой фатальное отчуждение сознания от всякой «изначальной близости», — но также из пространства культуры, из аутентичного становления — *Tierra y Libertad* («Земля и воля!»). Возможно, сельское хозяйство есть трагическое Падение с высот естественной экономики — (собирательство, охота, взаимность) — и даже катастрофический сдвиг в самом сознании. Но серьезное требование его отмены есть крипто-мальтузианский, биофобный нигилизм, подозрительно напоминающий гностическое самоубийство. Нравственность переустройства — это уже нравственность освобождения, и наоборот; ядро нового общества всегда уже зреет внутри старой скорлупы. Все, что единый мир пытается уничтожить или смешать с грязью, безошибочно приобретает для нас ауру органической жизни — это применимо ко всему спектру нашего нынешнего «позднего каменного века», даже к его фульеристским усовершенствованиям, даже к его сюрреалистическому урбанизму (даже Цивилизация» может быть «хорошей идеей», если освободить ее от хищнического детерминизма); в этом — определение нашего консерватизма. Таким образом, несмотря на все вышеперечисленное, несмотря на титанические опустошения, произведенные искусственным интеллектом Капитала, «спасаемый мир» порой отделен от «этого» мира лишь трещиной сатори, толщиной с волосок. Но вся наша непримиримая оппозиция

происходит из этой трещины. Миллениум всегда есть открытие текущего момента — но так же всегда он знаменует собой окончание мира.

12. Скрытый имам

Суть джихада: когда угнетение приобретает парадоксальную форму одновременно одинаковости и разделенности, сопротивление, оппозиция логически приходит к присутствию и различию — революционный парадокс. Ризоматическое, сегментарное, личностное общество, которое выделяется из перенасыщенной логики сопротивления, можно рассматривать с любой точки зрения, вертикальной или горизонтальной, диахронической или синхронной, этнической или эстетической — при наличии одного необходимого принципа, революционного, антигегемонистского принципа присутствия.

Наше теперешнее состояние — разглаженное и раздраженное невнимание — можно сравнить только с каким-нибудь эзотерическим средневековым грехом вроде духовной лени или экзистенциальной забывчивости; наше главное удовольствие — самим придумать для себя пропаганду, мощную, как гностический «Зов», эстетику раскаяния-и-обращения, то есть «самопреодоления», сорелевский миф Миллениума.

В конце концов, слепой паноптикон Капитала наиболее уязвим в сфере «магии» — контроля над событиями посредством манипуляции образами, герметического «действия на расстоянии». Если тонг есть возможная форма для новой пропаганды дела, то следует признать, что одно лишь эстетическое отшельничество (исчезновение как воля к власти) не даст тепла, достаточного для того, чтобы высидеть тайное яйцо. Все, что было когда-то *tertium quid*, теперь пришло (или скоро придет) либо к капитуляции, либо к оппозиции, к самовозгоранию, к восстанию против контроля над желанием и воображением внутри шарообразной клетки единого мира.

Но тайное, скрытое (язык сердца) дает тактическое преимущество в предреволюционной ситуации, и одно это уже возвращает революционной эстетике ее центральное место. Искусство скрытого избегает поглощения «дискурсом тотальности», базирующемся на образах, — и, таким образом, единственное из всех возможных форм, по-прежнему несет в себе извечное обещание искусства — изменение мира.

Примечание: термин «искусство» здесь использован в двух разных смыслах — первый из них, возможно, романтичен, потому что относится к дилемме собственно художника и к вопросу об «авангарде». Второй смысл, однако, имеет целью растворить всю проблему отделенности искусства в практике, которая «обычна» и которая пересекается (на самом деле, почти совпадает) с областью переживаемого опыта. Обычное и сверхобычное здесь более не противопоставлены, возможно, даже слиты в танце сплавленных разграничений. Грубый трюизм: момент совершенства формы есть сама ткань жизни, ее самонасыщение; именно в этом смысле традиционные культуры не видели разницы между искусством и жизнью. Если мы и говорим о «политическом искусстве», то лишь для обозначения того факта, что для нас Капитал определяет себя через раздел между этими двумя — которые «нельзя» разделить. Но это — проблема каждого «работника», и не только «работника

культуры» — и таким образом искусство в этом смысле приближается к полному тождеству с «революционным действием».

13. Вызов и ответ

Меньше, чем десять лет назад, «врага» все еще можно было представлять себе как Всемирную машину труда, или как Спектакль — и потому видеть сопротивление в отшельничестве, и даже в бегстве. Не упал еще огромный таинственный занавес, отделяющий нас от нашей воли, и ничто не мешало нам придумывать новые формы производства, игровые, автономные, или новые формы представления, аутентичные и дающие истинное удовольствие. Существовала очевидная цель — создавать (или поддерживать) альтернативные ячейки, реализующие эти новые формы практически, а сопротивление было тактическим средством защиты подобных зон (и временных, и постоянных). В айкидо нет понятия нападения — вы уклоняетесь от атаки, после чего сила атакующего обращается на себя и себя побеждает. Капитализм и впрямь во многом уступил подобной тактике, отчасти потому, что полагался на стратегию «третьей силы», отчасти из-за того, что идеологически не был готов разрешить собственные внутренние противоречия (например, «демократию»). Теперь ситуация изменилась. Капитализм освободил себя от своей собственной идеологической брони и более не считает нужным отдавать территорию какой-либо «третьей силе». Основатель айкидо умел увертываться от пуль, но никто не в силах уклониться от натиска такой силы, которая занимает все тактическое пространство. Эскапизм доступен «третьему гостю, нахлебнику», но не единственному противнику. Теперь капитализм может объявить войну и прямо разделаться, как с врагами, со всеми бывшими «альтернативами» (включая «демократию»). В этом смысле не мы выбрали для себя роль оппозиции — ее выбрали для нас.

В кендо говорят, что оборонительных приемов не существует, вернее, что единственный вид обороны — эффективное нападение. Однако атакующий, как в айкидо, находится в невыгодном положении (нарушение равновесия) — что же делать? Парадокс: подвергшись нападению, ударь первым. Ясно, что наши «альтернативы» теперь не просто занятые запасные варианты, но жизненно важные стратегические позиции. Революция, однако, не матч по кендо — и не карнавальная пьеса с моралью. По-видимому, наша тактика определится не столько историей, сколько желанием оставаться в истории — не «выживая», но продолжая жить. Напрашивается вопрос «что делать?» и на то имеется две причины: во-первых, уже сейчас существуют тысячи организаций, легально работающих на благо дел, революционных де-факто (или хотя бы достойных) — но нет организующего мифа, пропаганды, преобразующего «революционного сознания», способного преодолеть разделенность как реформистскую институционализацию и идеологический паралич [«раздача тем для борьбы»]. Во-вторых, большая часть «нелегальщины», к несчастью, обречена на контрпродуктивность и зализывание ран, и в точности по той же причине — нет сознания, точнее, нет метанойи, неразделенного сознания. В такой ситуации слияние кажется невозможным, и первое, с чем сталкивается джихад, — это грубая теоретическая необходимость осознать и обосновать собственное место в истории. Пока что разговоры о «предреволюционной ситуации» вызывают иронию, неизбежно связанную с подобными терминами (история как «кошмар») — какие именно видим мы знаки и на каком горизонте?

В этот момент надо вспомнить о том, что «пропаганда действием» изначально включала в себя «добрые дела» вместе с насильственными; поэтому временная автономная зона сохраняет свое значение не только сама по себе, но и как историческая реализация живого опыта, возможно, даже как способ пропаганды действием. Тогда восстание можно понимать как призыв к «постоянной автономной зоне»; и слияние многих подобных групп даст форму «миллениуму». Здесь даже «отшельничество» может быть ценно как тактика — если оно координируется и практикуется с оружием в руках и в массовом масштабе — «революционный мир».

Сформулировав подобную модель, видишь, как далеко мы находимся от ее воплощения. Мы хотели бы позволить себе роскошь и удовлетворить сырую экзистенциальную страсть к «действию», хотя бы к «анти-пессимизму» в каком-нибудь виде — но в текущий момент всякое обсуждение реальной тактики скорее всего окажется фатально (или смехотворно) преждевременным. Кроме того, вопрос «что мне делать?» — чуть ли не самый опосредованный из возможных и гарантирует полную невозможность любого ответа.

***

Таков наш удел: чтобы осознать все это, нам потребовалось пять лет. Все, что когда-то было «третьим путем», нужно продумать заново в свете единственного обстоятельства: нам противостоит единый мир, не два мира. Раз сопротивление выродилось в склочную ностальгию (1968 год так же «трагичен» для нас, как любое другое фиаско) — раз леваческая стервозность и фашистская мелочность столь привлекательны для выдохшихся радикалов — то это из-за того только, что, даже для себя, мы не признали этого нового обстоятельства, а именно, того, что, объявив себя абсолютом и выстроив мир вокруг этого заявления, Капитал вызвал к жизни своего старого смертельного врага (так обесчещенного 20-м столетием, такого скучного), вызвал его вновь и дал ему новое воплощение — последнего рубежа защиты для всего неподвластного — вызвал вновь революцию, вызвал джихад.

Нью-Йорк — Дублин,

1 сентября 1996 г.

Примечания

[1] Странный аттрактор — термин топологии. Аттрактор вообще — это точка, соответствующая устойчивым состояниям нелинейного динамического процесса. Странный аттрактор присущ нелинейной хаотической системе, в которой точки никогда не повторяются и орбиты никогда не пересекают друг друга, однако и те, и другие остаются внутри конкретной области в фазовом пространстве; *здесь и далее — прим. перев.*

[2] Радиус Шварцшильда — собственно радиус сферы Шварцшильда, возникающей при сжатии (коллапсе) космического тела (напр. звезды) в тот момент, когда из-за постоянного

возрастания силы гравитации скорость убегания с поверхности космического тела (т. н. вторая космическая скорость) становится равной скорости света. После этого из сферы Шварцшильда ничто не может вырваться наружу, и коллапсирующее тело превращается в «черную дыру». Название дано в честь немецкого астронома Карла Шварцшильда (1873–1916), впервые сформулировавшего положение об этом явлении; теоретическое обоснование процесса сделано Робертом Оппенгеймером в 1939 году.

[3] Речь идет о книге Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип» (1972).

[4] Энтеоген — галлюциноген, психоделик, психомиметик.

[5] Картомантия — гадание на картах (в т. ч. картах Таро).

[6] Чтобы понять смысл этой фразы (связанной с предыдущими), надо знать, что великий арабский мыслитель Вади-д-Дин Абд-ар Рахман Абу Зейд ибн Мухаммед ибн Хальдун аль Хадрами аль Андалуси аль Магриби аль Малики (1332–1406), более известный как просто Ибн-Хальдун, придерживался циклической точки зрения на развитие общества: каждое общество (государство, цивилизация) проходит стадии возникновения, развития, расцвета и краха — и на развалинах погибшей цивилизации вновь поселяются «варвары». Ибн-Хальдуну принадлежит ряд гениальных прозрений (вплоть до трудовой теории стоимости), почему в арабском мире среди левых социологов распространена точка зрения, что Ибн-Хальдун был «марксистом до Маркса». Эту точку зрения довел до западных левых известный западный левый социолог египетского происхождения Самир Амин.

[7] Улемы (улама), в букв. переводе с арабск. «ученые» — признанные и авторитетные знатоки теологии и религиозного права в исламском мире; группа, аналогичная духовенству у христиан — с той разницей, что в число улемов может войти любой, кто докажет свою компетентность, и включение в число улемов не требует отказа от светской профессии. Улемократия — здесь: признание только за улемами права толковать ислам.

[8] В английском языке индейские племена традиционно именуется «нациями», «Nations».

[9] ИРМ (Индустриальные рабочие мира, известны также как «уоббли», от англ. аббревиатуры IWW, Industrial Workers of the World) — боевой профсоюз, активно действовавший в США и Канаде в первой половине XX в. (небольшие филиалы ИРМ имелись также в Австралии, Южной Африке и ряде стран Латинской Америки). Создан в 1905 г. марксистами, опирался на принцип классовой борьбы и ставил своей целью уничтожение капитализма как системы. С 1908 г. — под контролем анархо-синдикалистов, что повлекло за собой отказ от политической борьбы. ИРМ провели свыше 150 крупных забастовок, во время I Мировой войны занимали последовательно антивоенные позиции, подвергались массовым репрессиям со стороны властей США. После создания в 1919 г. Компартии США большинство марксистов покинуло ИРМ. Максимальной численности профсоюз достигал в 1917 г. (130 тыс. человек), на протяжении 20–30-х гг. ИРМ постепенно теряли свое влияние и наконец превратились в небольшой сектантский профсоюз.

[10] глубокий тыл (англ. воен. термин)

НОВЫЙ НИГИЛИЗМ

2014, источник: [здесь](#)

Становится всё сложнее понять, дело ли в том, что я слишком старый, больной и раздавленный, или в том, что меня окружают пространство и время, которые и сами по себе пропитаны маразмом, бессилием и крахом. Иногда мне кажется, что проблема лишь во мне самом, но затем я вижу людей, которые – хотя они и моложе, и здоровее меня – испытывают, по-видимому, ту же апатию, отчаяние и бессильную ярость. Быть может, дело не только во мне.

Один мой приятель нашёл объяснение этому крушению иллюзий относительно «всего», включая старомодную приверженность идеалам радикализма/активизма, в разочаровании текущим политическим режимом в США, который, как ожидалось, каким-то образом должен был ознаменовать отказ от реакционных амбиций, характерных для десятилетий, прошедших с 1980-х годов, или даже обозначить «прогрессивную тенденцию» к построению некоего демократического социализма. И хотя сам я не разделял подобного оптимизма (я всегда исхожу из того, что любой, кто даже *хотел бы* стать президентом США, определённо является убийцей и психопатом), мне стало очевидно, что «молодёжь» испытывает глубокое разочарование по поводу того, что либерализму оказалось не по силам переломить динамику капиталистического триумфализма. Этого отрезвление вылилось в подъём движения «Оссиру», а крах «Оссиру» ознаменовал разворот к тотальному отрицанию.

И всё же, мне кажется, подобный чисто политический анализ «нового ничто» может оказаться слишком плоским, чтобы объективно оценить, сколь глубоким было крушение всяких надежд на «перемены» в эпоху когнитивного капитала и технопатократии. Несмотря на мои остаточные хиппарские сентименты в духе власти цветов, я тоже ощущаю эту «предсмертную» тяжесть (по выражению Ницше), по поводу которой я полушутя говорю, что мы, по крайней мере, дожили до будущего, и что ужасная правда о конце света заключается в том, что ему нет конца.

Собственно говоря, отныне и на века – один гигантский торговый центр в духе Дж. Г. Балларда и Филипа К. Дика.

ВОТ ОНО, будущее – ну как, успели им насладиться? Жизнь на руинах: не так уж плохо с точки зрения буржуазии, лояльной прислуги одного процента. Руины с кондиционерами воздуха! Никакого тебе рагнарёка, прорыва, драматической развязки: лишь бесконечный повтор полицейских реалити-шоу по ТВ. 2012 год наступил и закончился, а мы всё ещё в должниках у какого-то безликого банка, по-прежнему прикованы к нашим экранам.

Похоже, что большинству людей – хотя бы лишь для того, чтобы выжить, – нужно окружить себя полумраком «иллюзии» (снова цитируя Ницше), убеждающей их в том, что всё идёт

своим чередом, что бывают хорошие дни, а бывают плохие, но в сущности всё обстоит точно так же, как в 10 000 году до н.э., или в 1492 году н.э., или как будет в следующем году. Некоторым даже необходимо верить в прогресс, в то, что будущее сможет решить все наши проблемы и даже что мы живём куда лучше, чем, скажем, люди V века н.э. Скажем спасибо современной науке за то, что теперь мы можем жить дольше – конечно, добавочные годы мы по большей части проводим в виде «медицинских объектов», больных и изношенных, но поддерживаемых на плаву с помощью пилюль и машин, обеспечивающих хорошую прибыль небольшому числу мегакорпораций и страховых компаний. Нация струльдбругов.

Так и есть, мы задыхаемся в чаду, производимом властью наших полоумных машин в денежной нумисфере. Сегодня на планете крутится по меньшей мере в десять раз больше денег, чем хватило бы, чтобы купить её с потрохами, – однако истребление видов продолжается, как и истребление пространства как такового, горные ледники по-прежнему тают, вода и воздух стали токсичными, как и культура, ландшафт приносится в жертву шельфовым месторождениям и гигантским торговым центрам, повсюду царит шумовой фашизм и т.д. и т.п. Впрочем, наука излечит нас от всех невзгод, которые наука же и породила, – только в будущем (или, как говаривал лорд Кейнс, в «долгосрочной перспективе», то есть когда мы все уже будем в могиле); а тем временем мы продолжаем потреблять планету и высирать её в качестве отходов – ведь это так удобно, эффективно и выгодно, а вдобавок, *это нам по душе.*

Так, ну это же обычный набор левацко-либеральных клише, верно? Слышал всё это миллион раз. Широкий зевок. Как уныло, как инфантильно, как тщетно. И даже если бы всё так и было... что мы можем поделать? Если даже наши миропомазанные лидеры не могут ничего изменить, то кто сможет? Бог? Дьявол? «Народ»?

Все модные «решения» этого «кризиса» – от электронной демократии до революционного насилия, от призывов потреблять только местную продукцию до побрякушек на солнечных батарейках, от регулирования финансовых рынков до всеобщей забастовки – все они, сколь бы нелепыми или изощрёнными они ни были, упираются в необходимость одного предварительного радикального изменения – сейсмического сдвига в человеческом сознании. Пока этого не произойдёт, любые надежды на реформы останутся тщетными. А если бы это каким-то образом и случилось, потребность в каких-либо «реформах» отпадёт сама по себе. Мир просто станет другим. Киты будут спасены. Никаких больше войн. И так далее.

Какая сила могла бы (хотя бы в теории) осуществить такой разворот? Религия? Все 6000 лет, пока существует организованная религия, дела шли только хуже и хуже. Психоделики в водохранилищах? Календарь Майя? Ностальгия? Террор?

Вероятно, если катастрофа уже неизбежна, события будут разворачиваться по сценарию «выживальщиков», и нескольким отважным миллионам удастся обустроить зелёную утопию посреди дымящейся пустоши. Но разве капитализм не отыщет способ навариться даже на конце света? Кто-то мог бы сказать, что он уже этим и занимается. Возможно, подлинная катастрофа принимает вид финального апофеоза товарного фетишизма.

Давайте поспекулируем и представим, что этот райский сад инструментов власти и звуковых сигналов заднего хода – это всё, что у нас есть, и всё, на что мы можем рассчитывать. Капитализму по силам справиться с глобальным потеплением – он может торговать надувными жилетами и страховками от катаклизмов. Ничего не попишешь, скажем мы, но по крайней мере у нас есть ещё телевизор и твиттер. «Конец детства», т.е. дети как идеальные потребители, жадные до брендов. Терроризм или сеть магазинов на диване – выбирай, э (демократия значит *выбор*).

Похоже, с того времени, как Историческое социальное движение почilo в бозе в 1989 году (последний хрип зловещего и «короткого» XX века, начавшегося в 1914 году), единственной из появившихся альтернатив Капиталистическому неолиберальному тоталитаризму стал религиозный неофашизм. Я понимаю, *почему* кто-то может захотеть превратиться в воинствующего говнюка от фундаментализма – я даже симпатизирую, – но из того, что я сочувствую больным проказой, вовсе не следует, что мне тоже нужно её подхватить.

Когда я пытаюсь сохранить осколки своего бывшего антипессимизма, я фантазирую о том, что, может быть, конец истории ещё не наступил, что всё ещё есть шанс на то, что нарисуеться некая Популистская зелёная социал-демократия, чтобы бросить вызов похабному самодовольству «финансовых интересов», – что-нибудь в духе скандинавского монархо-социализма 1970-х годов, который задним числом кажется самой гуманной формой государства из всех, что цивилизация когда-либо отрывивала из своей гнилой пасти. (Представляется Амстердам в его лучшие годы.) Разумеется, как анархисту, мне всё равно пришлось бы ему противостоять – но, по крайней мере, я мог бы утешать себя верой в то, что у анархии в такой ситуации есть хоть какие-то шансы на успех. Впрочем, даже если бы такое движение могло возникнуть, можно, мать его, биться об заклад, что это произойдёт где угодно, только не в США. Как и не в какой-нибудь призрачной обители омертвело́го марксизма. Может, в Шотландии?!

Было бы совершенно напрасно сидеть и дожидаться такого пробуждения Социальных амбиций. Прошли годы с тех пор, как множество радикалов оставили всякую надежду на революцию, а те немногие, что не утратили веру, напоминают мне религиозных фанатиков. Быть может, впадение в подобную доктринальную революционность и приносит какое-то утешение – находят же люди утешение в религиозном мистицизме, – однако в моих глазах обе эти альтернативы утратили свою пикантность. Повторюсь, что я симпатизирую искренне верующим (хотя и не слишком, если они впадают в авторитарное левачество или фашизм) – только вот, положив руку на сердце, я слишком подавлен, чтобы их иллюзии могли меня увлечь.

Если допустить, что обрисованный выше сценарий конца времён вполне правдоподобен, то какие у нас остаются альтернативы, кроме суицидального отчаяния? После долгих размышлений я сформулировал три ключевые стратегии.

1) **Пассивный эскапизм.** Не высывайся и не гони волну. Капитализм позволяет великое множество «стилей жизни» (ненавижу это словосочетание) – просто выбери свой и пытайся получать удовольствие. Тебе позволено быть даже обмазанным грязью фермером, живущим без электричества и двигателей внутреннего сгорания, подобно атеистической версии

отказника из секты амишей. Хотя, может, и нет. Но, по крайней мере, тебе позволено *флиртовать* с подобным укладом. «Попыхивай трубочкой, кушай курочку и попивай чаёк», как говаривали мы в 60-е в Мавританском храме Америки, нашем психоделическом культе. Молись, чтобы тебя не поймали. Втиснись в какую-нибудь дозволенную категорию, вроде неохиппи или даже анабаптистов.

2) **Активный эскапизм.** В рамках этого сценария ты пытаешься подготовить оптимальные условия для возникновения Автономных зон, будь то временные, периодические или даже (полу)постоянные. В 1984 году, когда я впервые ввёл в оборот этот термин, я рассчитывал, что Временные автономные зоны (ВАЗ) станут *дополнением* к Революции – хотя, говоря откровенно, уже тогда я устал ждать момента, который, похоже, мы проморгали ещё в 1968 году. В теории, ВАЗ могли бы стать предвестием, возможностью причаститься к подлинным *свободам*: по сути, предполагалось, что ты попытаешься жить так, как *будто* революция уже наступила, дабы не сойти в могилу, так и не отведав «подлинной свободы» (*liberté libre*, как говорил Рембо). Создать свою личную пиратскую утопию.

Разумеется, ВАЗ может быть столь же скоротечной и незамысловатой, как по-настоящему хороший званый ужин, однако подлинный автоном захочет развить этот потенциал в своём стремлении к более долговременному и глубокому опыту самобытной жизни. Почти неизбежно это сопряжено с *преступлением*, и поэтому необходимо научиться думать, как преступник, а не как жертва. В терминах Берроуза, быть «Джонсоном» с большой буквы, а не «марком» с маленькой. Как ещё можно жить (и жить хорошо), избегая порочного круга Работы? Ох уж эта работа, проклятие мыслящего класса. Зарплатное рабство. Быть может, если тебе посчастливится стать успешным художником, ты сможешь позволить себе относительную автономию, не нарушая при этом самых явных законов (за возможным исключением законов хорошего вкуса). А ещё можно получить миллионное наследство. (Сумма больше миллиона стала бы проклятием.) Забудь о революционной этике – вопрос в том, *по карману ли* тебе вкусить свободы? Что касается большинства из нас, преступление станет не только источником удовольствия, но и необходимостью. Выдумывать ничего не надо, старые анархо-иллегаллисты уже показали пример: индивидуальная экспроприация. Конечно, быть пойманным было бы равносильно полному фиаско – однако *риск* неотделим от личностного раскрытия.

В контексте активного эскапизма я раздумываю ещё об одном возможном сценарии – поселиться в удалённой сельской местности в компании нескольких сотен других либертарных социалистов: этого было бы достаточно, чтобы захватить местное самоуправление в свои руки (на муниципальном или даже региональном уровне) и даже избрать или контролировать шерифов и судей, членов родительского/преподавательского комитета, добровольной пожарной дружины, а то и управления водоканала. Найти площадку для культивации нелегальных *phantastice* и совершенствоваться в этом филигранном ремесле. Организовать «Союз эгоистов» ради взаимопомощи и экстатических наслаждений – быть может, маскируя их под «коммуны» или даже монастыри, без разницы. Наслаждаться, покуда всему этому не настанет конец.

Я знаю наверняка, что в нескольких регионах Америки этот план показал свою жизнеспособность – хотя, разумеется, я не раскрою всех карт.

Ещё одна возможная модель для индивидуальных эскапистов – *странствующий искатель приключений*. Учитывая, что весь мир, похоже, превращается в одну гигантскую парковку или социальную сеть, я не уверен, что эта альтернатива всё ещё реализуема, хотя и не могу этого исключать. В данном случае фокус заключается в том, чтобы путешествовать там, куда не суются туристы – если такие места вообще ещё остались, – и окунуться в захватывающие и опасные приключения. Например, если бы мне позволяли возраст и здоровье, я бы направился во Францию, чтобы присоединиться к ВАЭ, которые выросли там на фоне протестов против строительства нового аэропорта – или в Грецию – или в Мексику – куда угодно, лишь бы там пробивались порочные ростки бунтарского духа. Конечно, возникает проблема финансирования. (В текущих реалиях пересылка на родину статуй, набитых гашишем, едва ли будет хорошей идеей.) Как оплачивать жизнь, полную приключений? Сердце подскажет. Это не так уж и важно, если вы разделяете идеалы площади Тахир или Зукотти-парка – главное, просто там *быть*.

3. **Мечь.** Я называю её *Мечью Заратустры*, ведь, как говорил Ницше, быть может, мечь переоценена, но она точно имеет свою цену. Можно понять удовольствие, которое испытывает человек, повергнув ублюдков в ужас хотя бы на несколько коротких мгновений. Когда-то я выступал за «поэтический терроризм», предпочитая его физическому насилию, – идея была в том, что искусство можно использовать как оружие. Но сегодня я сомневаюсь на этот счёт. **Ведь, судя по всему, и оружие можно использовать как искусство.** Начиная с кувалды луддитов и заканчивая чёрной бомбой аттентата, разрушение могло бы стать формой творческого выражения, ценного самого по себе или по чисто эстетическим соображениям, без всяких иллюзий касательно революции. Оскар Уайльд плюс *acte gratuit*: дендизм отчаяния.

Что тревожит меня в этой идее, так это то, что в этом случае кажется невозможным отличить акции постлевых анархо-нигилистов от акций постправых неотрадиционалистских реакционеров. Раз уж на то пошло, бомбу могут взорвать и фанатики-фундаменталисты – в чём будет разница с точки зрения жертв или «невинных прохожих»? Подрыв лаборатории нанотехнологий – какие есть основания предполагать, что подобный поступок будет делом рук отпетого монархиста, нежели ницшеанствующего анархиста?

Я был восхищён, когда в недавней книге за авторством Тиккун («Теория Блума») неожиданно обнаружил целую плеяду – Ницше, Рене Генон, Юлиус Эвола и т.д. как примеры острой и обоснованной критики синдрома Блума – т.е. прогресса как иллюзии. Разумеется, у позиции «вне разделения на правых и левых» имеется две стороны: одна сближается с левой, другая – с правой. Европейские новые правые (Ален де Бенуа и его банда) с большим почтением относятся к Ги Дебору, и по тем же причинам (им близка его критика, а не его проекты). Сегодняшние постлевые способны разглядеть в традиционализме реакцию против модерности в той же мере, в какой неотрадиционалисты симпатизируют ситуационистам. Но это не означает, что постанархистские анархисты идентичны постфашистским фашистам!

Мне вспоминается обстановка во Франции времён *fin-de-siècle*, когда между анархистами и монархистами образовался странный альянс; в качестве примера можно привести *Cercle*

Proudhon. Этот сюрреалистический гибрид возник по двум причинам: а) обе фракции глубоко ненавидели либеральную демократию, и б) у монархистов водились деньжата. Этот союз оставил после себя жутковатое потомство – вспомним хотя бы Жоржа Сореля. Да и Муссолини, как известно, на заре карьеры был анархо-индивидуалистом!

Ещё одну линию соприкосновения между левыми и правыми можно обнаружить в своеобразном экзистенциализме – мне кажется, и в этом случае отцовство следует признать за Ницше. С левого фланга мы находим таких интеллектуалов, как Жид или Камю. С правого – просветлённого злодея барона Юлиуса Эволу, который, в бытность свою в Риме, подстрекал своих ультраправых *groupuscules* к восстанию против мира модерна – несмотря на то, что реставрация традиции была абсолютно недостижимой мечтой, – хотя бы лишь в акте магической самореализации, ценной самой по себе. Сущее превышает сущности. Не стоит заикливаться на ничтожных *результатах*. Нет сомнений, что тиккуновский пиетет относительно «совершенного сюрреалистического акта» (разрядить револьвер в случайных прохожих и «невинных жертв») несёт на себе отпечаток всё того же *жеста отчаяния*. (К слову, должен признаться, что именно это – к моему сожалению – всегда мешало мне проникнуться идеями сюрреализма: это просто чересчур жестоко. По той же причине не вызывает у меня восторга и де Сад.)

Конечно, как мы понимаем, проблема с традиционалистами заключается в том, что они всегда недостаточно традиционны. Они оглаживались на утраченную цивилизацию, видя в ней свою «цель» (религию, мистицизм, монархизм, искусства и ремёсла и т.д.), в то время как им следовало бы осознать, что *подлинная* традиция – это «первобытная анархия» каменного века, трайбализм, охота и собирательство, анимизм – то, что я называю Неандертальским фронтом освобождения. Описывая подобную разновидность анархизма, Пол Гудман использует термин «неолитический консерватизм», однако было бы более корректно говорить о «палеолитической реакции»!

Ещё одна большая проблема с правым традиционализмом заключается в эмоциональной окраске этого движения – оно насквозь пропитано подавлением чувственности. Достаточно грубого райховского анализа, чтобы показать, что авторитарное тело является отражением травмированной души и что только анархия совместима с подлинным раскрытием личности.

Возникшие в 90-е европейские новые правые развивают всё ту же идею – причём, тут мы имеем дело не просто с вульгарными националистическими шовинистскими антисемитскими гомофобными гопниками, а с интеллектуалами и художниками. Я считаю их *злом*, но это не значит, что я нахожу их скучными. Кое в чём я с ними даже *согласен*. Они тоже ненавидят нанотехнологов!

И хотя в 1960-е я тоже пытался взорвать пару бомб (против войны во Вьетнаме), по большому счёту я рад, что они не сработали (я никогда не дружил с технологией). Это избавляет меня от размышлений о том, испытывал бы я «угрызения совести». Вместо этого я избрал путь пропагандиста и с 1984 по 2004 год озвучивал свои идеи в анархистских средствах информации. Я сотрудничал с издательским коллективом *Autonome media*, с IWW, Обществом Джона Генри Маккея (левые штирнерианцы) и старым Либертарным книжным клубом в Нью-Йорке (основанном товарищами Эммы Гольдман – с некоторыми из них я был

знаком лично, все они уже умерли). На протяжении 18 лет я вёл передачу на радио WBAI (тихоокеанское побережье). В 90-е я выступал с лекциями по всей Западной и Восточной Европе. Спасибо, я отлично провёл время. Только вот анархизм теперь кажется ещё менее достижимым, чем в 1984 году, не говоря уже о 1958-м, когда я впервые примкнул к анархистам под впечатлением от «Krazy Kat» Джорджа Херримана. Ну что ж, таков удел экзистенциалиста – никогда ни перед кем не оправдываться.

В последние годы в анархистских кругах наметилась «обратная» тенденция – возрождается интерес к индивидуализму Штирнера/Ницше – ибо, в конце концов, неужели остался хоть кто-то, способный воспринимать всерьёз идеи анархо-коммунизма или синдикализма? Поскольку я уже много десятилетий придерживаюсь этой индивидуалистской позиции (хотя и несколько омрачённой моими восторгами по поводу Шарля Фурье и некоторых «духовных анархистов» вроде Густава Ландауэра), очевидно, такой разворот я могу только приветствовать.

Похоже, «зелёные анархисты» и антицивилизационные неопрIMITивисты (некоторые из них) начинают тяготеть к новому для себя полюсу, *нигилизму*. Быть может, более удачно этот тренд можно было бы охарактеризовать как неонигилизм, поскольку эта тенденция не сводится к простому копированию нигилизма русских народников или французских аттентатистов 1890–1912 годов, независимо от того, сколь многое новые нигилисты хотели бы позаимствовать у своих предшественников. Я разделяю их *критику* – фактически, мне кажется, её духом в значительной степени пропитано это эссе: назовём его духом созидательного отчаяния. Однако чего я не могу понять, так это их *программу* – если таковая имеется вообще. «Что делать?» – в конце концов, первыми этот лозунг озвучили нигилисты, и лишь затем его экспроприировал Ленин. Полагаю, что моя стратегия №1, пассивный эскапизм, с их повесткой не совместима. Что же касается активного эскапизма, то суффикс «изм» намекает не только на некую идеологию, но и на некое *действие*. Какая стратегия вытекает из логики этой позиции?

Как анимист, я считаю, что мир (вне рамок цивилизации) является одушевлённой сущностью. Смерть Бога означает возрождение *богов*, на что указывал Ницше в своих «безумных» туринских письмах – воскрешение великого бога ПАНА – хаоса, Эроса, Геи, Древней ночи (на языке Гесиода) – Онтологической анархии, Влечения, самой Жизни, равно как и Мрака бунта и отрицания – всё это для меня настолько реально, насколько может потребоваться.

Я по-прежнему исповедую определённую разновидность духовного анархизма – при этом рассматривая её исключительно как ересь или язычество, а не как ортодоксию или монотеизм. Я испытываю огромное уважение к Дороти Дэй – её тексты сильно повлияли на меня в 60-е годы – и к Ивану Илличу, с которым я был лично знаком – но, в конечном счёте, я не могу избавиться от когнитивного диссонанса, возникающего при попытке скрестить анархизм с Папой Римским! Тем не менее, я могу поверить в возможность *повторного оязычивания монотеизма*. Я придерживаюсь этой языческой традиции, потому что я воспринимаю космос как нечто живое, а не как «безжизненную материю». Как человек, посвятивший психоделике всю свою жизнь, я всегда считал, что материя и дух тождественны и что уже только это дарует легитимность тому, что Теория называет

«влечением».

В свете этого, похоже, что «революция повседневной жизни» по-прежнему не утратила смысл – хотя бы лишь в рамках второй стратегии, активного эскапизма или ВАЗ. Что касается третьего варианта – *Мести Заратустры*, – то может случиться, что она покажет свою жизнеспособность в контексте нового нигилизма, по крайней мере, в своём философском аспекте. Однако поскольку я не могу поддержать её лично, этот вопрос для меня остаётся открытым.

Однако, на мой взгляд, именно в этом и обнаруживается причина того, что я и симпатизирую новому нигилизму, и дистанцируюсь от него. Я вроде как тоже считаю, что Хищнический капитализм победил и что никакая революция, в классическом её понимании, теперь невозможна. Но по какой-то причине я не могу выступить «против всего». В рамках Временной автономной зоны, по-видимому, всё ещё остаётся возможность «пожить полной жизнью», хотя бы лишь на мгновение, – и если такая позиция сводится к обычному эскапизму, то давайте же превратимся в Гудини. Возрождение интереса к индивидуализму явным образом связано с угасанием Социальных амбиций. Но ставит ли новый нигилизм также и крест на индивидуальных амбициях, на «союзе эгоистов» и ницшевских свободных духом? В хорошие дни я хотел бы верить, что нет.

Независимо от того, какую из этих трёх стратегий вы предпочтёте (или другие стратегии, которые я даже не могу себе вообразить), сдаётся, что самое главное – не соскользнуть в банальную апатию. Мы можем смириться с депрессией, как и можем мы смириться с бессильной яростью или революционным пессимизмом. Но, как говаривал э. э. каммингс (поэт и анархист), существует дерьмо, с которым мы не сможем смириться ни при каких обстоятельствах, ибо в противном случае мы объявили бы врагом самих себя. Встал, отряхнулся, пошёл. Можно выращивать розы и даже гоняться за эгоистическими наслаждениями, коль скоро кое-где ещё поют птицы и цветут цветы. Быть может, на свете осталось место даже для любви...

Онтологический статус «теории заговора»

2018, источник: [здесь](#)

Кевину Кугану

Является ли «Теория Заговора» заблуждением правых, которое поразило также и левых? Теоретики заговора слева иногда некритично используют тексты теоретиков заговора справа, тщательно исследуя работы представителей «Либерти лобби», содержащие пикантные подробности убийства Джона Ф. Кеннеди, беря на вооружение представления людей из «Общества Джона Бёрча» о «либеральных» интернационалистах СМС-Бильдербергах-Рокфеллере и т. д. и т. п. Поскольку антисемитизм присутствует как на левом, так и на правом фланге, то отзвуки «Протоколов...» можно услышать с обеих сторон. «Исторический ревизионизм» привлекает даже некоторых анархистов. Антикапитализм или экономический популизм правых перекликается с «Красным Фашизмом» левых, который впервые вышел на арену Истории в виде «Пакта Гитлера-Сталина» и теперь преследует нас в форме причудливой «Третьей Волны» — слияния правого и левого экстремизма в Европе, феномена, который в США проявляется в виде нигилизма и «сатанизма» анархо-фашистских групп, подобных «Амок Пресс» и «Радио Вервольф» — и «Теория Заговора» играет значительную роль во всех этих идеологиях.

Если «Теория Заговора» по своей сути является теорией правого толка, то это так только лишь потому, что она подает Историю как результат деятельности скорее отдельных лиц, но не групп. В соответствии с данным аргументом теория вроде той, что была выдвинута Мэй Брюссель (*Maë Brussel*) — а она считала, что нацисты проникли в американскую разведку и политические управленческие структуры — может показаться левацкой; однако она не содержит подлинно диалектического анализа, т. к. не считает экономическую и классовую борьбу движущими силами и вместо этого возводит все события к проискам тайных сил. Даже представители анти-авторитарного левого движения могут иногда брать на вооружение такое недалекое суждение о Теории Заговора, несмотря на то, что оно не ограничено какой-либо догматической верой в экономический детерминизм. Такие анархисты согласятся, что вера в Теорию Заговора является верой в способность элит влиять на Историю. Анархизм утверждает, что элиты просто плывут по течению Истории, и их вера в свою силу или взаимную поддержку является чистым заблуждением. По мнению таких анархистов, противоположная точка зрения означает признание правоты Маркса и Ленина, и заговорщический авангардизм является лучшей стратегией «общественного движения». (Существование авангардизма подтверждает, что левые, или, по крайней мере, авторитарные левые, не случайно связаны с Теорией Заговора: авангардизм сам ЯВЛЯЕТСЯ заговором!) Ленинисты утверждают, что государство является заговором правых или левых

сил, в зависимости от ваших предпочтений. По мнению анархистов, государство не «обладает» властью в каком-либо абсолютном или существенном смысле и лишь узурпирует власть, которая, по сути «принадлежит» каждому индивиду или обществу в целом. Очевидный заговорщический аспект государства, таким образом, является лишь иллюзией, простой идеологической мастурбацией политиков, шпионов, банкиров и прочей мрази, слепо служащей интересам своего класса. Таким образом, «Теория Заговора» представляет интерес лишь как разновидность социологии культуры, как отслеживание фантазий определенных внутренних и внешних групп, и сама по себе Теория Заговора не имеет онтологического статуса.

Это интересная теория, обладающая значительными достоинствами, в особенности — критическим инструментарием. Однако как идеология она страдает от недостатка, присущего всем идеологиям: она создает абсолютную идею и затем объясняет действительность в абсолютных терминах. Представители авторитарного правого и левого крыла разделяют взгляд об онтологическом статусе элит или авангарде Истории; анти-авторитарная точка зрения наделяет особым весом онтологическую историческую роль отдельных лиц или групп; но ни одна из теорий не удосужилась поставить под вопрос онтологический статус Истории или самой онтологии.

Для категорического подтверждения или отрицания Теория Заговора необходимо верить в категорию «Истории». Однако со времен XIX-го века «История» рассыпалась на десятки концептуальных вариантов: этно-историю, психо-историю, социальную историю, историю вещей, идей и менталитетов, клиометрию, микроисторию. Это не конкурирующие исторические идеологии, а просто разнообразие вариантов Истории. Представление о том, что История творится «великими людьми» или что История является результатом слепой борьбы экономических интересов, или что История ЯВЛЯЕТСЯ чем-то обыденным не выдерживает этой фрагментации на бесконечное множество изложений. В этом случае продуктивным будет не онтологический, а эпистемологический подход, т. е. мы не задаем вопрос о том, чем «является История», а спрашиваем — что и как мы можем узнать из многих вариантов Истории, подчисток, появлений и исчезновений, скрытых сторон и фрагментов многочисленных дискурсов и разнообразных историй о хитросплетениях человеческого становления.

Таким образом, мы можем утверждать (хотя бы в виде эпистемологического упражнения), что хоть люди и являются объектами воздействия классовых интересов, экономических сил и т. п., мы также можем допустить возможность существования механизма обратной связи, посредством которого идеологии и действия, как индивидов, так и групп, влияют на те «силы», которые их порождают.

Фактически мне представляется, что, будучи анархистами того или иного вида, мы должны принять такой взгляд на вещи или согласиться, что наша агитация, образование, пропаганда, формы организации, восстания и т. п. по своей сути тщетны, и только «эволюция» может принести или принесет какие-либо значительные изменения в структуре общества и жизни. Это может быть верным или нет относительно длительного периода становления человека, но это явно ошибочно на уровне индивидуального опыта повседневной жизни. Здесь преобладает разновидность грубого экзистенциализма, словно

мы должны действовать так, как если бы наши действия были эффективны, а в противном случае — внутренне страдать от нищеты становления. Без воли к самовыражению в рамках действия мы превращаемся в ничто. Это неприемлемо. Поэтому, если кто-либо может доказать, что все действия являются иллюзией (а я не верю в возможность обоснования такого доказательства), у нас останется проблема желания. Парадоксально, но мы вынуждены (под страхом полного отрицания) действовать, как будто мы добровольно выбираем действие, и как будто действие может произвести изменение.

На этой основе представляется возможным создание неавторитарной теории о «Теории Заговора», которая не отрицает ее полностью, но и не возводит в ранг идеологии. Исходя из буквального значения латинского слова «конспирация», т. е. «совместное дыхание», «заговор-конспирацию» можно рассматривать как естественный принцип анархистской организации. Находясь лицом друг к другу, без какого-либо контроля, совместно мы создаем для себя нашу общественную реальность. Если нам приходится заниматься этой работой в подполье для избежания механизмов посредничества и контроля, мы создаем своего рода заговор. Более того: мы видим, что наши группы могут организоваться подпольно не для избежания контроля, а для попытки его насаждения. Не имеет смысла притворяться, что такие попытки всегда тщетны, так как если даже они не могут влиять на «Историю» (что бы ни понималось под этим термином), они определенно могут пересекаться между собой и влиять на нашу повседневную жизнь. Например, любой, кто отрицает реальность заговора, с необходимостью столкнется с поистине сложной задачей при попытке объяснения деятельности отдельных элементов в разведке и Республиканской партии США на протяжении нескольких последних десятилетий. Дело даже не в убийстве президента Кеннеди и всей эффектной шумихе вокруг этого события; забудьте об остатках организации Гелена (*Gehlen Org.*), скрывавшихся в округе Далласа; но как можно даже затевать обсуждение скандалов Уотергейта, Иран-Контрас, кризиса сбережений и займов, показных войны против Ливии, Гренады, Панамы и Ирака, не прибегая к концепции «заговора»? Даже если мы согласимся, что заговорщики действовали как агенты слепых сил и т. д. и т. п., можем ли мы отрицать, что их действия фактически воздействовали на нашу повседневную жизнь? Например, республиканцы объявили открытую «войну наркотикам», тайно используя деньги от кокаина для финансирования правых повстанческих движений в Латинской Америке. Погиб ли кто-либо, кого вы знаете в Никарагуа? Был ли кто-либо из ваших знакомых пойман в лицемерной «войне» против марихуаны? Появилась ли у кого-либо из ваших знакомых пагубная привычка к употреблению крэка? (Давайте не будем даже упоминать о героиновых сделках ЦРУ в Юго-Восточной Азии и Афганистане).

Как отмечает Карл Огльсби (*Carl Oglesby*), изысканная Теория Заговора не постулирует то, что единственная, всемогущественная, доминирующая клика заговорщиков вершит «Историю». Это действительно было бы дурацкой паранойей, как правого, так и левого толка. Заговоры возникают и исчезают, расцветают и распадаются, мигрируют от одной группы к другой, конкурируют, зарождаются, сталкиваются, взрываются, проваливаются, удаются, разрушаются, выковываются, забываются, пропадают. Заговоры являются симптомами великих «слепых сил» (и, следовательно, полезны, по крайней мере, как метафора), но они также возвращаются к этим силам и иногда даже влияют или заражают их. На самом деле заговоры не являются способом, с помощью которого творят Историю, а скорее — частями бесчисленного множества способов создания наших многочисленных

историй. Теория Заговора не может объяснить все, но может объяснить кое-что. У нее нет онтологического статуса, но у нее есть эпистемологическое применение.

Вот гипотеза: История (со строчной «и») является разновидностью хаоса. История в свою очередь носит в себе множество хаосов, если можно так выразиться. Поздний «демократический» капитализм является одним из таких хаосов, в котором власть и контроль приобрели утонченный, почти «алхимический» характер, и не поддаются определению. В произведениях Дебора, Фуко и Бодрийара, объявляется о возможности пустоты «власти», ее «исчезновении» и ее замене простым насилием спектакля. Но если История является хаосом, то спектакль можно рассматривать лишь как «странную точку притяжения», а не как некоторую причинно обусловленную силу. Идея «силы» принадлежит классической физике и не играет значительной роли в теории хаоса. И если капитализм является хаосом, и спектакль является странной точкой притяжения, то метафору можно продолжить: мы можем сказать, что «заговоры республиканцев» подобны действенным моделям, которые генерирует странная точка притяжения. Заговоры не являются причинно обусловленными, но тогда ничто в действительности не является «причинно обусловленным» в старом, классическом смысле этого термина.

Одним из эффективных способов исследования исторического хаоса будет взгляд на него через призму заговоров. Мы можем верить или не верить, что заговоры являются лишь имитацией власти, простыми симптомами спектакля, но мы не можем отбросить их как лишённые всякого значения.

Вместо разговора о Теории Заговора мы можем попытаться построить поэтику заговора. Заговор будет рассматриваться как эстетическая или языковая конструкция, которую можно анализировать подобно тексту. Роберт Антон Уилсон (Robert Anton Wilson) проделал это в своей обширной и игривой фантазии на тему «Иллюминатов». Мы тоже можем использовать Теорию Заговора как оружие агитпропа. Заговоры «власти» используют чистую дезинформацию; самое меньшее, что мы можем сделать в ответ — отследить ее источник. Действительно, нам следует избегать мистики Теории Заговора, той фантазии, что заговоры всемогущи. Заговоры могут лопаться. Их даже можно побеждать. Но я боюсь, что их нельзя просто игнорировать. Отказ признания действенности Теории Заговора сам по себе является обусловленной «обществом спектакля» формой иллюзорной, слепой веры в либеральный, рациональный, дневной мир, в котором все мы имеем «права», в котором «система работает», в котором «демократические ценности в конечном итоге восторжествуют» потому что так постановила Природа.

История является большой путаницей. Возможно, заговоры не работают, но нам стоит действовать так, как если бы они работали. Фактически неавторитарное движение не только нуждается в своей собственной Теории Заговора, оно нуждается в своих собственных заговорах, не зависимо от того, «срабатывают» они или нет. Либо все мы будем дышать вместе, либо задохнемся поодиночке. «Они», эти ужасные клоуны, плетут заговоры. Мы должны не только вооружиться Теорией Заговора, мы должны создать свои заговоры, свои Временно Автономные Зоны (*TAZ's*) — свои онтологические ударные отряды партизан-командос, своих Поэтических Террористов, свои клики хаоса, свои тайные общества. Так говорил Прудон, так говорил Бакунин, так говорил Малатеста (*Malatesta*). Такова

анархистская традиция.

Интервью Саше Мильцову

29.04.05

2005, источник: [здесь](#)

Хахим Бей: ...автомобили раньше выглядели очень здорово, по крайней мере некоторые. А теперь даже машины очень богатых людей едва отличишь от машин буржуа. Это те же скучные, убого выглядящие формы: ни огня, ни аэродинамики, ни смелого арта. Что такое современная «Бугатти»? Да ничто. Даже арабские шейхи нынче не решаются покупать красивые машины. Почему? Никто не умеет их производить? А в чём дело-то? Это, конечно, просто автомобили. Просто отвратно, эти ужасные технологии, а начиналось всё так хорошо...

Саша Мильцов: *И становится хуже и хуже.*

ХБ: Ага.

СМ: *В наше время производят «ретромобили». Берут «Крайслер», как 50-60 лет назад, и напихивают в него современных гаджетов. Выглядит ещё отвратнее.*

ХБ: Это просто постмодернизм. Это не усовершенствование или новая модель.

СМ: *Что по-прежнему поражает меня в Америке, хоть я и прожил пять лет в Канаде, это чудовищное количество автомобилей везде. Общественный транспорт практически умер. И, как известно, он был злонамеренно уничтожен.*

ХБ: Верно. Это истинная правда. У меня нет автомобиля — не потому, что я такой принципиальный, а просто обстоятельства так сложились. Но я рад, что машины у меня нет — много раз об этом думал — это ужасно. По крайней мере, я не участвую в этом конкретном ужасе. Но если бы я не ездил на чужих машинах — я бы в жизни никуда не добрался, кроме нескольких автобусных остановок.

СМ: *«Пик мировой нефтедобычи», говорят они? Не секрет, что не существует реальной замены нефти в организации существующей мировой промышленности. Бесчисленному множеству производственных процессов требуется нефть; прежде всего, разумеется, автомобилям. Что вы думаете об истощении запасов нефти и всём таком?*

ХБ: Многие, прежде всего «техно-оптимисты», скажут, что когда закончится нефть — другие технологии станут экономически оправданы. Ну, придётся заправлять машины водородом, растительным маслом или энергией солнца. А автомобили останутся. Ужасно

думать, что они могут быть правы. Они могут даже решить эту проблему.

СМ: Но скорее всего такого не произойдет. Реальных альтернатив не существует. Для всех этих машин не хватит солнечного света, не хватит растительного масла — в смысле, урожай же надо ещё вырастить — много чего не будет! И практически все плодородные земли уже используются. Они замощены гигантскими дорогами — созданной Эйзенхауэром системой скоростных шоссе. А так называемая “водородная экономика” — это, конечно, миф.

ХБ: Верно. Я хочу сказать, что следовало бы задуматься об этом с точки зрения технологических решений. Пока что они всегда что-нибудь выдумывали. История заставляет нас предположить, что и в этот раз что-то придумают. По крайней мере, следует это учитывать. В конце концов, есть все деньги в мире, чтобы отдать их лучшим учёным и инженерам.

Но они, кажется, не готовятся. И это-то и интересно. Они живут так, будто завтра не наступит: они не думают на семь поколений вперёд, как американские индейцы или китайцы — они думают на семь минут вперёд. Если повезёт — на 15 минут! Это заставляет предполагать, что не будет никакого гладкого перехода, описываемого стандартной инженерной и капиталистической болтовнёй. И кризис, быть может, произойдёт, как облом этой счастливой сказки. Следует ли нам надеяться на это или следует панически этого бояться? Сложно сказать. Всё, что не приведёт к полному уничтожению цивилизации — а ничего другого не будет — будет войной, чумой, чем-то ужасным. Или — можно ли предположить, что сторонники «альтернативных путей» захватят власть вовремя, чтобы предотвратить это? Можно ли в таком контексте говорить о «захвате власти»?

СМ: И да и нет. «Власть» в наши дни — вещь темная. В смысле — «захватить» что? Телевидение или радио?

ХБ: Да, можно иметь два миллиарда долларов и полагать, что можешь изменить мир, и — ничего, вообще никакого эффекта. Ничто не работает.

СМ: Существует распространённое и довольно наивное мнение, что вся система, Зрелище, начав исчерпывать энергию — нефть, газ и другие ресурсы — постепенно начнёт ослаблять хватку на людских умах и глотках. СМИ останутся, Капитал по-прежнему будет существовать, но он будет слаб и разрознен, а поэтому общество неминуемо разобьётся на малые автономные коллективы, не контролируемые внешним миром.

ХБ: Что ж, мнения меняются, но проблема остаётся — и теперь я могу говорить о ситуации здесь, как местный — я прожил здесь уже 6-7 лет, у меня есть некоторые мысли по поводу — все эти мнения формируются реформой. Они не формируются критикой капитализма или хотя бы технологиями. Партия Зелёных является хорошим примером; по сути это групповое хобби для лузеров. У нас тут, странным образом, правительство поселения из Партии Зелёных. Я этому, наверно, всё равно рад, но пока что они здесь не сумели сделать ничего, кроме — разве что — некоторых символических действий. Причиной этому, я полагаю, является то, что люди, имеющие склонность к таким реформам, не заинтересованы на самом деле в создании настоящих альтернативных организаций.

Это движение не развивается посредством, например, профсоюзов, или бакалейных кооперативов, или производственных кооперативов; оно не развивается посредством бесплатных школ или альтернативных школ. Они не используют автономное действие!

Взгляните на ситуацию с органическим питанием: крупные компании уже открыли, что органическое питание имеет свой рынок, и вышли на него, торгуют на нём. И для большинства потребителей органических продуктов — это не политический вопрос. Это вопрос здорового питания. Так что им плевать; если здоровое питание им будет продавать корпорация Монсанто — будут покупать у Монсанто. Другими словами, эти прекрасные порывы, альтернативные мнения — к некоторым из них, как ты указал, людей принуждают экономические затруднения, а к некоторым они приходят добровольно, вследствие своего стиля жизни, или даже потребительского отношения к «настоящему» и «органическому» и «альтернативному», в конце концов становятся рынком — всё уходит в песок, вся энергия уходит в песок.

Есть люди с прекрасным отношением и благородными желаниями; но поскольку не существует настоящего движения, не возникает ничего большего, чем «положительное отношение», и нет способа его сосредоточить.

Я вчера был на Марше Мира — это была годовщина начала войны в Ираке. Клянусь, я будто снова вернулся в 60-е — та же одежда, те же лозунги:

» — Чего мы хотим?

— Мы хотим мира!

— Когда мы этого хотим?

— Прямо сейчас!»

Мы повторяем это на протяжении сорока лет и всё ещё не осознали, что символическое действие и символический дискурс это НЕ ДЕЙСТВИЕ!

А теперь даже круче: там была контр-демонстрация, и контр-демонстранты орали на нас, что мы коммунисты! Это было словно ролевая постановка из времен Гражданской Войны; как люди в средневековом платье, притворяющиеся, будто они рыцари и дамы. Полное безумие. Я давно уже не был на демонстрациях, думал, может, что-то изменилось. Но нет! Это как «бомба из прошлого» — для всех, включая фашистов, которые до сих пор полагают, что живут в 1979-м. Очень странно.

И так и было! Идут, устраивают марш, кричат: «Это не наша война!» А потом возвращаются домой и смотрят телевизор. И не пытаются организовать альтернативную организацию: церковь, ферму, коммуну...

СМ: Клуб по интересам.

ХБ: Да хоть клуб по интересам! Но они просто возвращаются домой и смотрят телевизор.

СМ: А потом идут и получают свои зарплаты от тех же людей, кто организовывают войну. И их налоги идут на обеспечение войны, разумеется.

ХБ: Точно! И, конечно, им НУЖЕН их джип; им НУЖЕН их мобильник. Это реальные потребности. А все эти так называемые «зелёные» тут насасываются бензина и цемента... Но «не у меня во дворе» — вот что они говорят. Они не собираются отказываться от цемента. Они скажут: «Вынесите производство цемента в Мексику». Я не могу участвовать в этой псевдополитике, тут для меня нет вариантов.

СМ: Возвращаясь к «Маршу Мира»: похоже, война в Ираке продлится долго. Мы не знаем, что там происходит на самом деле; все виды СМИ, центральные и альтернативные, производят любого рода «новости» и предположения. Но кто в здравом уме будет этому доверять? Они же СМИ, в конце концов. В моём представлении, это будет большая, долгая и уродливая война за последние крохи нефти и контроль над Ближним Востоком. Как вы полагаете?

ХБ: Думаю, ты прав или можешь быть прав. Можно рассчитывать на то, что ты сказал; потому что было бы глупо считать, что они остановятся только потому, что нам это не нравится. Они уже показали, что этого не будет.

Попробую побыть «анти-пессимистом» и указать, что если ты прав — думаю, так и есть — это приведёт к тому, что уже существующий невероятный бюджетный дефицит будет расти, что приведёт к увеличению долга, как государственного, так и частного, за счёт которого мы тут, в США, живём. И это, как мне представляется, должно со временем привести к экономическому коллапсу. Для начала, европейская политика станет несколько более «левой» из-за анти-американизма, так что будут возникать такие явления, как мэр Парижа или испанское правительство — что-то щемяще социал-демократическое, не заинтересованное более в мировой игре с Америкой в качестве единственной великой державы.

На деле, уже заканчивается целое десятилетие глобализма и нео-либерализма. Мы сейчас на новом этапе. Вот почему анти-глобализм внезапно стал выглядеть мертвым и устаревшим.

Далее по нашему сценарию может произойти ещё пара важных событий, например, Китай переведёт свою экономику с доллара на евро, ОПЕК, разумеется, отойдёт от дел и так далее.

Так Америка станет экономически изолированной: мы больше ничего не производим — наша промышленность более не может быть самодостаточной. Мы не производим обувь; мы не производим зонтики, карандаши. Мы производим развлечения и информацию. Мы даже компьютеры, блин, не производим! Мы производим идеи, работающие в компьютерах. Вот почему сейчас так важны художники — это одна из немногих вещей, которые мы по-прежнему производим. Поскольку искусство важно, художники достигают успеха — здесь целый район полон художников, из-за них поднялись цены на недвижимость. Теперь здесь не поселиться, не имея в запасе меньше 250 тысяч долларов. Это благодаря художникам!

Спрашивают, почему это люди злятся на художников – «это же не наша вина — мы просто ищем дешевое жилье, но риэлторы преследуют нас, вынюхивают наши задницы, чтобы узнать, где будет следующий прекрасный дешевый район...»

Далее по нашему сценарию: в 1984 если бы кто спросил «а если Советский Союз развалится?», ему бы сказали «ха-ха-ха» — чушь; такого не будет! В 1984, если бы кто спросил, развалится ли Соединённое Королевство, будет ли Шотландия вновь независимой — «Аха-ха-ха-ха! — Вот будет прикол!» Всего 20 лет назад это был бы просто прикол. Что ж, это произошло — и с Югославией тоже. Так что может произойти и здесь. Все меняется так быстро. Возможно, что когда закончится период неолиберализма, появится что-то новое — Американская Империя, и просуществует она, быть может, всего 8-10 лет.

Потому не так давно я заинтересовался идеями сепаратизма и сецессии. Поскольку я полагаю, что единственным оптимистическим или анти-пессимистическим вариантом американского будущего является распад Американской Империи, политический распад, как в СССР. И, как все отлично понимают, это неоднозначное пожелание, мягко говоря. Но у этого варианта есть важное преимущество — вы можете создать небольшую социальную группу, с которой сможете работать — если повезёт.

Это легко может произойти в Америке, и это уже обсуждается. Я пишу статьи, продвигая эту идею. Если я неправ — то я неправ. Для меня это просто тактика, поскольку с точки зрения анархиста отделение, сецессия, хорошо уже тем, что вы имеете дело с менее крупными сообществами и постепенно — прямо по Прудону — всё развалится на автономные регионы, которые потом объединяются в анархо-федералистский союз, абсолютно добровольный на основе народной демократии с отзываемыми делегатами. Как он и говорил, необходимо организовать производство и, при необходимости, оборону. Это идеал анархизма, и отделение может быть шагом на пути к нему. Как известно, это также может окончиться и кошмаром фашизма. Я признаю, это опасная идея, но я не вижу другого выигрышного политического пути для Америки.

СМ: У нас тут невероятное количество ядерного и обычного оружия. Так что сецессия может стать реальным кровавым хаосом. Что думаете?

ХБ: Да, да. Но взгляните на Англию — Шотландия вернула себе независимость на удивление мирно. Да и в СССР во время развала пролилось очень немного крови. Это было замечательным событием в истории — потому что в ходе этих странных политических событий не погибли миллионы. Стоит ли нам надеяться на то же? Стоит ли нам быть столь анти-пессимистичными, чтобы полагать, что и у нас может произойти то же самое, несмотря на нашу широко известную любовь к оружию? Если надо поддерживать жизнь в революционной мечте, как сказал немецкий философ-марксист Блох, то это лучший вариант на данный момент. В Америке не существует левого движения, не существует народнического движения, и лучшее, что только может тут случиться — эта хрень, Америка, просто развалится. Так что сейчас я поддерживаю политику самого худшего.

Я не собирался голосовать против Буша. Во-первых, я в жизни не голосовал и не собираюсь отказываться от этой жизненной позиции ради такого идиотизма. Я, кроме того, не

голосовал и ЗА Буша, но знал, что он победит, правдой или неправдой. Было ясно, что он победит. На деле мы сейчас очень близки к некому странному постмодерновому фашизму, включая пожар Рейхстага и всё остальное говно.

СМ: А эти небольшие европейские страны, которые теперь стали частью Евросоюза? ЕС — это новый монстр: сверхбюрократический, с огромным административным аппаратом. Что вы думаете о Евросоюзе?

ХБ: Когда я бывал в Европе в 90-е и агитировал против ЕС, большинство леваков и, конечно, все либералы не могли понять, о чём я толкую. «Почему вы против ЕС?» Потому что я анархист, чёрт побери! Любое увеличение правительственных органов — плохая идея. Так что ты абсолютно прав.

СМ: И Европа не обеспечивает себя сама. Они получают нефть и энергию извне, и являются важной частью этой глобальной экономической утопии, обменивая свою переоценённую валюту на туалетные стульчаки и прочие китайские товары.

ХБ: То, о чём я говорю, не является настоящим решением — даже для Америки. Это просто тактика, которая очевидна в нынешний момент, поскольку многие устали от Америки, она им отвратительна. Поэтому такие идеи вызывают определённый интерес. Но я знаю, что это не утопия. Я не вижу — особенно в Америке — каких-либо так называемых «левых организаций», которые бы стремились к более реалистичному политическому решению. В Европе существуют ещё остатки Левого Движения: существуют сильные профсоюзы, система социальной защиты, до некоторой степени, сохраняется — в одних странах лучше, чем в других, но всё равно куда лучше, чем в Америке. Не знаю... Я немного завидую этому — я живу здесь и неплохо знаю Европу — я завидую тому, что там можно быть анархистом и всё равно получать социальную защиту. В моём преклонном возрасте это было бы довольно здорово.

Но вы, конечно, правы — прожив в Европе больше, чем пару лет, начинаешь понимать, что запах смерти витает в атмосфере этого буржуазного комфорта, распространившегося даже на бывший рабочий класс. Там была проведена большая сделка, и это грязная сделка.

Всё познаётся в сравнении: когда я думаю о том, как всё омерзительно ужасно тут, в Америке, европейская модель выглядит чуточку получше. А когда я думаю, как омерзительно ужасна европейская модель — я и не знаю, что думать дальше, потому что где реальная альтернатива? Как анархисты, мы должны спросить себя — может ли то, что мы предлагаем, стать реальным шансом изменить жизни хотя бы немногих людей, не говоря уже о целых странах мира? А бывает чрезмерный анархистский пуризм — я называю его «тщетанархизм» — это типа «ой, да не хотим мы слышать про эти идеи, потому что они могут сработать, а мы предпочитаем не делать что-нибудь, а говорить правильные вещи». Поскольку у каждого есть своё собственное мнение о том, что правильно, мы тратим время на взаимную вражду. У нас в Америке все анархисты рвут друг-другу глотки за идеологию! Мы объявляем себя постидеологичными и тратим всё время на ругань из-за идеологии. «Я настоящий анархист! — Нет, я настоящий анархист! — Нет, нет и ещё раз нет! Это я чистойшей воды анархист!»

Вот почему другие радикальные группировки не особо интересуются анархизмом. Если ты живёшь в этой стране и ты чёрный — анархизму нечего тебе предложить. Если ты коренной американец — анархизму нечего тебе сказать. Мы стали очень эзотерическим маленьким культом, или группой культов, поскольку у каждого анархиста, разумеется, свой собственный культ. И меня это достало. Я хочу увидеть какое-то действие, даже если это будет не «чистый» анархизм! Просто в силу экзистенциальных побуждений; потому что если вы слишком долго не можете отомстить — это плохо. Это называют «местью рабочих». Возможно, идею «рабочего» следует пересмотреть, но месть по-прежнему актуальна.

СМ: Это произойдет на локальном уровне?

ХБ: Да как угодно. Насилие не обязательно, разумеется, в том смысле что — мы всегда говорили о прямом действии и люди полагают, что речь идёт о насилии — в то время как мы вполне можем говорить о пищевом кооперативе. Так что, говоря о «мести» — пищевой кооператив может быть неплохой местью, потому что у нас их нет. Он всего один в стране.

СМ: Их больше в Квебеке.

ХБ: Опять таки, это потому что Канада по своей сути североевропейская страна с мягкотелым либерально-левацким правительством. «Давайте о всех позаботимся, позволим им курить дурь...» и так далее. И это куда приятнее, чем здесь, я вас уверяю!

СМ: Конечно, у меня была возможность сравнить.

Но у Канады есть и печальные стороны. Они уже, наверное, десяток лет уничтожают систему социальной защиты. Не так давно они увеличили стоимость университетского образования и сильно урезали стипендии. Теперь квебекские студенты бастуют. За исключением частных школ...

ХБ: Они бастуют из-за денег?

СМ: Ну, из-за денег и из-за всей поменявшейся идеологии образования. Прежде предполагалось, что высшее образование является одним из фундаментальных прав человека. В 60-х и 70-х они думали о том, чтобы постепенно уменьшить стоимость образования в Квебеке и постепенно сделать его общедоступным, как в Северной Европе. Теперь они движутся в направлении Америки, что означает, что высшее образование будет просто ещё одним инструментом для того, чтобы стать успешным на рынке занятости — то есть продавать себя по более высокой цене.

Но не думаю, что они чего-то добьются этими забастовками и демонстрациями. Бюрократия и представители бизнеса железной хваткой будут цепляться за свою выгоду.

ХБ: Это верно. Но, опять-таки, тихий антиамериканизм, порождаемый этим режимом, может ещё немного оттолкнуть Канаду — назовём это «реакцией» — в направлении старых социал-демократических моделей. Просто из-за нашего тихого отвращения. Не знаю, как считаете — это возможно? Вы живёте там уже годы, а я давным-давно не приезжал даже. Канадцы не американцы — я знаю, это всех поражает. Они, может, ничего и не делали бы, но

антиамериканизм может заставить их, как вы думаете?

СМ: Может быть. Но тут есть несколько моментов. Сам антиамериканизм уже стал ритуалом; время от времени у нас проводятся миленькие маленькие демонстрации в Монреале, где происходят сожжения американского флага и тому подобная фигня. Люди занимаются этим раз-два раза в год: жгут флаг, кричат «В жопу Буша!» и «Нет нефти за кровь — нет крови за нефть!» и всё такое. Это скучища, которая не приводит ни к чему.

И, что вполне очевидно, американская система мысли полностью и решительно подчинила Канаду. Что такое Канада в сравнении со Штатами? Это их провинция — политически и экономически. Да, многие, если спросить, скажут, что канадцы не американцы; но что это значит на самом деле? Думаю, никто не знает.

Пару минут назад вы говорили о том, что Америка ничего не производит. Это очень похоже на ситуацию в Квебеке — «общество услуг», как это называют — где люди продают друг-другу услуги — это несколько пугает. Может быть, всё ещё хуже, чем в Штатах, к примеру, Квебек активно продаёт ресурсы Штатам.

ХБ: Украденные у индейцев.

СМ: Точно. Руду, лес. Года два назад мы с приятелем были на природе в Северном Квебеке. Вы не поверите: мы целыми днями бродили по лунным пейзажам с уничтоженными, раздавленными деревьями — видимо, срубали только качественный лес, а всё остальное оставили гнить. Это очень печально.

ХБ: Скажу вам правду — хотя я говорю о сепаратизме и тому подобном — в политические игры мне нравится играть, чтобы голова варила. Однако говоря о том, что будет правильным ответом на это всё — это будет тотальное отступление.

Метафорически, я рассматриваю это как военное положение: мы начали войну в 1968 и проиграли её, но даже не поняли этого, поэтому вместо отступления мы занимаемся ритуальным повторением молитв 60-х годов, например, люди устраивают Марш Мира, о котором я рассказывал. Всё, о чём я говорю — это попытка отступления как можно дальше — куда-нибудь ещё.

СМ: Отступление куда?

ХБ: Это, конечно, проблема. Это должно быть какое-то отступление вглубь. Это отступление в «пространство-вне-пространства», и куда, я не понял ещё. В 60-е мы называли это «выпадением» (имеется в виду «turn on, tune in, drop out» — «включайся, настраивайся, вываливайся» — прим. перев.). Мне кажется, что это снова хорошая идея. Быть может, я всегда это делал, по своему, поскольку меня всегда привлекали коммуны и коммунитарные эксперименты; теперь же это принимает самые разнообразные формы. Это может быть закамуфлированная форма, и вашего выпадения могут не заметить; или можно попытаться собрать кучу народа в одно место и заполучить власть над муниципальными организациями, такими как советы школ, комитеты по городскому планированию. Или просто построить коммуну хиппи в лесу. Могло бы существовать некое новое анабаптистское светское

монашество, неважно — коммунистическое, коммуналистическое, коммунитарное или просто сообщества.

Это могло бы быть некое новое движение — это идея для движения, которое стало бы значительным, если бы в него включилось большое количество народу. Закончилось бы это насилием или нам удалось бы сбежать из рушащейся Империи — неважно. В любом случае мне кажется, что если ты разбит, то ты отступаешь. По возможности, отступаешь в направлении правильной цели — источников подкреплений и пополнения запасов. Так говорил Наполеон. Ги Дебор любил читать Наполеона из-за его ясного взгляда на такие вещи.

Если эту метафору перенести с военного на социальный уровень, мне кажется, можно найти нечто подобное. Начинать следует, разумеется, с личного уровня, и если это станет популярным, постепенно начнётся организованное отступление. Как говорит старая поговорка: «Тот, кто бежит сегодня — будет сражаться завтра».

СМ: Люди останутся в Соединенных Штатах?

ХБ: Да! То же может осуществиться при помощи сепарации — ты остаешься на том же месте, но изменяешь политику. Это что-то вроде побега. Ну или, как говорил Малкольм: «Любими необходимыми средствами».

СМ: Что скажете о том, что всё больше и больше людей переводят своих детей на домашнее обучение?

ХБ: Это, конечно, неудачная политика — должны существовать свободные школы; но если бы у меня были дети, я бы так и поступил. Я бы и не подумал подвергать своих собственных детей современным методам образования! Людям следует объединяться в группы для домашнего образования. Это единственное, что можно сделать после того как движение за альтернативную и свободную школу было раздавлено в конце 70-х.

СМ: Что именно вы понимаете под «свободной школой»?

ХБ: Ну, анархическую школу. Они существовали — странно, как об этом забыли. В Америке конца 70-х это было большим движением. Одно из движений, начатых в 70-е и являвшихся логическим продолжением 60-х. Мне иногда кажется, что 60-е продолжались с примерно 1962 по 1972, а после того 70-е были краткими и длились только до 1978. Но они были логичным продолжением 60-х. И одной из важных тем было построение общественных институтов. Люди относились к этому очень серьезно: пищевые кооперативы и, в частности, школы; поскольку это были мирные вещи — это сходило с рук. Но изменились законы и капиталистические стратегии поменялись для уничтожения этих движений. И им удалось. Так что домашнее обучение — последнее, что осталось. Это плохо; его можно организовать только на коммунальной основе или при помощи элиты. Но большинство вовлеченных в него относится к среднему классу. У бедных людей просто нет на это времени.

Вот почему я говорю, что это политически неудачно, однако другого выбора нет.

СМ: Многие люди вовлечены в анти-корпоративное движение, и иногда они становятся даже экономически успешными, как, например, канадский журнал “Adbusters” – они теперь продают кеды...

ХБ: Я потерял уважение к ним 10-12 лет назад, когда они начали выпускать свой журнал в цветном глянце.

СМ: Да, ужас. Есть ли в «анти-корпоративной» области что-то заслуживающее внимания?

ХБ: Есть. Существует организация под названием “POCLAD”. Я забыл, как это расшифровывается («Program on Corporations, Law and Democracy» — «Программа по исследованию корпораций, законодательства и демократии» — прим. перев.) — это организация, занимающаяся исследованиями по одной теме — только по вопросу корпораций, и они провели ценные исследования в области законодательства и прочего. Не знаю, будут ли они успешны или нет.

В Пенсильвании существует несколько муниципальных образований, где были приняты законы против корпораций, работающих в их районе. Ну, я не в курсе — особый ли это извив в законодательстве Пенсильвании, или то же может быть осуществлено в любом месте. Мне до сих пор не удалось узнать всех подробностей. По последним моим данным было с десяток, или около того, городков, принявших такие законы, что может даже предполагать возникновение движения. Но, судя по всему, они добиваются этого при помощи законодательства и я не знаю — это законы штата и федеральные законы. Поэтому я не знаю, осуществимо ли то же самое в других штатах.

Ещё вышел новый фильм под названием “Корпорация”, который тоже приносит свой вклад. Он появился как раз вовремя. Но я его ещё не смотрел, так что не могу его оценить.

Но опять-таки, это как то, что я говорил о продуктах — сознательность у людей выросла, но направить её на что-то очень трудно в то время, когда не существует движения и нет левацких органов управления. «Левацкий» я употребляю в широком, общем значении. Если хочешь, можем говорить «пост-левацкий».

СМ: Нет, ненавижу эти «пост-что-то».

ХБ: Точно. Проблема в том, что любые возможности действия остаются атомизированы. Нет шансов получения молекулярных объединений. Вот что у капитализма отлично получается — разделение! Этим он и занимается.

Саша Мильцов: А теперь вопрос по поводу Сети. Вы отзывались об Интернете скептически, и правда в том, что Интернет — это гигантский зоопарк, в котором можно встретить кого и что угодно: разные противники корпораций, например, там очень активны. Радикалы любых мастей так активны он-лайн, но вне Сети происходит очень мало. В чём же проблема?

Хахим Бей: Проблема, похоже, в том, что Интернет высасывает любую энергию, которая могла бы стать реальным действием, и вместо этого она тратится на «символический дискурс» — но теперь это становится ещё актуальнее, потому что теперь всё интерактивно

и сверхобильно, поэтому у людей появляется иллюзия достижения чего-то великого: «О! У нас на сайте был миллион посетителей! И миллион народу на марше!» И по-прежнему ничего не происходит. И все чешут репу и говорят: «Ну, может нам надо донести наше послание до ещё большего количества народа. Нам нужно дать новому поколению образование». «Образование! Образование!» Меня так достало слушать про образование. Сколько раз нам придется учить этих долбанных идиотов? Они вообще необучаемы?

Я устал от информации. Я больше не хочу информации. У меня море информации из новостей — куда больше, чем я могу самостоятельно проанализировать. Я хотел бы научиться отказываться от информации — а не получать ещё, и ещё, и ещё; потому что когда ты подсаживаешься на информацию, ты никогда ничего с ней не делаешь. Ты ничего не делаешь... точка! Ты просто сидишь перед своим экраном, перелистывая разные блоги, форумы и сайты. Там и отличные политические идеи, и ужасные политические идеи, и всё, что захочешь — и что?

Это, в первую очередь, просто ещё одна технологическая фишка. Ещё одна потребность, созданная капитализмом. Теперь все хотят этого. И что? Что дальше-то? Дальше будет нанотехнология или генетическая манипуляция и так далее, и далее, и далее и до бесконечности. Очевидно, отсутствует какая-либо чёткая идея революции — я стараюсь использовать это слово в общем, широком смысле, не поминая разные исторические реалии.

Однако в этих сайтах нет чего-то, чего-то, что заменило бы социальное движение, которое мертво. Тэтчер так и сказала: «Не существует альтернативы; не существует такой вещи, как общество». И она пока остаётся права, до тех пор, пока мы не докажем, что она ошибалась.

СМ: Тогда — если не на социальном, то на духовном уровне...

ХБ: Что ж, возможно. Мне приходило в голову, что мы нуждаемся в некоем духовном обновлении; возможно нео-шаманистском, «зелёном», сконцентрированном на Земле и возобновляемых ресурсах, в чём-то языческом, быть может, но не без участия монотеистических традиций.

Вообще говоря, интеллектуальные инструменты может предложить западная герметическая традиция, охватывающая язычество и монотеизм и не являющаяся ни религией, ни наукой, а и тем и тем одновременно. И это, на самом деле, не искусство! У нас есть великая западная традиция, которая не испорчена властью так, как ей испорчены церкви, которая может впитать в себя все нео-шаманистские направления — и даже лучшее из Нью-Эйдж — и как-то сосредоточить людей. В её рамках могут существовать любые региональные варианты и она не будет догматической, поскольку это не церковь. Но опять же, нельзя просто щелкнуть пальцами и сказать: «вот так всё и надо сделать!».

Говоря в общем, я не думаю, что искусство кого-то способно убедить. Похоже, люди принимают решение и потом уже потребляют искусство, которое поддерживает их точку зрения. Я думал об этом вчера на Марше Мира — никто, кто видит Марш Мира и слышит лозунги «Мир — сейчас же!» не изменит своё мнение о чём-либо. Разве что если им лет одиннадцать. Приятно думать, что какой-нибудь девятилетний ребёнок увидит Марш и это

изменит своё мнение. Но, в целом, всё это не слишком убедительно и вообще не про то. Я всем задавал вопрос — изменились ли их, или чьи-нибудь взгляды на вещи после просмотра фильма Майкла Мура «911 по Фаренгейту», который я не смотрел. Было интересно узнать. Нет — ни одна живая душа. Они все пошли на него уже зная, что он им понравится, или он им будет отвратителен. Их мнение не изменилось из-за просмотра. Это не убеждает людей. Это что-то вроде ритуального усиления классовых ценностей.

СМ: Сам фильм — просто пропаганда, лживый во многих отношениях: Буш в нем изображен верховным злодеем, а демократы — прекрасными ангелами, кружащими в небесах. Он как остальная продукция Голливуда, крупный коммерческий хит, как «Титаник» — ну, не такой дорогой, но всё равно. Так что это всё ничто.

ХБ: Меньше, чем ничто.

СМ: Множество людей введены в заблуждение этим фильмом и другой подобной медиапродукцией. Сеть полнится форумами и группами, где обсуждается этот фильм. Он как некая веха для этих ребят. Ужасно.

ХБ: Верно! Именно этого я ожидаю от Сети — вокруг какого-нибудь продукта медиа разгорается дискуссия и даёт людям иллюзию действия. Это, в конце концов, всё, что они делают самостоятельно — не на работе, не в школе. По нынешним меркам это настоящий поступок! Потому что — а что ещё-то?

СМ: Есть ещё другая тема: предположительно секретный доклад Пентагона об изменении климата. В нём утверждается, что важнейшей проблемой, с которой предстоит столкнуться США, будут климатические изменения. Там описываются всевозможные ужасы, к которым приведет изменение климата в ближайшие 10-20 лет, например, погода в Англии как в Сибири; Голландия и Бельгия исчезнут из-за внезапного повышения уровня моря; необычные, гигантские торнадо во Флориде и так далее и тому подобное. Что вы думаете обо всём этом?

ХБ: Да, существует другой сценарий, возможность того, что экологическая катастрофа, которой все мы ожидаем с XIX-го века, на самом деле произойдёт. И что дальше? Я не загадываю. Это не будет революцией или красивым разрушением цивилизации, после которого мы все станем феечками из каменного века. Это будет кошмарный бардак.

Недавно я прочитал доклад о “всемирном затемнении”. Существует, похоже, два вида загрязнения, вызывающих изменения климата: один вид — аэрозольное загрязнение: вещества — крошечные частицы, как при извержении вулкана — которые преграждают путь солнечному свету и вызывают похолодание на Земле. Другой вид — газообразные загрязнения, вызывающие парниковый эффект, который вызывает потепление на Земле. Пока что, если верить этой статье, эти два эффекта противодействуют друг-другу. Но потом мне пришло в голову, что капиталист бы сказал, что автомобильные выбросы — это хорошо — потому что для экологии хорошо, если мы будем сжигать мягкий уголь и штамповать всё больше и больше автомобилей, потому что это защищает нас от истощения озонового слоя и парникового эффекта. Это из тех вариантов: «Предпочитаете сгореть или утонуть?»

Окончится ли мир как взрыв или как всхлип? Выберите по одному варианту из А и В».

Опять же, чтобы этого не происходило, всем придётся избавиться от своих автомобилей. Сегодня. Прямо сейчас.

СМ: Вчера.

ХБ: Вчера! Иначе будет слишком поздно.

СМ: Я читал, что биосфера обладает «эффектом задержки», так что сегодня мы разбираемся с загрязнениями 60-х, а тогда загрязнения было куда меньше, чем сейчас. Но представьте, что через 30 лет нам придётся иметь дело с огромными объемами загрязнения из наших дней.

Стоит упомянуть, что когда бы не поднялся разговор о перенаселении, люди с запада немедленно начинают жаловаться на азиатские и африканские страны с огромным населением. Это действительно большая проблема для этих стран. Однако, в то же время, если взять как пример Индию, мы увидим, что индусы потребляют чрезвычайно мало ресурсов. Один индиец потребляет, быть может, раз в 30 меньше, чем один американец.

ХБ: О, да куда меньше!

СМ: Да, так что, разумеется, есть разница, если живёт два миллиона индусов, а не один, но куда большей проблемой являются два миллиона американцев или любых других «людей запада» со схожими «амбициями». Так что перенаселение в первую очередь вызвано людьми из так называемого «цивилизованного мира».

А современный Китай является интересным феноменом. Эта страна, подобно странам Запада, погрязла в цикле «производство-потребление», в первую очередь в «производстве», разумеется. Поэтому рано или поздно это закончится трагической ситуацией, в особенности учитывая огромное население и нехватку ресурсов; так и будет, если только они не откажутся от иллюзии свободного рынка и гонки за производство-производство-производство для Запада.

ХБ: В общем, есть все поводы для пессимизма, поскольку я не вижу каких-либо решений проблемы. Единственный анти-пессимистичный вариант — быть экзистенциалистом: «Я знаю, что правильно. Я сделал свой выбор относительно правильного и неправильного, собираюсь придерживаться его, а если наступит конец света — так тому и быть». Это как хадис Пророка Мухаммеда: «Даже если ты знаешь, что завтра наступит конец света — посади дерево» и «даже если ты знаешь, что будешь жить вечно, поступай так, будто это твой последний день». Между двумя этими крайностями возникает определенная этика; на самом деле, интересно, что эта этика направлена на окружающую среду, поскольку он выбрал пример с деревом. Поэтому это надо просто делать, поскольку это экзистенциальный выбор делать что-то вместо того, чтобы быть тупым притесняемым рабом. Это выбор.

СМ: Абсолютно верно...

ХБ: И тут мы заходим на по-настоящему опасную почву; все эти идеи “Acte Gratuite” («безвозмездного поступка»), “Attentat” («покушения»), терроризма, убийств, идеи, которые живо отзываются в душе крайне правых. «Магическое сопротивление» — это работа больше над собой, чем с обществом. И я признаю, что это очень опасные воды, но когда все остальные варианты были у тебя отняты — это всё, что осталось: ощущение собственного само-становления. «Пытайтесь всё больше становиться собой», как сказал бы Ницше. Возможно, именно из-за того, что мы стали атомизированы — всё в конечном счете сводится к индивидууму. Каждый такой выбор осуществляется на индивидуальном уровне. Это всё, что нам остаётся, покуда нечто новое не появится из нашего экзистенциального отчаяния. Я всегда говорю: «Надеюсь, кто-нибудь докажет, что я ошибаюсь». Это было бы просто прекрасно.

СМ: Ради любопытства — над чем вы работаете прямо сейчас?

ХБ: Как я говорил, я вовлечен в «движение сецессии». Это моя политическая игра года. Помимо этого, я в основном пишу поэзию; отчасти потому что хочется, а отчасти, потому что она политическая. Я пришел к ощущению того, что когда нет Революции, невозможно творить на службе Революции. Что и требовалось доказать. Соответственно, если существует только Капитал, всё искусство или служит Капиталу, или терпит неудачу, бесследно исчезает. Есть только два варианта. Так что я решил писать стихи, потому что в этом случае неудача гарантирована. Ну, это некое политическое решение. Но мне хотелось этого; я переехал в провинцию и почувствовал себя поэтичнее.

Я прекратил писать стихи 20-25 лет назад как раз потому что они были неудачей, они не стали средством коммуникации, и я начал писать прозу. Результат был очень соблазнителен. Мне удалось начать коммуникацию, люди читали мою книгу. Книга была переведена на 14 языков. И тогда я сказал «И что?» Это не поменяло мою жизнь к лучшему. Меня приглашали на кучу конференций в Европе; иногда было приятно, но со временем стало утомительно.

Я думал, что делал что-то ради Дела, а потом понял, что это, на самом деле, было не ради дела, а скорее, чтобы народ развлечь. Существуют развлечения, предлагаемые альтернативными медиа, а на более широком уровне — публичными медиа, такими как PBS («Public Broadcasting Service», некоммерческая телесеть в США, в основном финансируется «Корпорацией общественного вещания» — прим. перев.), где можно размещать практически любой желаемый контент. То есть, если это искусство, содержание может быть любым. Капитализм предлагает свои продукты потребления всем, включая людей, которые устали от капитализма.

СМ: Да, «Покупай наши последние радикальные продукты в нашем супермаркете, закажи онлайн СЕЙЧАС!»

ХБ: Да! У них есть все виды предложений для вас. «Вы ненавидите капитализм? Пожалуйста, у нас есть для вас «набор антикапиталиста»! У нас всё есть!» Меня поразило то, что мой видимый успех, который, конечно же, никогда не был финансовым успехом, стал... Я не хочу сказать, что он был бессмысленным — но я внезапно лишился иллюзий

относительно некоторых аспектов своего дела.

СМ: Почувствовали себя частью набора...

ХБ: Да, в некотором роде; насколько я успешен, настолько я в опасности. Помню, кто-то говорил мне, что лет 8 назад «Pepsi-Cola Company» организовали рейв в Европе и назвали его «Т.А.З.» (то есть «Временная Автономная Зона», базовая концепция Хаким Бея — прим. перев). Я подумал: «Ой-ой-ой, ну теперь мне придется полностью изменить свои идеи, а может даже имя, ОПЯТЬ».

А стихи — это то, что никогда не продать. Никто не будет этого читать, и это для меня просто прекрасно.

СМ: Вы по-прежнему пишете под именем «Хаким Бей»?

...

Хаким Бей: Я не понимаю, может ты сможешь объяснить — как люди в России живут на 26 долларов в месяц? Похоже, там таких много. Как у них выходит? Как они это делают? Это какие-то остатки коммунизма?

Саша Мильцов: Ну, нельзя сказать, что это прямо 26 долларов. Но за границей Москвы это легко могут быть 100-150 долларов в месяц. Как выживают? Прежде всего, у людей остались квартиры с советских времен, полученные бесплатно или почти бесплатно. Так что они не платят аренду, только платят за коммунальные услуги. Ещё им помогает такая вещь, как «дача». Люди выращивают собственные фрукты и овощи. Разумеется, родственники помогают друг-другу.

В Москве и, до некоторой степени, в Санкт-Петербурге, всё по-другому, существует несколько тысяч фантастически богатых людей, зашибающих деньги на нефти, газе, продажах, спекуляциях и окружающей их нищете. Ещё есть целое сообщество людей, которые их обслуживают: юристы, банкиры, менеджеры, журналисты, уборщики, охранники и так далее, которые получают относительно неплохую зарплату. Дальше идёт прислуга прислуги и море лизоблюдов, разумеется. Вот почему в отношении москвичей существует столько ненависти и зависти. Это крайне отвратительно.

Однако телевизор вам всегда всё разъяснит и развлечёт. Люди буквально приклеились к «синим экранам» с бесконечными мыльными операми про полицию и последними новостями из мира олигархов, или криминальными сериалами, в которых показано, как храбрые добрые полицейские ловят преступников, и не показано, как они на самом деле защищают настоящих преступников — тех преступников, которые пишут законы.

ХБ: Очень напоминает американское телевидение.

СМ: Да, но с особым «русским духом». Люди полностью подчинены телевизору, как крысы подчиняются дудочке Крысолова. Мужик, который уже продаёт с себя последнюю рубашку чтобы прокормиться, не пропустит «последние известия» о «стабильности» и «росте».

ХБ: Я думал об этом сегодня. За время моей жизни появилась такая глобальная штука, как телевидение — потому что автомобили, когда я родился, уже существовали, а вот телевидения в моём родном доме не было. А с тех пор весь мир стал телевизуализирован. Было время, когда Южная Африка была единственной страной, где не было телевидения — по очевидным причинам — не хорошим причинам, а плохим. Теперь телевидение есть везде — и всё, это конец. Конец человеческого общества. Насколько я понимаю, нельзя совместить телевидение и человеческое общество. А автомобиль, разумеется, дополняет телевизор, предоставляя человеческому сообществу возможность физически рассеяться в ничто. Так сначала происходит умственное рассеяние, а потом физическое рассеяние. Автомобиль и телевидение — это два больших проекта XX века и моей жизни. Это история моей жизни. Это куда значительнее всех войн и преступлений, произошедших в прекрасном XX веке. Если через 200-300 лет будут существовать историки, именно об этих технологиях они будут спорить.

СМ: Нужно быть большим анти-пессимистом, чтобы верить, что мы протянем ещё так долго.

ХБ: Дж. Г. Баллард написал целую серию книг о том, как закончится мир. В каждой был свой вариант конца: наводнение, иссушение, странный эффект кристаллизации, вызванный какой-то ошибкой учёных... В некоторых из своих работ он предполагает, что Конец Света — это вечное продолжение того состояния, к которому мы пришли сейчас. Он представляет, как вся Вселенная становится торговым центром. В каком-то смысле, это худший вид апокалипсиса. И он, как я говорил в начале беседы, вполне возможен.

Так что если через 300 лет будут историки, они будут обсуждать автомобили и телевидение.

СМ: Что вы думаете о нынешнем положении России?

ХБ: Мне кажется, что Россия сейчас находится в положении проигравшего, неспособного оправиться от поражения 1989-го года, и непонятно, что будет дальше. Сам я никогда не бывал в России, но исходя из тех книг, что я читал, людей, которых встречал и поездок в Восточную Европу — всё выглядит не здорово, поскольку Россия никогда не вступит в НАТО или ЕС. Она станет странным местом посреди нигде. А как вы полагаете?

СМ: Ну, так и будет, и, на самом деле, это уже место, где добываются ресурсы, вывозимые на Запад. В обмен на «зеркальца и бусы», которыми стали западные брэнды и образы. Основной целью всегда было «разделяй и эксплуатируй».

ХБ: Для того, чтобы превратить её в «Третий Мир» — хотя сейчас так говорить уже неверно, этот термин уже нельзя использовать, поскольку Советский Союз был «Вторым Миром», а теперь его нет. Теперь у нас есть только один мир, что и было целью глобализма, и это выглядит диалектическим становлением, если вы извините такое выражение: включённые области против исключённых областей. Мне кажется, что Россия окончит свой путь в исключённой зоне, на пыльной свалке истории.

Не знаю, что может стать противовесом для этого — возможно, какая-нибудь федерация бывших республик СССР, которые будут идти к более социалистическим методам управления. Кое-кто об этом поговаривает, однако исходя из того, что я знаю, это

невозможно.

СМ: Как мне кажется, за короткое время произойдёт «балканизация» России. Она будет разделена на несколько частей. Людей будут настраивать против других людей на основе национальности и религии, или на основе каких-то местных культурных различий. Российские либералы или нео-либералы и националисты будут активно совместно работать для того, чтобы это произошло. Просто так проще контролировать и эксплуатировать население и территорию.

ХБ: Возможно, если предположить что Американская Империя и Китайская Империя распадутся, для России и бывших членов Союза ситуация стала бы гораздо легче, поскольку тогда бы не было двух гигантских супердержав — экономических держав — ведущих с ними неравный бой. Другими словами, если бы весь мир распался на маленькие страны, это стало бы новым шансом для всех. Мы, быть может, могли бы избежать больших войн, просто потому, что эти субъекты были бы слишком малы, чтобы решиться на подобный вид насилия. Не знаю. Теперь я говорю как оптимист.

Для меня Россия — это место, где я никогда не был, которое мне всегда казалось совершенно поразительным. Она знакома мне в основном по литературе, из-за своей уникальной позиции между Востоком и Западом, о которой знают сами русские, которые не устают вспоминать об этом снова и снова. И это правда! Они такие — что-то между Азией и Европой или Западом. И это внутреннее напряжение за столь короткое время породило столько блестящего искусства и литературы. Скажем, с Пушкина и до наших дней. Это кажется мне чем-то уникальным и восхитительным.

Думаю, если бы я был русским, меня бы очень беспокоил коллапс диссидентского искусства после 89-го. Это было движение, основанное на противостоянии чему-то, и оно исчезло с громким хлопком, и всё искусство осталось подвешенным в воздухе. Это как выдернуть у человека ковёр из под ног. Произошла большая психическая дефляция. Меня бы интересовало, как начать движение дальше, чтобы бы там ни было. Забудьте всё это диссидентство! Прекратить ностальгию о диссидентских временах, поскольку это контрпродуктивно. Теперь они порождают только мёртвое искусство. Перешагните через этот труп. Что-то должно быть следующим и надо выяснить — что. Так, думаю, я бы говорил, если бы был русским.

Кстати, есть интересные русские писатели, которых я не знаю? В смысле, современные.

СМ: Конечно. Юрий Мамлеев отличный писатель, особенно его рассказы 70-х годов, также я упомянул бы Масодова, раннего Сорокина, а ещё есть много гениальных поэтов, которых не переводят на английский, например Настя Трубачёва или Владимир Богомяков, среди прочих. Кстати, прекрасную поэзию пишет Дугин.

ХБ: С интеллектуальной точки зрения то, что он делает, очень интересно. Я не знал, что он и стихи пишет.

СМ: Да, он очень интересен.

Возвращаясь к вопросу об Интернете. Что вы думаете о движении анти-копирайта, которое в настоящее время очень активно в Интернете?

ХБ: В некотором смысле я бы назвал Интернет «совершенным зеркалом глобального капитала». В Интернете происходит такое же уничтожение границ информации, которое предполагается в глобализме или глобальной экономике. Всё становится вирусом. Капитал сам по своей природе является вирусом. И Интернет является его совершенным проявлением. Даже то, что на нём не заработать, входит в эту концепцию. Это не то же самое, что Капитал, это его отражение: всё иначе, всё задом наперёд, но это по-прежнему отражённый образ. В результате: неважно, насколько, по вашему мнению, вы используете его как оружие против капитализма, вы всё равно используете ту самую структуру, структуру Капитала! Ясно и просто.

В конечном счёте, это именно то, что тревожит меня в Интернете. Это не проблема тупого контента или другие его аспекты, а именно тот факт, что в конечном счёте это Капитал в его чистом виде.

И из-за этого отражения возникают странные аномалии, такие как проблема копирайта. Некоторые капиталисты извлекают прибыль из авторских прав, так что они против того, чтобы их кто-то нарушал. Другие капиталисты извлекают прибыль, когда авторских прав нет и всё находится в свободном доступе. Однако это уже предусмотрено, поскольку — «каждый покупатель должен быть удовлетворён». Покупатель удовлетворяет себя в сети. Капиталисту даже не надо платить за это. Они продают технику, люди её используют и полагают, что делают нечто независимое, а то и критическое по отношению к капиталистической экономике. Нет. Это всё части одного и того же.

Это как если заявить, что в телефоне есть что-то освобождающее. Что ж, по-своему есть; но по-своему нет. И одно компенсирует другое. Телефоны удобны тем, что я могу позвонить тебе в Москву и мы можем поговорить, однако проблема в том, что ты остаешься в Москве, а я тут. Это не со-общение, а просто коммуникация. Коммуникация — не то же самое, что сообщество.

Так что это для меня и есть проблема современного состояния Интернета, и это не просто теоретические разговоры, потому что здесь, в Америке, я вижу, что ВСЯ деятельность тех, кого мы называем «Левыми» переместилась в виртуальное пространство. Все, за исключением нескольких коммун тут и там, нескольких бомбистов и людей, которые уничтожают посевы ГМО. Я вполне уважаю этих людей, несмотря на то, что думаю, что они выбрали тупую тактику, однако всё равно уважаю их, потому что они что-то делают.

Все остальные просто проводят всё время в сети. Это сводит с ума! Это сводит меня с ума! Особенно поскольку я в этом не участвую. Если бы я участвовал в этом, я бы скоро провалился бы в то же загипнотизированное состояние.

СМ: Это иллюзия того, что что-то на самом деле происходит: ты выдаешь некие мысли, а люди на них реагируют.

ХБ: Верно. Ещё в 70-е была книга под названием “Четыре аргумента за уничтожение телевидения”, за авторством Джерри Мандера. Один из его аргументов был очень тонким. Другие были вполне понятны, но один было понять довольно трудно. И многие его не понимают до сих пор. Он писал, например — давай представим, что ты смотришь специальное шоу на PBS о каком-нибудь долбаном индейском племени, которое вымирает. И ты такой: «Ой, да это ужасно!» И сердце твоё разрывается от грусти. И ты переключаешь на какой-нибудь сериал. И, на базовом уровне, происходит такая вещь — телевидение даёт тебе иллюзию того, что ты что-то делаешь, поскольку ты потратил час, ты провёл час за просмотром этой, довольно тупой, телепередачи, в то время как мог бы смотреть, например, новый ужастик или что-то другое, более развлекательное.

Ты что-то сделал! Ты принес в жертву час своей жизни. Ты теперь что-то знаешь. Завтра ты пойдешь на работу и скажешь «А вы знаете о индейцах и бла-бла-бла» и все такие: «Ой, бедные индейцы!» Так и происходит! И на этом всё кончается.

А телевидение делает так, чтобы дальше вы никогда и не зашли.

СМ: Ага, а если это уже показали по телевизору, зачем узнавать ещё что-то? Ведь, в конце концов, журналисты провели исследование и получили за это деньги от телекомпании. Вот и всё. А дальше — людям сегодня нужно о чём-то поболтать, так что поболтаем об индейцах.

ХБ: И это полностью подменяет человеческие отношения. Есть люди, которым кажется, что у них есть друзья, но на самом деле это — люди, с которыми они работают и разговаривают о том, что увидели по телевизору.

Женщина рассказала мне, что много лет назад она поссорилась со своей матерью и теперь они помирились. Чтобы приехать к матери, она проехала несколько тысяч миль. И когда она зашла в дом, мать сказала ей: «Ой, тут сейчас будет передача по телевизору, которую я хочу посмотреть». Она сказала: «Мам, я думала, мы решили помириться после 7 или 10 лет, а ты собираешься сидеть смотреть телепередачу?» Мать сказала: «Ты не понимаешь. Я тружусь ради пропитания и единственные мои друзья — люди, с которыми я работаю, а это шоу мы обсуждаем по вторникам, и сейчас я должна его посмотреть, иначе мне будет не о чем поговорить со своими друзьями. Так что тебе придётся подождать».

Ну, матери можно, в общем-то, посочувствовать. Это все социальные отношения, которые у неё остались.

СМ: Что вы думаете об «оранжевой революции» в Украине? И всех этих сверхпопулярных движениях, которые в наше время приводят к власти маньяков от свободного рынка?

ХБ: Разумеется, я крайне-крайне подозрительно отношусь ко всему, что нравится американскому правительству. То же происходит и на Ближнем Востоке: так называемые «силы демократии» — это про-американские, про-капиталистические люди, которые хотят себе MTV. Вот что происходит. Так что мне трудно тут занять какую-нибудь сторону.

Мне не нравятся старые коммунисты и так же не нравятся исламские фундаменталисты, и их враги часто так же отвратительны.

Когда я был в Эстонии, я как-то беседовал с милой молодой эстонкой; шел примерно 2000-й год. Я её спросил: «Кто все эти ребята с мобильниками?» — бродят туда-сюда по улицам. Она ответила: «О, я отлично знаю, кто это — я с ними в школе училась. В старших классах мы пели песни про Рейгана и Тэтчер, чтобы позлить учителей, а эти парни восприняли это всерьёз».

Я спросил: «А вы? Что думаете вы?» Она: «Я думала, что это всё здорово. Но однажды, несколько лет назад, я подумала, что здорово бы было послушать классику, и заглянула в газеты, нет ли где концерта классической музыки. Их не было! И я внезапно поняла, что это коммунисты оплачивали классическую музыку, а теперь у нас её нет. Это было очень печально!»

Поэтому многие из этой так называемой «оппозиции» просто про-американисты — нечто вроде странного про-американского товара и анти-американской политики. Да гляньте, даже все эти исламские фундаменталисты, они **ОБОЖАЮТ** Капитализм.

СМ: О, они любят деньги!

ХБ: Ха. Они любят деньги! Они любят технологию!

СМ: С точки зрения идеологии — они ничто.

ХБ: Они полный нуль.

СМ: Я имею в виду то, что они воспроизводят ту же систему, что у нас есть сейчас...

Утопический блюз

2018, источник: [здесь](#)

Почему в «высоких» культурах духовность музыканта столь часто выступает как низменная, грязная духовность?

В Индии, например, музыкант принадлежит к касте настолько низкой, что она находится на грани неприкасаемости. В сознании масс этот низкий статус связан с тем, что музыканты неизменно употребляют запретные опьяняющие вещества. После «вторжения» ислама в Индию многие музыканты стали переходить в эту веру, чтобы избавиться от кастовой системы. (Братья Дагар из Калькутты, известные исполнители индуистской религиозной музыки, с гордостью рассказывали мне, что их семья обратилась в ислам не во времена Великих Моголов, — когда это сулило житейские блага, — а гораздо позже, и при этом в шиизм, а не в суннизм; всё это должно было свидетельствовать о том, что обращение было искренним).

В Ирландии музыкант пользовался топ же самой, характерной и для остальных индоевропейских культур, репутацией низменного существа. Барды, или поэты, стояли на одном уровне с аристократией или даже королями, но музыканты были всего лишь слугами бардов. Кажется, что в предложенной Дюмезилем трехчастной структуре индоевропейского общества — в том виде, как она отразилась в Ирландии, — музыка занимает весьма двусмысленную четвертую зону, олицетворяемую четвертой провинцией — Манстером, «югом». Музыка, таким образом, связывается с «темным» друидизмом, сексуальной распущенностью, обжорством, бродяжничеством и другими «запредельными» феноменами.

Обычно полагают, что ислам «запрещает» музыку. Это, конечно, не так — взять хотя бы множество индийских музыкантов, обратившихся в эту религию. Однако ислам высказывает серьезные претензии к искусству вообще. Ведь любое искусство потенциально приобщает нас к многообразию (расширению во времени и в пространстве), а не к единству (таухид), через которое ислам определяет весь предлагаемый им духовный проект. Пророк критиковал мирскую поэзию, он критиковал реализм в искусстве, и он же низводил музыку до уровня обслуживания мероприятий вводе свадеб (и мусульманских обществах менестрели, обеспечивающие такую праздничную музыку — это зачастую евреи или другие люди, находящиеся «за чертой» ислама).

В ответ на эту критику исламская культура выработки «очищенные» формы искусства — суфийскую поэзию (которая сублимирует мирские удовольствия в мистический экстаз), нерепрезентативное искусство (на которое западное искусствоведение пренебрежительно — и неверно — смотрит как на «декоративное») и суфийскую музыку, которая использует многообразие для того, чтобы вернуть слушателя к Единству, чтобы вызвать в нем «мистические состояния». Однако это восстановление искусства в его правах так никогда

по-настоящему и не привело к повышению статуса музыканта. В Тегеране семидесятых годов один из самых разложившихся суфийских орденов (Сафи-Али-Шахи) привлек в свои ряды большинство профессиональных музыкантов, а его собрания были посвящены курению опиума.

Другие музыканты были известны как изрядные выпивохи или вообще растленные и богемные типы -за немногими исключениями, которые составляли благочестивые суфии из других, более дисциплинированных орденов, таких как Ниматуллахи или Ахл-и-Хакк. В Леванте турецкая суфийская музыка проникла из обителей-текке в таверны и там, смешавшись с греческими и другими средиземноморскими влияниями, дала начало великолепному жанру рембетика, с его остроумными гимнами шлюхам, гашишу, вину и кокаину.

Барабанщики и другие музыканты, которые играют первостепенную роль в ритуалах афро-американских религий, таких как сантерия, вуду и кандомбле — это зачастую непосвященные, профессионалы, которых нанимает соответствующая община, что, несомненно, является отражением квазибродяжнического, «менестрельского» статуса музыкантов в высокоразвитых пастушеско-земледельческих обществах Западной Африки.

Традиционное христианство придает высокую ценность музыке, но низкую — музыкантам. Некоторые разновидности протестантизма вообще пытались избавиться от профессиональных музыкантов, однако лютеранство и англиканство прибегали к их услугам. При этом считалось, что церковные музыканты принадлежат к нечестивой разновидности тварей, и это представление сохраняется в виде репутации любителей всяческих непотребств, которую певчие, регенты хоров и органисты имеют до сих пор. Архетипической фигурой здесь можно считать Томаса Уилкса (1576-1623): блестящее, но непредсказуемое дарование, чьи великолепные аритмические переложения на музыку «ритмической прозы» справедливо восхвалял Эзра Паунд. Уилкс был изгнан со своего места в Чичестерском соборе за пьянство, а также как «отъявленный кощун и богохульник», причем последней каплей, если верить народной молве, было то, что он помочился через загородку органа па голову настоятеля.

Сочетание христианства и афро-американской духовности произвело на свет так называемые «церкви Духа», где музыка задает структуру богослужения, а церковная паства достигает «профессионального» уровня исполнительского мастерства. Двусмысленность такого соотношения проявляется в теснейших связях между сакральным «госпелом» и профанным «блюзом», отверженной музыкой кабаков, а также «джазом», музыкой борделя (само слово вызывает ассоциации с чистой сексуальностью[1]). Эти музыкальные формы очень близки друг к другу — различие проходит через фигуру музыканта, который, как всегда, находится на самой опушке леса, в промежуточном пространстве, где господствует жуткое и сверхъестественное, которое отдано шаманскому опьянению.

Во всех этих случаях сама музыка выступает как раз представителем наиболее возвышенной духовности, имеющейся в соответствующей культуре. Музыка сама по себе, будучи явлением «бестелесным» и металингвистическим (или метасемантическим), всегда (метафорически или реально) является наивысшим выражением чистого воображения,

посредством которого говорит дух. Низменность же музыканта связана с тем, что в музыке ощущается опасность, с неоднозначностью музыки, с её неуловимостью, с тем, что, проявляя себя как высокое, она проявляет себя и как низкое — как удовольствие.

Музыка как удовольствие связана не с сознанием (или с очищенными элементами духа), но с телом. Музыка возникает из (бессловесного) тела и принимается телом (как вибрация, как сексуальность).

Сам логос вынужден обретать музыкальное выражение (в песнопении — например, в рецитации Корана, грегорианском хорале и пр.) именно по этой соматической причине — из-за влияния тела на дух (через посредство души или психэ — воображения). Песнопение, рецитация — это музыка, которая сублимирует тело.

Парадокс: то, что «свято», является «запретным» (как в арабском слове «харам», которое, в зависимости от контекста, может означать и «святой», и «запрещенный»[2]. Как отмечает Батай, и святость, и трансгрессия равно возникают из разрыва «порядка близости», когда «человеческое» отделяется от «природы». «Первоначальное» выражение этого резкого, насильственного разрыва, безусловно, является музыкальным — как в случае пигмеев мбуту, которые, выступая как общность, порождают музыку «леса», выражающую их близость к (по и отдаленность от) дикости/дикой природы. Вслед за этим «первым» выражением разрыва, начинает возникать еще одно разделение: музыкант сохраняет особую причастность к «насильственности» разрыва с порядком близости, и потому воспринимается как необычный или зловещий персонаж (подобно ведьме или кузнецу).

Музыкант выделяется в качестве специалиста внутри все еще неиерархического общества охотников-собирателей, и печать табу начинает ложиться на него в той мере, в какой это отделение, или трансформация, оскорбляет чувства недифференцированной культуры, или «коллективного я», племени. Недифференцированная культура (вроде культуры мбуту) не знает «музыканта» в таком смысле; она знает только музыку. По мере того, как в обществе начинают появляться разделение, а потом и иерархия, положение музыканта становится проблематичным. Подобно «первобытному» обществу, эти иерархические, «традиционные» общества также хотят сохранить в сердце своей культуры нечто целостное и ненарушенное. Если общество — это «многие», то, в противовес этому, культура будет сохранять некое единство, или сплоченность, которая будет знаком изначального сакрального порядка близости, продолжающегося в системе глубочайших духовных смыслов социума, и таким образом сохраняемого. Ну, вот и все о музыке — но что же можно сказать о музыканте?

Иерархическое общество позволяет себе оставаться относительно неразделенным благодаря тому, что сакрализирует отдельные специализации. Музыка, поскольку она бестелесна, может служить знаком высшей касты («духовности» этой касты) — но, поскольку музыка возникает из тела (она сублимируется — «поднимается»), то музыканта (того, кто порождает музыку, кто является ее причиной) должно символизировать именно тело, и, стало быть, он должен быть «низким». Музыка духовна — музыкант телесен. Духовность музыканта является низкой, но и амбивалентной тоже, потому, что она порождает высокое. (Наркотики служат заменой возвышенного ритуального экстаза жреца, возвышая/ опьяняя музыканта до такой степени, чтобы он мог производить эстетически

высокое.)

Музыкант не просто низок, он еще и жуток, таинствен - находится не просто внизу, но еще и «снаружи». Власть музыканта в обществе подобна власти мага — отверженного шамана, — тем, что она имеет отношение к дикости. И, тем не менее, как раз иерархические общества и создают абсолютно

«гладкие» культуры — включающие и себя музыку. Это остаётся справедливым и после разрыва — произошедшего в западной традиции, — между «единством» мелодии и «двойственностью» гармонии. Отметим также взаимовлияния между высокой и низкой музыкой — различные мессы, вроде «Западного Ветра», основанного на популярной мелодии, влияние мелизматике[3] на жанр мадригала; влияния «поп-культуры» того времени на Руми и других суфиев. Амбивалентность музыки позволяет ей дрейфовать между высоким и низким и все же оставаться цельной. Это и называют «традицией». Она включает в свою сферу подрывные явления благодаря тому, что исключает из нее музыканта (и вообще художника), одновременно предоставляя ему власть.

Так, например, низкорождённый музыкант Тансен достиг статуса, равного аристократическому, при дворе опьяненных искусством Великих Моголов; а Дзэами[4] (великий драматург японского театра Но, который представляет собой разновидность оперы[5], хотя и принадлежал к неприкасаемой касте актеров и музыкантов, поднялся до больших высот аристократизма и рафинированности, потому что сегун влюбился в него, когда тому было тринадцать лет; к ужасу двора, сегун ел с Дзэами из одной посуды и предоставил театру Но придворный статус[6]).

Для музыканта власть вдохновения может трансформироваться во власть политическую или военную. Возьмем пример турецких янычар, гвардию Оттоманской империи, которые все принадлежали к неортодоксальному (пьющему вино) суфийскому ордену Бекташи и которые изобрели марширующие военные оркестры. Судя по европейским свидетельствам о янычарских оркестрах, которые неизменно говорят о паническом ужасе, который те сеяли, этим музыкантам удалось открыть некую технологию ведения психологической войны, которая, безусловно, придавала престижа янычарам — группе с крайне двусмысленным статусом, состоявшей из султанских рабов.

Традиционная музыка всегда остается удовлетворительной (даже когда не является «вдохновенной») потому, что остается нераздельной: и высокая традиция. и низкая — это одна и та же «вещь». Что индийские духовые оркестры, что Моцарт — одна Вселенная. В фигуре самого Моцарта (находящей отражение в его персонажах-«слугах», вроде Лепорелло) мы снова видим тот же образ аутсайдера, бродяги-вундеркинда, игрушки аристократов, тесно связанного с низкой культурой пивных и деревенских танцев в деревянных башмаках, пристрастившегося к богемным излишествам.

Музыкант представляет собой что-то вроде «гротеска»: непослушный слуга, пьяница, склонный к бродяжничеству, необычайно талантливый. Наивысший момент жизни для музыканта — это празднество, когда мир переворачивается вверх тормашками, сатурналия, когда слуги и хозяева меняются местами на один день. Празднество — ничто без музыканта,

играющего роль распорядителя, когда на мгновение переворачиваются — и тем самым примиряются друг с другом — все дифференцированные функции и силы традиционного общества. Музыка есть абсолютный символ праздничного, а потому и столь высоко ценившегося Бахтиным «материально-телесного низа». В опьянении весёлой компании на карнавале музыка предстает перед нами как что-то вроде уопической структуры или формирующей силы — музыка сама становится «порядком близости».

На следующее утро, однако, нарушенный порядок снова вступает в свои права. Уже одна диалектика (не говоря уж об "Истории") показывает, что недифференцированная культура не есть беспримесное «благо» — ведь она опирается на разделенное общество. Там, где не развилась иерархия, там нет и музыки как чего-то отдельного от остального опыта. Как только музыка становится категорией (в процессе категоризации всего общества), она немедленно начинает становиться отчужденной — а отсюда появляются специалист, музыкант и табу на музыканта.

Поскольку невозможно сказать, является ли музыкант сакральным или профанным (именно в этих терминах воспринимается сущность социального раскола), это табу служит для того, чтобы заполнить трещину (и сохранить «неразрывность» традиции), признав музыканта и сакральным, и профанным одновременно. На самом деле, иерархическое общество выносит наказания всем кастам/классам, карая их за общую вину нарушения порядка близости. Жрецы и цари окружены табу — целомудрие, жертвоприношение (растительного) царя и т. д. Наказание, выпадающее на долю артиста — это быть чем-то вроде внекастового изгоя, парадоксальным образом причастного к самым высоким функциям и обществу. [Отметим, что поэт в этом смысле не является «артистом» и может сохранять свой кастовый статус, потому что поэзия есть логос, родственник откровению. В традиционных обществах (например, в Ирландии) поэзия относится к сфере «аристократического». Интересно, что современный мир перевернул эту полярность вверх ногами с точки зрения денежного вознаграждения, так что «низкокастовые» художник и музыкант теперь стали богачами, и потому стоят «выше» бедняка-поэта.]

«Несправедливость» категоризации музыки заключается в ее отделении от «племени», от всего народа, включающего всех индивидуумов без исключения. Ведь насколько является отверженным музыкант, настолько является отверженной, недоступной и сама музыка. Однако эта несправедливость не становится очевидной до тех пор, пока разные виды дифференциации и отчуждения внутри социума не обострились и не стали масштабными настолько, что в культуре ощущается раскол. Высокие и низкие теперь не имеют контакта друг с другом — взаимообмен отсутствует. Знать никогда не слышит музыки плебса и наоборот. Прекращается взаимообмен между высокой и низкой традициями — а тем самым и «перекрестное опыление» и культурное обновление внутри «непрерывной» традиции.

В западном мире это обострение дифференциации примерно совпадает с индустриализацией и появлением товарного капитализма[7] — но мы можем расслышать «предвестия» этого процесса в сфере культуры. Бах предложил «рациональную», математически обоснованную форму — хорошо темперированный строй взамен более ранних, «натуральных» систем настройки инструментов. В каком-то очень топком смысле внутри непрерывной традиции произошел разрыв — и за ним последуют другие. Этот

«разрыв с традицией» выпустил на волю могучее «вдохновение», титанический гений, в какой-то мере не чуждый болезненности.

«Впервые», если так можно выразиться, ставится вопрос: сказать «да» или «нет» самой жизни? Терзаемая мучениями духовность Баха («паранойя» пиетиста, который поставил всё на одну лишь Веру) иногда находила разрешение, «романтически» изливая на слушателя потоки мрака. Эти импульсы являются «революционными» по отношению к традиции, страдающей от почти невыносимых противоречий. Сам факт, что здесь говорится «нет», открывает возможность для совершенно нового «да». Несмотря на ее огромную внутреннюю напряженность, музыка Баха «целительна», потому что ему пришлось сначала исцелить себя, чтобы вообще быть в состоянии создать ее. Она целительна — но ее нельзя назвать свободной от ран. Бах как израненный целитель.

Неудивительно, что публика предпочитала Телемана. Телеман тоже был гением — взять хотя бы его «Музыку на воде» — но его гений оставался (и вполне комфортно себя чувствовал) в рамках непрерывной традиции. Если Бах — первый из «современных», то Телеман — последний из «древних». Если Бах целителен, то Телеман исцелен, уже здоров. Его «да» есть невыраженное «да» священных привычек: о, конечно, разумеется, никто и не думал иначе. Телеман все еще — и в высочайшей степени — является нашим слугой. После Телемана подобного рода «здоровье» можно встретить лишь у нескольких композиторов — у Мендельсона, например. Это здоровье можно назвать «пиндарическим» и его можно защищать даже против «разума».

Богемная жизнь современного художника, столь «отчужденного от общества», есть не что иное, как старая добрая низменная духовность каст музыкантов и ремесленников, помещенная в новый контекст товарной экономики. Бодлер (как доказывал Беньямин) не выполнял в обществе XIX века никакой экономической функции — и присущая ему низменная духовность обернулась внутрь его личности, повела его по пути саморазрушения, потому что потеряла свою функциональность в сфере социального. Вийон был не менее богемной личностью, но он-то по крайней мере все еще играл роль в экономике — в качестве вора! Привилегия художника — пьянствовать, быть беззаботным — теперь обернулась для художника проклятием. Художник больше не слуга — он отказывается служить — разве что в роли непризнанного законодателя. В роли революционера. Отныне артист претендует либо, как Бетховен, на авангардную позицию, либо, как Бодлер, на тотальное изгнание. Музыкант больше не мирится с низким кастовым статусом, он хочет быть либо брахманом, либо неприкасаемым.

Вагнер — и Ницше, когда он вел агитацию за Вагнера, — замыслили музыкальную революцию против «разрушенного порядка» и во имя новой и более высокой (сознательной) формы порядка близости: интегральная диопсийская культура, рассматриваемая как революционная цель романтизма. Изгой в роли царя. Опера, — это утопия в сфере музыки (что понимал и Шарль Фурье). В опере музыка присваивает себе логос и таким образом бросает вызов монополии на смысл, которой обладает откровение.

Если опера провалилась как революционный проект — что, в конце концов, понял Ницше, — то это потому, что аудитория не захотела исчезать. Опера, о которой думали Вагнер или

Фурье, может преуспеть в качестве социального, только если она сама станет социальным — ликвидировав категорию искусства, музыки как чего-то отдельного от жизни. Аудитория должна стать оперой. Вместо этого сама опера превратилась в... еще один товар. Публичный ритуал, прославляющий постсакральные социальные ценности потребления и сентиментальности — сакрализация мирского. Еще один шаг на пути к Спектаклю.

Глубина провала романтической музыкальной революции точно измеряется процессом превращения музыки в товар: ее мумификация в жестко заданном репертуаре, Каноне; выхолащивание ее бунтарского духа в риторике либерализма, «культуры и хорошего вкуса». Все новые и новые волны «авангарда» пытались выйти за пределы цивилизации — процесс, который только сейчас подходит к концу в апофеозе коммерциализации, в ее «окончательном экстазе».

Как утверждали Блох[8] и Беньямин, любое искусство, которое нельзя отнести к категории простого китча, содержит в себе то, что можно назвать утопическим следом — и это безусловно применимо и к музыке (и дам «более» применимо именно к ней, учитывая ее метасемантическую непосредственность). В конце концов, именно наличие этого следа должно послужить нам контраргументом, который можно противопоставить (в других отношениях весьма пронизательной) аргументации против музыки, приводимой Дж. Зерзаном в работе «Тональность и тотальность» и сводящейся к тому, что все отчужденные формы музыки служат в конечном счете средствами контроля.

Кажется, однако, что утверждать, будто музыка сама по себе является, подобно языку, формой отчуждения, означало бы требование «невозможного» возвращения к палеолиту, который является почти что до-«человеческим». С другой стороны, возможно, что каменный век не находится где-то там, далекий и почти недоступный, но скорее (в некотором смысле) присутствует здесь и сейчас. Возможно, нам придется не возвращаться к каменному веку, а пережить возвращение каменного века (что, на самом деле, символизируется самим открытием палеолита, которое было сделано лишь недавно). Несколько десятилетий назад цивилизованные уши буквально не могли слышать «примитивную» музыку, воспринимая ее лишь как шум; европейцы не могли даже слышать негармоническую традиционную классическую музыку Индии или Китая, воспринимая ее лишь как бессмысленную ерунду. То же относилось, например, и к искусству палеолита: до самого конца XIX века никто не замечал наскальных росписей, хотя к тому времени мни уже были «открыты» и не один раз.

Цивилизация определялась как рациональное сознание, рациональность определялась как сознание цивилизованное — а за пределами этой тотальности могли существовать лишь хаос и тотальная «неинтеллигибельность». Однако сейчас все внезапно изменилось — именно теперь, когда «примитивное» и «традиционное» стоит, кажется, на грани исчезновения, мы можем слышать их. Как? Почему?

Если мы можем расслышать утопический след в любой музыке именно сейчас, то это может значить только то, что «разрушенному порядку» именно сейчас каким-то образом приходит конец. Стародавний вавилонский обман наконец истрепался до того, что мы видим его насквозь, если он вообще не стал прозрачным. Царству товара угрожает массовое пробуждение от внушенного СМИ транса невнимательности. Появляется вкус к

аутентичному. На его пути стоит миллион трюков и измен правому делу, миллион пустых обещаний — но он все никак не испаряется. Вместо этого он конденсируется — даже свертывается, подобно крови. Неошаманские формы (само)сознания устремляются в покинутые или разворачивающиеся подобно фракталам пространства на карте консенсуса и контроля. Психоделические вещества и восточный мистицизм обостряют слух, прививая массам людей вкус к неразорванному, к порядку близости и его карнавалному воплощению.

А по правде говоря, такая ли уж это проблема — превращение музыки в товар? Зачем нам занимать «элитистскую» позицию именно сейчас, когда новые технологии делают возможным «массовое» участие в музыке благодаря практически безграничной свободе выбора, а также «электронной демократии», обеспечиваемой синтезированием звука? Зачем жаловаться на деградацию ауры, окружающей «произведение искусства», в эпоху его технической воспроизводимости, как если бы по-прежнему было можно или нужно отстаивать искусство в качестве категории, имеющей высокую ценность?

Но здесь мы не защищаем ни «западную цивилизацию», ни святость процесса эстетического производства. Мы утверждаем, что участие в производстве и обмене товарами не может обернуться ничем иным, кроме «отоваривания» этого участия, кроме имитации эстетической демократии. Всего лишь более высокий синтез, новая форма Старого Вавилонского Обмана, который обещает «То, Что Надо, Прямо Сейчас!», но дает лишь еще одно предательство надежд. Проблема музыки остается той же самой: отчуждение, отделенность потребителей от производителей. Несмотря на позитивные возможности, вызванные к жизни самим фактом огромного умножения ресурсов, которые становятся доступными благодаря технологиям воспроизведения, всеподавляющий комплекс отчуждения перевешивает собой любые подрывные силы, противостоящие ему и работающие на утопические цели. Открытие «музыки "третьего мира"» (то есть примитивной и традиционной музыки) ведет скорее к ее присвоению и размыванию, чем к межкультурной синергии и взаимообогащению. Распространение дешевой технологии синтезирования звука поначалу открывает новые и действительно простонародные/демократические возможности, такие как даб или рэп; однако «индустрия» знает прекрасный способ фетишизации и отчуждения этих бунтарских энергий: их нужно просто использовать для рекламы фастфуда или обуви!

Стоит нам протянуть руку, чтобы прикоснуться к музыке, — и она ускользает от нас, подобно миражу. Везде, в любом ресторане, магазине, общественном месте мы подвергаемся «звуковому загрязнению» музыкой — и сама ее вездесущность есть мера нашего бессилия, нашего недостатка участия, отсутствия у нас «выбора». И что за музыка! Продажный и тривиальный суррогат всех «революционных» музыкальных стилей прошлого, пульсирующая гиперсексуальная музыка, которая когда-то, казалось, звучала похоронным звоном по западной цивилизации, а теперь превратилась в звуковые обои, покрывающие фасад, весь состоящий из трещин, щелей, отсутствий, страхов; лекарство, притупляющее боль от отчаяния и падения нравов — музыка в лифтах, музыка в залах ожидания, пульсирующая в ритме 4/4, в старом «квадратном» ритме европейского рационализма, приправленная гомеопатическими дозами африканской страсти или азиатской духовности — вот он, утопический след! — воспоминания юности, преданные и превращенные в акустический эквивалент «прозака» и кольта 45-го калибра.

И все же каждое новое поколение молодежи объявляет эту «революцию» своей собственной, прибавляя или убавляя ноту здесь, ритмическую долю там, отодвигая оболочку «трансгрессивного» несколько дальше и называя все это «новой музыкой» — и каждое поколение, в свой черед, превращается просто в статистическую массу потребителей, деловито клепающая музыку для аэропортов собственного будущего, скорбя по «продавшимся», не понимая, что же было не так.

Западная классическая музыка стала знаком буржуазной власти — но это пустой знак, поскольку период первичного производства этой музыки уже закончился. Никто больше не будет писать симфоний до мажор. Сериализм, додекафония и остальные авангардные течения XX века произвели революцию, но им не удалось воспламенить никого, кроме небольшой элиты, и уж тем более им не удалось деконструировать Канон. На самом деле, само фиаско этой «современной» музыки кажется весьма милым и трогательным, ибо оно позволило ей сохранить что-то от наивного пыла бунтарского желания, не оскверненного «успехом» — взять, к примеру, Гарри Парча. Но я по-прежнему с ужасом вспоминаю сцену, которую я как-то наблюдал в Ширазе (Иран), когда организаторы Фестиваля искусств пригласили К. Штокхаузена исполнить свою музыку перед «народом», а не только перед тегеранскими аристократами и снобами со всего мира, составлявшими аудиторию фестиваля. Какой конфуз! И революция, которая пронеслась через город несколько лет спустя, не была обязана подобной «щедрости» ничем — кроме своей ненависти к «упадочной» западной музыке, которую она запретила[9].

Что касается «Моцарта» (если нужно выбрать архетип), то как его можно спасти от Индустрии и институтов, от СВ и радио, от Линкольн-центра и Кеннеди-центра, от Голливуда и компании МУЗАК? Мне вспоминается сцена из одного рассказа Карсон Маккаллера, где бедная маленькая девочка замороженно черной раз в жизни, внимает патефонной пластинке Моцарта, играющей за дверью богатого соседа, — абсолютно, тотально утопический момент. Даже технология отчуждения может стать «магической» — но лишь непреднамеренно, по счастливой случайности, благодаря искажению. Далекий радиоприемник одинокой ночью в тропическом городке на Яве, до зари играющий какую-то бесконечную драму по мотивам «Рамаяны» — или, если уж на то пошло... выберите сами свое любимое воспоминание (возможно, эротического характера), отмеченное каким-нибудь случайно подслушанным фрагментом музыки. (Молитесь только, чтобы LITE-FM никогда не узнало, что это был за фрагмент, — а не то они превратят его в ностальгию и с его помощью продадут вам ваше же собственное желание, навеки осквернив прекрасное воспоминание торгашеской алчностью.)

...Таким образом, мы признаем: существует проблема. В мире Слишком Позднего Капитализма далеко не обязательно все должно быть к лучшему. Музыка напоминает нам одну из тех жертв киношных вампиров, из которых настолько высосаны жизненные соки, что они сами уже почти принадлежат к Нежити... Что же нам, бросить ее?

Существует ли какое-либо «решение» этой проблемы, какое-либо лекарство, которое не будет формой реакции, требующей от нас «вбомбить» себя в некое идеальное прошлое? Корректно ли вообще основывать нашу критику на предположении, что музыка в некий период времени была или будет «лучше»? Является ли «дегенерация» хоть сколько-нибудь

лучшей моделью, чем «прогресс»?

Прежде всего, идет ли здесь речь о «самой музыке», или же нам следует сосредоточить внимание на системе производства музыки и на социальной структуре, дающей жизнь этому производству? Иными словами, музыку (исключая откровенный китч), может быть, следовало бы рассматривать как «невиновную» — по крайней мере, по сравнению с конгломератом отчуждения, предательства и монополизации, который иногда называют Индустрией (по сути дела, это музыкальное подразделение Спектакля). По сравнению с этим Музыка является жертвой, а не причиной «проблемы». А как насчет музыкантов? Являются ли они частью индустрии, или они тоже (подобно их Музе) — простые жертвы? Являются ли они частью проблемы или частью решения проблемы? А может быть, в данном случае само понятие «вины» есть не более, чем идеология еще одной, более утонченной Реакции — зарождающегося пуританства — еще одной ложной тотальности?

Если мы хотим избежать каких бы то ни было порочных кругов стремящегося к карательным мерам негодования (или музыкального реваншизма), нам нужен совершенно иной подход. И если не основывать наш подход (нашу стратегию) на «истории» — будь то история самой музыки или ее производства, — тогда, возможно, он должен исходить из утопической поэтики. В этом смысле, нам не следует брать за образец какую-то одну конкретную утопическую систему — это затащило бы нас в трясины ностальгии по некоему утерянному будущему, — но скорее принять в качестве отправной точки саму идею утопии или даже утопическую эмоцию. Музыка, в конце концов, обращается к эмоциям более непосредственно, чем все остальные искусства, которым приходится проходить через фильтры логоса или образа (что частично объясняет, почему ислам относится к музыке с недоверием).

Из всех искусств музыке в наибольшей степени свойственно проникать границы — может быть, она и не является «всеобщим языком», но это только потому, что, по сути дела, она не является языком вовсе, разве что только «языком птиц». «Всеобщая» притягательность музыки коренится в ее прямой связи с утопической эмоцией, или желанием, а если пойти дальше — то и с утопическим воображением. Создавая взаимопроникновение между временем и удовольствием, музыка служит выражением и вызывает в нас ощущение «совершенного» времени (свободного от скуки и страха) и «совершенного» удовольствия (свободного от всяких сожалений). Музыка бестелесна, но она — из тела и для тела, и это также делает ее утопической по природе. Ибо утопия — это «никакое место», и все же она касается тела прежде всего.

В качестве примера (не в качестве образца) мы можем вернуться к фульеристской концепции оперы, как она «будет» практиковаться в утопии, или на стадии социального развития, которую он называл Гармонией. Как «целостное произведение искусства», опера будет включать в себя музыку и слова, танец, живопись, поэзию — организованные согласно системе, основанной на «аналогиях», или таинственных соответствиях, между органами чувств и их объектами. Например, 12 тонов в музыке соответствуют 12 Страстям (желаниям или эмоциям), 12 цветам, 12 основным Сериям Фаланги, или утопической общины, и т. д.

Умело играя на этих соответствиях, оперы Гармонии будут далеко превосходить жалкие музыкальные драмы Цивилизации по красоте, роскоши, вдохновению, не говоря уж просто о размахе. Используя иероглифическую науку гармонийского искусства, они будут давать людям образование, пропаганду, развлечение, художественную трансценденцию и эротическую разрядку — и все это одновременно. Слух, зрение, интеллект, все органы чувств будут реагировать на сложные многомерные эмблемы оперы, состоящие из слов и музыки, разума и эмоций, а возможно — даже из так тильных ощущений и запахов. Эти эмблемы будут оказывать прямое «моральное» воздействие на зрителей и актеров в равной степени (примерно как это предусматривал Брехт в своей концепции «эпического театра») — и вообще, в Гармонии будет преобладать тенденция к исчезновению аудитории, к тому, чтобы она (по крайней мере потенциально) стала частью Оперы, так чтобы разделение между «артистом» и «зрителями» — авансцена, так сказать — было сломано, сделано проницаемым и в конце концов стерто.

Благодаря Опере все обитатели Гармонии будут отмечены печатью гения — такова цель этих иероглифов, таков их «моральный эффект» (я ставлю это слово в кавычки, потому что Фурье ненавидел морализм не меньше, чем Ницше. Возможно, более подходящим термином будет «духовный»). Такая «гармоничная ассоциация» в производстве и переживании Оперы является (для Фурье) моделью самой структуры утопического сообщества. Фаланга будет спонтанно тем, чем опера является благодаря силе искусства.

По сути, Фурье вновь открыл первобытный ритуал, тот синкретизм танца/музыки/нарратива/маски/жертвоприношения, который является самим племенем в художественной форме, со-творением (совместным творением) племенем самого себя в эстетическом воображении. Фурье удалось залечить разрыв (по крайней мере, в своих книгах — в своем воображении) — но не путем возврата к какому-либо райскому совершенству в прошлом. На самом деле, для самого Фурье Гармония была даже не столько состоянием, долженствующим наступить в будущем, сколько состоянием потенциального присутствия. Он был убежден, что если одна группа (состоящая ровно из 1620 людей) создаст один фаланстер и начнет жить, руководствуясь притяжением Страстей, то весь мир обратится в новую веру за два года.

В отличие от Мора, Бэкона, Кампанеллы и других утопистов, Фурье рассматривал свои планы не как иронические описания, критику существующих порядков или научную фантастику, но как проекты (ненасильственной и) немедленной революции. В этом отношении он напоминает своих (ненавистных[10]) современников Оуэна и Сен-Симона — но, в отличие от них, его интересовало не регулирование желаний, а его тотальное освобождение — и здесь он в большей степени напоминает Блейка или (как любили подчеркивать последователи Фурье) Бетховена, чем кого бы то ни было из социалистов, будь то «утопических» или «научных».

Исчезновение аудитории в фурьеристской опере больше всего напоминает нам ситуационистскую программу «Упразднения и Одновременно Реализации Искусства». Опера Гармонии упраздняет себя как отдельную категорию художественного производства, со всеми вытекающими из этого процессами превращения в товар и потребления, лишь затем, чтобы самореализоваться именно в качестве «повседневной жизни». Но это такая

повседневная жизнь, которую преобразует и и которую систематически вливает соки «чудесное» (как это называли сюрреалисты). Это общинная/коллективная и индивидуальная машина желаний. Это поле удовольствия. Это роскошь — форма «излишества» (как это формулировал Батай). Это щедрость социального по отношению к самому себе — нечто подобное карнавалу, только более формализованное, празднество скорее в смысле ритуала, чем в смысле оргии. (Разумеется, оргия — это второй великий организующий принцип жизни фаланстера!) Опера, если ее понимать так, включает нас самих.

С этой точки зрения мы можем теперь сказать, что музыка принадлежит нам — не кому-то другому — ни музыканту, ни фирме звукозаписи, ни радиостанции, ни владельцу магазина, ни компании МУЗАК, ни черту, ни дьяволу, — но нам.

Жак Аттали в своей книге «Шум. Политическая экономия музыки» (1977) предлагает назвать этот «этап» в возможном будущем развитии музыки стадией «Композиции»: «шум Празднества и Свободы» как «важнейший элемент стратегии, которая приведет к возникновению подлинно нового общества». Композиция предполагает «одновременное уничтожение всего скопления симулякров» — то есть она избегает репрезентации и превращения в товар, а от технической воспроизводимости отрекается как от «молчания повторения». «То, что поступки становятся свободными, делает возможным выход за пределы самого себя, возникает удовольствие от бытия, а не от обладания» — все это (радикальным образом) противостоит отчуждению, в силу которого «музыкант перестал быть обладателем музыки». В мире Композиции «слушать музыку значит переписывать ее, «заставлять ее действовать, привлекать ее к неведомому праксису» (Барт)».

Аттали предупреждает, что «богохульство не может быть планом, как и шум не может быть кодом. Репрезентация и повторение, вестники нехватки, всегда в состоянии выхолостить энергию освобождающего карнавала». Истинная композиция требует «поистине другой системы организации... за пределами смысла, использования и обмена», то есть системы, чьими знаками отчасти будут «возвращение жонглеров», «появление вновь очень древних форм производства», а также изобретение новых инструментов и трансформированных технологий (как в музыке даб).

Музыка отделяется от работы и становится формой «безделья». «Поле товара разбито вдребезги». «Участие в коллективной игре» и «непосредственная коммуникация» имеют своей целью «поместить освобождение не и некое отдаленное будущее, ... но в настоящее, локализовать его в производстве и в собственном наслаждении индивидуума». С этой точки зрения, стало быть, «музыка предстает перед нами как отношение к телу и как трансценденция» — эротическое соотношение. В композиции «производство сплавляется с потреблением... в процессе разработки воображаемого через планировку личных садов». «Композиция освобождает время — так, чтобы его можно было проживать, а не складировать ... в товарах». Из-за анархической природы композиции и вытекающей отсюда опасности какофонии, в качестве ее предпосылок следует заранее предполагать «терпимость и автономию».

Аттали также выражает беспокойство по поводу «невозможности импровизации» и отсутствия у некоторых людей музыкальных способностей; эти возражения, тем не менее,

не носят абсолютного характера — а кроме того, если мы вспомним фульеристскую модель Оперы, то сразу же заметим, что в Гармонической Ассоциации немусыкальные таланты значат ничуть не меньше, чем таланты музыкальные. «Композиция, таким образом, приводит нас к поистине снотсшибательной концепции истории — истории, которая открыта, нестабильна... истории, в которой музыка позволяет снова взять под контроль время и пространство». «Это также единственная утопия, которая не является маской для пессимизма».

Делает ли исчезновение аудитории неизбежной и предсказуемой уже сейчас стадию, следующую «за» этапом композиции и утопической поэтики — стадию исчезновения музыканта? Фулье бы сказал, что нет. Страсть к музыке не является той же самой Страстью, что, например, Страсть к садоводству — хотя во многих обитателях Гармонии будут жить и та, и другая. Но ясно, что Опера будет иметь своих «звезд», даже если эти светила будут одновременно знатоками десятком других искусств или ремесел. Более того, благодаря Освобождению всех Страстей и предоставлению им возможности следовать своим Склонностям, количество «таланта» будет возрастать семимильными шагами, так что (например) «на Земном шаре будет тридцать семь миллионов поэтов, равных Гомеру» («Теория четырех движений»[11] — и бесчисленные миллионы «звезд». Реально, однако, каждый обитатель Гармонии будет являться звездой в чем-то; и опера здесь — это только одно из возможных сочетаний или стечений обстоятельств.

Таким образом, «музыкант» может исчезнуть как профессионал, как фетиш особого рода, как точка, где фокусируется разделение, — но только затем, чтобы возродиться, выполняя нечто вроде шаманских функций. Даже Фулье, который ожидал, чтобы каждый освоил как минимум 12 различных профессий или специальностей, понимал, что Утопия должна очистить место и для мономаньяков или специалистов в области экстаза. «Менестрели» (и «барды») не только не исчезнут, наоборот, только теперь они смогут появиться на сцене вновь — как аспекты интегральной и творческой «личности» социального. Именно потому, что ничто нельзя превратить в товар, музыкант будет полон наконец «играть» и получать вознаграждение за игру.

Что же произойдет при таких условиях с низменной и грязной духовностью музыканта? Утопия есть единство, не единообразие — и она содержит в себе антиномии. Утопическому желанию никогда не приходит конец, даже — и в особенности! — в самой утопии. А музыка — она ведь всегда будет последней завесой (из 70 тысяч завес света и тьмы), отделяющей нас от «порядка близости». Музыка никогда не утратит своей святой нечестивости; она всегда будет содержать в себе след насилия, сопровождающего жертвоприношение. Как же в таком случае может кончиться «блюз» — эта оргонная, темно-темно-синяя, утопическая, печальная ласка звуком, это «о нет, это уж слишком!», эта вещь, отличная от других? Низкий кастовый статус музыканта, конечно, растворится в утопии — но каким-то непопятным образом определенная неприкасаемость останется, останется некий дендизм, гордость. Трагедия, о которой уж точно никогда не будет плакать Гармонический Блюз, — это трагедия утраты блюза в нем самом, его присвоения, его отчуждения, его предательства другими, его одержимости демонами. Таков «утопический минимум», такова абсолютная гарантия (а иначе — деньги назад!), таково *sine qua non*: музыка — наша.

И вот здесь-то происходит грандиозный диалектический синтез: неразрывный порядок и разорванный порядок оба «снимаются» в момент, когда появляется новая вещь — низменный, берущий за душу утопический блюз, Опера Страстей, композиция, музыка утопии, видящая сны о себе самой и просыпающая, чтобы обнаружить себя саму. В самом раю арфисты напьются допьяна и начнут бесчинствовать. «И ангелы стучатся в двери таверны» (Хафиз).

Примечания

[1] Первоначально слово "jazz" писалось как "jass", что во времена зарождения джаза (в 90-е гг. XIX в.) в Сторивилле (район «красных фонарей» в Новом Орлеане) было местным сленговым синонимом слова "fuck".

[2] Харам — это скорее табу, а всякое табу одновременно и «запретное», и «священное». Харам — это категорически запретные для мусульман действия (питье вина, употребление в пищу свинины, ростовщичество и т.п.), а также священная территория, на которой запрещено носить оружие и проливать кровь (Мекка и Медина, святыни Иерусалима, территория вокруг могилы Авраама-Ибрагима в Хевроне и т.п.).

[3] Мелизматика (от греч. melos — песнь, мелодия) — одна из двух основных форм орнаментики, т.е. совокупности звуковых приемов, украшающих основной мелодический рисунок. Мелизмы — это небольшие мелодические украшения, устойчивые по форме (например, трель).

[4] Дзэами Мотокиё (1363 - 1443) был не только великим драматургом, но и великим актером, а также и крупнейшим теоретиком театра Но, сформулировавшим канон этого театра.

[5] Театр Но — не «разновидность оперы», это синкретический восточный театр, соединяющий драму, оперу, балет, пантомиму, цирк и даже декоративно-прикладное и садово-парковое искусство.

[6] Ошибка. Сегун Асиката Ёсимицу покровительствовал труппе отца Дзэами Канъами Киецугу (1333-1384), но никакого "статуса придворного театра" не предоставлял.

[7] Дикое для нашего глаза выражение «товарный капитализм» (поскольку нетоварного капитализма не бывает) свидетельствует о влиянии на Хаким-Бея западных исторических школ, находивших капитализм в античном мире («торговый капитализм») и в Средневековье («ростовщический капитализм»). Таким образом, «товарный капитализм» надо понимать как «промышленный капитал».

[8] Судя по всему, речь идёт о немецком философе Эрнсте Блохе (1885-1977), чьи работы явно оказали сильное влияние на Хаким-Бея (отрицание объективных законов в истории, учение об утопии, «коммунистическая космология»), а не об американском композиторе, дирижере и эстетике Эрнесте Блохе (1880-1959), хотя тот также высказывал близкие

взгляды (в частности, в статье «Человек и музыка», 1953).

[9] В данном случае ирония неуместна. Знаменитый немецкий композитор и теоретик Карлхайнц Штокхаузен, известный своими антибуржуазными и даже леворадикальными взглядами, хотя и изучал специально философию и музыку Востока, но менее всего мог желать именно «исламской революции».

[10] «Ненавистных», потому что Фурье, Сен-Симон и Оуэн яростно критиковали друг друга, с удивительной точностью находя слабые места в доктринах оппонентов.

[11] «Теория четырех движений и всеобщих судеб» — первая большая работа Ш. Фурье, написана в первые годы XIX в., опубликована анонимно в 1808 г.

Хаос

Источник: [здесь](#)

Дацзыбао онтологического анархизма

ХАОС

Хаос не умирает. Извечная необтесанная глыба, одинокое чудище-идолище, недвижимое и непредсказуемое, непроницаемое, чем любая мифология (словно тени, предшествовавшие Вавилону), первозданное недифференцированное единство бытия по-прежнему безмятежно мерцает, подобно знаменам ассасинов, рассредоточенных и всегда одурманенных.

Хаос предшествует всем принципам порядка и энтропии, он не бог и не личинка, его идиотические порывы вмещают и определяют любую возможную хореографию, все лишённые смысла эфиры и флогистоны; его маски — как облака: кристаллизация его собственной безликости. Все в природе абсолютно реально, включая сознание, беспокоиться совершенно не о чем. Цепи закона не просто разбиты: их никогда не существовало; демоны никогда не охраняли звезд. Империя никогда не зарождалась, Эрос никогда не отращивал бороды.

Нет, слушайте, все было так: вам лгали, вам впаривали понятия о добре и зле, вам внушили недоверие к плоти, стыд за провозвестие хаоса; изобрели слова отвращения для вашей молекулярной любви; вас загипнотизировали небрежением, вогнали в уныние цивилизации и всех ее ростовщических эмоций.

И вот уже нет ни становления, ни революции, ни борьбы, ни пути; вы уже монарх в собственной шкуре, и вашей неприкосновенной свободе недостает лишь любви других монархов — политики грез, назойливой, как синь небес. Чтобы отряхнуть от себя все иллюзорные права и колебания истории, потребна экономика легендарного каменного века: не священники, а шаманы, не лорды, а барды, не полицейские, а охотники, собиратели палеонтологической лени, нежные, как кровь, обнаженные из принципа или раскрашенные, как птицы, вознесенные на волну эксплицитного присутствия, без тиканья часов, без вчера, без завтра.

Взгляды агентов хаоса опаляют все и всех способных свидетельствовать о своем состоянии, о горячем жаре *lux et voluptas*[1]. Я бодрствую лишь в любви и желании на грани ужаса; остальное — лишь зачехленная рухлядь, повседневная анестезия, дерьмо в мозгах, дорептильная скука тоталитарных режимов, полая цензура и бессмысленная боль.

Аватары хаоса ведут себя как преступники, саботажники, шпионы *amour fou*[2]: не герои и не себялюбцы, доверчивые, как дети, с обходительностью варваров, одержимые маниями, безработные, разнузданные, полуволки-полуангелы, зеркала созерцания, с глазами, словно цветы, — пираты всех знаков и значений.

Мы пробираемся по трещинам в стенах огромных монолитов: церковно-государственной школы и фабрики. Отрезанные от своего племени железной ностальгией, мы прокладываем свой путь вслед за утерянными словами, воображаемыми бомбами.

Последний возможный поступок — тот, в котором явлено восприятие как таковое, невидимая золотая нить, связывающая нас: беззаконная пляска в коридорах полицейского участка. Если я поцелую тебя здесь, это примут за террористический акт; так прихватим же пистолеты с собой в постель и разбудим город в полночь, словно пьяные бандиты, отмечающие праздник пальбой, посланием вкуса хаоса.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ (ПТ)

Дикие пляски в коридорах круглосуточных компьютерных банков. Всполохи пиротехнических дисплеев. Садовые статуи, земляные сооружения, как странные чуждые артефакты, разбросанные в парках. Взламывайте дома, но не воруйте, а подкидывайте объекты поэтического терроризма. Похитьте кого-нибудь и сделайте его счастливым. Выберите любого прохожего и убедите его, что он получил гигантское бесполезное и невероятное наследство: скажем, 5000 квадратных миль в Антарктике, или старого циркового слона, или сиротский приют в Бомбее, или коллекцию алхимических рукописей. Позже человек этот осознает, что на несколько мгновений уверовал в фантастическое, и, может быть, благодаря этому найдет себе более интересный способ существования.

Прибивайте бронзовые мемориальные доски в местах (публичных или частных), где вас посетило откровение, где прошел ваш лучший сексуальный акт и т. п.

Пройдитесь голым из принципа.

Устройте забастовку в школе или на рабочем месте под предлогом, что оно не удовлетворяет вашей потребности в лени и духовной красоте.

Искусство граффити слегка приукрасило уродливые вагоны метро и унылые официальные памятники; искусство поэтического терроризма тоже можно приспособить для общественных мест: стихи, нацарапанные в сортирах полицейского участка, мелкие фетиши, оброненные в парках и ресторанах, ксерокопии картин, заткнутые за дворники припаркованных автомобилей, крупнобуквенные лозунги, приклеенные к заборам детских

площадок, анонимные письма, посылаемые наугад (почтовое хулиганство), пиратские радиопередачи, мокрый цемент...

Реакция публики или эстетический шок, произведенный поэтическим терроризмом, должен быть по меньшей мере таким же сильным, как чувство ужаса, — мощное отвращение, сексуальное возбуждение, суеверная боязнь, внезапный интуитивный прорыв, дадаистский страх; неважно, направлен ли поэтический терроризм на одного или на многих, неважно, анонимен он или имеет «подпись», — но если он не изменил ничьей жизни (кроме самого художника) — это провал.

Поэтический терроризм — это акт театра жестокости, где нет ни сцены, ни зрительного зала, ни билетов, ни стен. Чтобы быть действенным, поэтический терроризм должен быть категорически отделен от всех традиционных структур, связанных с потреблением искусства (галереи, публикации, средства массовой информации). Даже партизанская ситуационистская тактика уличного театра сейчас, наверное, слишком хорошо известна и предсказуема.

Изысканное совращение не только во имя взаимного удовольствия, но и как сознательный акт в умышленно красивой жизни — вот, может быть, экстремальный поэтический терроризм. Поэтический террорист ведет себя как мошенник, чья конечная цель не деньги, а ПЕРЕМЕНА. Не обращайтесь поэтический терроризм на других художников, обращайтесь его на тех, кто не понимает (по крайней мере, не сразу понимает), что то, что вы делаете, это искусство. Избегайте узнаваемых категорий искусства, избегайте политики, не влезайте в споры, не будьте сентиментальны: будьте безжалостны, рискуйте, подвергайте вандализму лишь то, что достойно поругания, делайте вещи, которые дети будут помнить до конца жизни — но не действуйте впопыхах, пока вас не посетила муза поэтического терроризма.

Рядитесь в маскарадные одежды. Называйтесь фальшивыми именами. Станьте легендой. Лучший поэтический терроризм противозаконен, но не давайте себя поймать. Искусство как преступление; преступление как искусство.

AMOUR FOU (AF)

Amour fou — не социал-демократия, не парламент двоих. Мгновения ее тайных встреч исполнены смыслов слишком грандиозных, но слишком прозрачных для прозы. Не это, не то — ее Книга эмблем дрожит в твоей руке.

Ясное дело, ей начхать на школьных учителей и полицию, но она так же издевается и над либертарианцами, и над идеологами: это не место, где чисто и светло. Шарлатан-трополог проложил ее коридоры и заброшенные парки, декорировал ее тайные засады блестящим черным и маниакальным красным.

У каждого из нас половина карты — словно два ренессансных княжества, мы создаем новую культуру нашим подвергаемым анафеме слиянием тел, смешением гуморов — воображаемые швы нашего города-государства проступают сквозь наш пот.

Онтологический анархизм так и не вернулся со своей последней рыбалки. Пока никто не стучит в ФБР, ХАОС плевать хотел на будущие цивилизации. Amour fou рождается лишь по недоразумению: ее первостепенная цель — поглотить галактику. Заговор трансмутации.

Все, что ее заботит в отношении Семьи — это возможность инцеста («Расти своих! Каждый — фараон!») — о искренний читатель, мой ближний, мой брат/ сестра! — и в детской мастурбации она обнаруживает (как таблетку в японском бумажном цветке) образ крушения государства.

Слова принадлежат тому, кто их произносит, лишь до того момента, как кто-то их украдет. Сюрреалисты опозорили себя, продав Amour fou призрачной машине абстракции — в своем бессознательном они искали лишь власти над другими и в этом были последователями де Сада, который желал дать «свободу» лишь взрослым белым мужчинам — потрошить женщин и детей.

Amour fou сыта собственной эстетикой, она до краев наполняет сама себя траекторией собственных жестов, она живет по ангельским часам, она не годится в жизненные пути комиссаров и лавочников. Ее «эго» испаряется в изменчивости желания, ее общественный дух вянет в эгоизме одержимости.

Amour fou требует неординарной сексуальности, равно как колдовство требует неординарного сознания. Англосаксонский постпротестантский мир направляет всю свою подавленную чувственность в рекламу и разбивается на враждующие толпы: истерические ханжи против промискуитетных клонов и бывших экс-одинок. АФ не желает вступить в чью-либо армию, она не принимает участия в войне полов, ей скучно от равных прав при приеме на работу (собственно, она вообще отказывается работать ради пропитания), она не жалуется, не объясняет, никогда не голосует и никогда не платит налогов.

АФ желает, чтобы каждый незаконнорожденный («дитя любви») был доношен и рожден; АФ живет антиэнтропическими приемами — АФ любит, когда к ней пристают дети — АФ лучше молитвы, лучше марихуаны — АФ берет с собой собственные пальмы и луну, куда бы она ни отправлялась. АФ обожает тропикализм, брейкданс, саботаж, Лейли и Меджуна, запах пороха и спермы.

АФ всегда незаконна, в какие бы одежды ни рядилась — законного брака или отряда бойскаутов; всегда пьяна — то ли вином собственных выделений, то ли дымом собственных полиморфных добродетелей. Это не помрачение чувств, а скорее их апофеоз; не итог свободы, а скорее ее предварительное условие. Lux et voluptas.

ДИКИЕ ДЕТИ

Бездонная лунная дорожка — полночь, середина мая в некоем государстве, название которого начинается на «Я», столь двухмерном, что едва ли можно говорить о его географии; лучи так настойчивы и осязаемы, что приходится задерживать шторы, чтобы начать думать словами. Нет и речи о том, чтобы *написать* Диким детям. Они мыслят

образами: проза для них — это код, еще не до конца переваренный и окостеневший, так же как для нас — не вполне достойный доверия.

Можно написать о них, так чтобы другие, потерявшие серебряную цепочку, могли последовать за ними. Или писать для них, превратив ПОВЕСТВОВАНИЕ и эмблему в процесс совращения в ваши собственные палеолитические воспоминания, в варварский соблазн свободы (хаоса как его понимает ХАОС).

Для этой породы не от мира сего, или третьего пола — *enfants sauvages*, — фантазия и воображение по-прежнему нераздельны. Необузданная ИГРА: одновременно источник нашего искусства и самого поразительного эроса всего рода человеческого.

Объять беспорядок одновременно как исток стиля и как кладезь страсти, основу нашей чуждой и оккультной цивилизации, нашей заговорщической эстетики, нашего лунатического шпионажа — на это способен (не будем этого отрицать) либо художник, либо десяти-тринадцатилетний ребенок.

Дети, чьи проясненные чувства предают их, уводя в блистательное колдовство прекрасного наслаждения, отражают нечто дикое и бесстыдное в природе самой действительности: онтологические анархисты от природы, ангелы хаоса — их жесты и телесные запахи свидетельствуют о джунглях существования вокруг них, это целый лес предсознания, полный змей, оружия ниндзя, черепах, футуристического шаманства, невероятного беспорядка, писанья, призраков, солнечного света, онанизма, птичьих гнезд и яиц — ликующая агрессия против взрослых Нижнего мира, столь бессильных вместить и разрушительные эпифании, и созидания в форме мелких выходов, хрупких, но достаточно острых, чтобы резать лунный свет.

И все же обитатели этих нижних сточных вод всерьез верят, что могут править судьбами Диких детей — здесь, внизу эта порочная убежденность действительно формирует большую часть вещества случайности.

Единственные, кто в самом деле желает разделить озорную судьбу этих дикарей-беглецов, или младших партизан, а не диктовать ее, единственные, кто способен понять, что беречь и отпускать на свободу — это одно и то же, — это в основном художники, анархисты, извращенцы, еретики, те, кто существует отдельно (друг от друга так же, как и от остального мира) или способны встречаться лишь так, как дикие дети, вперяясь друг в друга долгими взглядами за обеденным столом, в то время как взрослые кривляются под своими масками.

Слишком юные для своих харлеев-вертолетов — отщепенцы, брейк-дансеры, едва достигшие половой зрелости поэты плоских затерянных станций — миллионы искр, летящих от ракет Рембó и Маугли — тощие террористы, чьи аляповатые бомбы спрессованы из полиморфной любви и драгоценных нитей массовой культуры — панки-стрелки, мечтающие проколоть себе уши, анимисты-велосипедисты, скользящие в свинцовых сумерках по улицам пособия по безработице, где растут случайные цветы, — запоздалые цыганята-воришки, улыбчивые, отводящие взгляды похитители тотемов власти, мелких монет и дамасских

клинков — мы чувствуем их всюду — этим мы изъявляем желание обменять продажность наших собственных *lux et gaudium* на совершенство их нежной грязи.

Так что поймите: наша реализация, наше освобождение зависит от *них* — не потому что мы корчим из себя Семью, «скопидомов любви», которая держит заложников ради пошлого будущего, или Государство, которое муштрует нас лишь для того, чтобы мы канули за событийный горизонт нудной «пользы», нет — а потому что мы и они, дикари, отражаемся друг в друге, мы связаны и разграничены той серебряной цепью, которая сияет бледным отсветом чувственности, трансгрессии и визионерства.

ЯЗЫЧЕСТВО

Созвездия, по которым кормчий правит барку души. «Если мусульманин поймет Ислам, он станет идолопоклонником», — Махмуд Шабестари Элеггуа, уродливый привратник с крюком в голове и раковинами-каури вместо глаз, с «Черной Сантерией» и стаканом рома — подобно Ганеше, слогоголовому толстому мальчишке Начала, что объезжает мышь. Орган, который ощущает духовную атрофию чувств. Кто не ощущает бараку, не знает нежности этого мира.

Гермес Поймандр учил оживлять идолов, магия поселения духов в образы — те же, кто не сумел свершить ритуал этот над самими собой, над тканями существ материального мира, получают лишь скорбь, пыль да гниение.

Тело язычника становится Сонмом Ангелов, принимающих этот мир — этот храм — как рай («если рай и существует, то, без сомнений, он здесь!» — написано на воротах сада Мугаль)...

Онтологический анархизм слишком палеолитичен для эсхатологий: все вокруг — реальность, колдовство действует, лесные духи едины с Воображением, а смерть с неприятной неопределенностью — как в «Метаморфозах» Овидия, этом эпосе превращений. Личное мифо-воззрение.

Язычество еще не изобрело законов — одни лишь блага. Ни жречества, ни теологии, ни метафизики, ни морали — один лишь вселенский шаманизм, где не станешь настоящим человеком, не прозрев.

Жратва, деньги, секс, сон, солнце, пляж, марихуана — любовь, истина, мир, свобода и равенство. Красота. Пьяный мальчишка Дионис на пантере — обильный юношеский пот — вот бредет козлопас Пан, покрытый мхом и лишайниками, проваливаясь в землю по щиколотку, будто бы это море, а его шкура покрыта мхом и лишаем — Эрос распадается на дюжину голых пастушков из Айовы, ступни в грязи, бедра в рыске.

Ворон, трикстер с потлача, когда — мальчик, а когда — старуха, птица, укравшая Луну, сосновые иголки на поверхности пруда, мультяшная морда на верхушке тотемного столба, хор среброглазых ворон танцует на заборе — словно Семар, горбатый альбинос-гермафродит из театра теней, покровитель яванской революции.

Йемайа, синезвезда богиня моря, покровительница голубых — словно Тара, серо-голубой аспект Кали, ожерелье из черепов, танцующая на мощном лингаме Шивы, облизывающая муссонные облака своим метровым языком — словно Лоро Кидул, цвета зеленой яшмы, яванская морская богиня, наложившая заклятье неуязвимости на султанов, сливаясь с ними в тантрическом экстазе в волшебных замках и пещерах.

С одной стороны, онтологический анархизм примитивен до невозможности, лишен каких-либо качеств и категорий, прост как сам ХАОС, но с другой — он ошеломляет своей барочностью, как храмы Ебли в Катманду или алхимический трактат — развалившись на диване, поедает рахат-лукум, изрекая еретические фразы, засунув руку в свои широкие штаны.

Борта его корсаров покрыты черным лаком, вьются алые паруса, черные флаги с крылатыми песочными часами. Воображаемое Южно-Китайское море; вдоль побережья, покрытого пальмами, развалины золотых храмов, посвященных неизвестным богам из бестиария, остров за островом, ветер ласкает кожу своим влажным желтым шелком, правим курс по пантеистическим звездам, иерофания на иерофанию, свет к свету, сквозь черное сияние хаоса.

ИСКУССТВО-САБОТАЖ (ИС)

Искусство саботажа стремится быть образцово-назидательным, но в то же время сохранять долю непроницаемости — не пропаганда, а эстетический шок, безобразно прямолинейный, но в то же время под небольшим углом — действие-как-метафора.

Искусство саботажа — темная сторона Поэтического терроризма — созидание-через-разрушение — но он не может служить какой-либо партии, нигилизму, даже самому искусству. Так же, как уничтожение иллюзий пробуждает разум, уничтожение эстетического оскорбления действием услаждает воздух в мире дискурса, в мире Другого. Искусство саботажа служит только сознанию, вниманию, бодрствованию.

ИС выходит за пределы паранойи, за пределы деконструкции: высшая форма критики — физическая атака на негодное искусство — эстетический джихад. Самый легкий намек на качество, и даже на личный вкус, нарушает его чистоту и лишает его силы. ИС никогда не ищет могущества — только *высвобождает* его.

Индивидуальные произведения искусства (даже самые плохие) в большой степени нелепы: ИС стремится разрушить все институты, использующие искусство для замутнения сознания и извлекающие выгоду из заблуждения. Того или иного поэта или художника нельзя винить за отсутствие прозрений — но с вредными идеями можно бороться с помощью порожденных ими артефактов. МУЗАК предназначен для того, чтобы гипнотизировать и контролировать — но его механизм можно разбить.

Публичное сожжение книг — почему фашисты и таможенные чиновники монополизировали это оружие? Книжки о детях, одержимых демонами; список бестселлеров «Нью-Йорк

Таймс»; феминистские трактаты против порнографии; школьные учебники (особенно по обществознанию, граждановедению, здравоохранению); подшивки «Нью-Йорк пост», «Виллидж войс» и прочих газетенок, валяющихся в супермаркетах; некоторые гляцевые обложки фантастических книжек; несколько романов из серии «Арлекин»: праздничная атмосфера, бутылки вина и сигареты с марихуаной, передаваемые по кругу ясным осенним днем.

Швырять деньги на пол в здании биржи — вполне достойный поэтический терроризм, но уничтожение денег — это уже Искусство саботажа[3]. Ворваться в телестудию и в течение нескольких пиратских минут показывать произведения взрывоопасного хаотического искусства — праздник ПТ; но попросту взорвать телебашню — это уже тянет на вполне адекватное Искусство саботажа. Если некоторые галереи и музеи заслуживают того, чтобы им бросили камень-другой в витрину — не в порядке разрушения, а в порядке вразумления — то что вы скажете о БАНКАХ? Галереи превращают красоту в товар, но банки перерабатывают воображение в дерьмо и долги. Разве мир не станет обретать хотя бы толику красоты с каждым банком, повергнутым в дрожь... или разрушенным? Но как? Искусство саботажа не лезет в политику (ведь это так скучно), но банки — совсем другое дело.

Будьте не пикетчиками — но вандалами. Не протестуйте — низвергайте. Когда вам силой навязывают уродство, убогий дизайн и дурацкие траты, станьте луддитом, швырните сапог в механизм, взбунтуйтесь. Разбивайте символы Империи во имя ничто и с гармонией в сердце.

АССАСИНЫ

За мерцанием пустыни, где маячат многоцветные холмы, безволосые, охряно-лиловые, буро-коричневые, на вершине иссушенной синей долины путешественники обнаруживают искусственный оазис, укрепленный замок в сарацинском стиле с садом, укрытым за стенами. Гости Горного Старца, Хасана ибн Саббаха, они карабкаются к замку по выбитым в скале ступеням. Здесь день Воскресения уже пришел и ушел — те, кто внутри, живут вне профанного Времени, ибо держат его в узде — клинками и ядами. За амбразурами крепости, за бойницами башен ученые и федаины просыпаются в узких монолитных кельях. Карты звездного неба, астролябии, перегонные кубы и реторты, кипы раскрытых книг освещает лезвие утреннего света — симитар, выхваченный из ножен.

Любой, кто вступает в мир Имама собственного бытия, становится султаном откровения наоборот, монархом апостасиса и отрицания. В центральной зале, изрубленной лучами и увешанной тканями арабесками, они откидываются на подушки и курят длинные чубуки гашиша, пахнущего опиумом и янтарем.

Для них иерархия бытия сократилась в не имеющую измерений точку реальности — для них цепи закона разбиты — они заканчивают свой пост вином. Для них наружная сторона всего есть его внутренняя сторона, истинное лицо просвечивает сквозь непосредственно данное. Но ворота сада закамуфлированы терроризмом, зеркалами, слухами о смертоубийствах,

trompe l'oeil, легендами.

Гранат, смоква, персиммон, эротическая меланхолия кипарисов, бледные мембраны ширазских роз, заросли мекканского алоэ и бензоина, твердые лезвия оттоманских тюльпанов, ковры, раскинутые словно искусственные сады на настоящих газонах — павильон, разукрашенный мозаикой каллиграмм — ива, поток с водопадом — фонтан с геометрическими кристаллами на дне — метафизические сплетни об одалисках-купальщицах, влажных смуглых чашниках[4], играющих в прятки в зарослях — «вода, зелень, прекрасные лица». К ночи Хасан ибн Саббах, словно цивилизованный волк в тюрбане, раскидывается на парапете над садом и свирепо смотрит в небо, ловя астеризмы ереси в бездумном воздухе пустыни. Верно, в этом мифе некоторым ученикам может быть приказано броситься с укреплений в черноту — но верно и то, что некоторые из них научатся летать как маги.

Эмблема Аламута хранится в мозгу, мандала или магический круг, утраченный историей, но укорененный или отпечатанный в сознании. Старец словно призрак забредает в шатры царей и спальни богословов, одолевая любые запоры и стражей с помощью забытых приемов мусульман и ниндзя, оставляя за собой дурные сны, стилеты на подушках, могущественные подкупы.

Аттар[5] его пропаганды заползает в преступные сны онтологического анархизма, геральдика наших маний демонстрирует мерцающие черные незаконные знамена ассасинов... все они — претенденты на трон воображаемого Египта, оккультный пространственно-световой континуум, пожираемый еще не выдуманностями свободами.

ПИРОТЕХНИКА

Изобретение китайцев, которое никогда не использовалось для войны — прелестный пример ПТ — оружие, предназначенное вызывать эстетический шок, но не убивать — китайцы ненавидели войну и надевали траур, когда армии выходили на бой — порох, больше всего подходящий для того, чтобы отпугивать злых демонов, радовать детишек, наполнять воздух отважной пахнувшей риском дымкой.

Кантонские гремучие бомбы класса С, ракеты-бутылки, бабочки, М-80, подсолнухи, «лес весенней порой» — революционная метеорология[6] — прикури свою сигарету от искрящего заряда Хеймаркетской черной бомбы[7] — вообрази, что воздух наполнен ламиями и суккубами, духами-угнетателями, полицейскими-призраками. Позови любого ребенка с тлеющим трутом или кухонной спичкой — шамана-апостола летних пороховых заговоров — сотряси тяжелую ночь щипаными звездами и надутыми звездами, мышьяком и сурьмой, натрием и каломелью, молниями магнезии и пронзительным пикратом поташа.

Языки пламени (печная сажа и селитра), бикфордов шнур и железная начинка — атакуйте свой местный банк или уродскую церковь римскими свечами и пурпурно-золотыми ракетами, импровизированными и анонимными (быть может, лучше всего было бы швырнуть их из окна пикапа)...

Возьмите сетку-рабицу и устройте фирменную иллюминацию на крышах зданий страховых компаний и школ — пусть вспыхнет змея-кундалини или дракон Хаоса, свернувшийся бариево-зелеными кольцами на фоне желтизны оксалата натрия (не наступи на меня!), или совокупающиеся чудовища, выплевывающие сгустки пламени на родовое гнездо баптистов.

Скульптуры-тучи, скульптуры — клубы дыма и флаги = Искусство воздуха. Творения из земли. Фонтаны = Искусство воды. И Фейерверк. Не нужно получать рокфеллеровские гранты и разрешения от полиции на разыгрывание спектаклей перед зрительным залом, состоящим из любителей культуры. Исчезающие зажигательные бомбы сознания, устрашающие мандалы, вспыхивающие над самодовольством ночных пригородов, запредельные зеленые грозовые тучи эмоциональной чумы, подгоняемые оргово-синими ваджра-лучами лазерных feux-d'artifice.

Кометы, взрывающиеся с запахом гашиша и радиоактивного угля — болотные кикиморы и призраки, населяющие общественные парки — фальшивые огни святого Эльма, мерцающие над архитектурой буржуазии — гроздь дамских пальчиков, сыплющихся на пол в здании прокуратуры — саламандры-стихии атакуют популярных реформаторов нравственности.

Пылающий шеллак, молочный сахар, стронций, вар, аравийская камедь, охалки китайских огней — на несколько секунд воздух превращается в озон — режуще-острый — плывущее опаловое облако едкого драконо-фениксового дыма. На миг империя рушится, ее князья и правители бегут в свое стигийское болото, эльфы-огнеметатели шлют им вслед плюмажи серы, которые обжигают поджатые задницы отступающих. Дитя-ассасин, психэ огня, царит в мире — одну короткую ночь, жаркую, словно пёсья звезда.

МИФЫ ХАОСА

“Незримый Хаос (по-те-ктеа) Непреходящий, ничей, Хаос последней тьмы, Нетронутый и неприкосновенный. — Песня маори

Хаос угнездился на небесной горе: огромная птица, словно желтый мешок или алый огненный шар, с шестью ногами и четырьмя крылами — она не имеет лица, но пляшет и поет.

Или: Хаос — черный длинношерстный пес, слепой и глухой, лишенный пяти интуиций.

Хаос-бездна был вначале; следом Гея-Земля, следом Вожделение-Эрос. От этих троих произошли две пары — Эреб и старуха-Ночь, Эфир и Дневной свет. Ни бытие, ни небытие, ни воздух, ни земля и ни пространство:

“Что в движении было? Где? Под чьим покрывалом? Чем были воды, непроницаемые, глубокие?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было Различия между ночью и днем.

“ Без дуновения само собой дышало Единое, И ничего, кроме него, не было.

“ Вначале тьма была сокрыта тьмою, Все это [было] неразлично, текуче. От великого тапаса зародилось Единое, Покрытое пустотою.

“ И началось [тогда] с желания — оно Было первым семенем мысли.

“ Связку сущего и не-сущего Отыскали, восприемля в сердце, Прозорливые мудрецы.

“ Верь их простерта поперек. Было ли Внизу [что], было ли вверху?

“ Носители семени были, силы были. Вождение — Внизу, усилия — вверху.

“ Кто поистине знает, кто теперь бы поведал, Откуда возникло это мироздание?

— «Ригведа»[8]

Тиамат — Хаос-Океан — медленно извергает из чрева ил и слизь, горизонты, небо и водянистую мудрость. Это ее потомство становится шумным и неуправляемым: она подумывает, не уничтожить ли его.

Но Мардук, вавилонский бог войны, восстает против старой ведьмы и ее чудищ — порождений Хаоса, хтонических тотемов: Червя, Женщины-гиганта, Великого Льва, Безумного Пса, Человека-Скорпиона, Воющей Бури — драконов, идущих во славе, будто боги — и против самой Тиамат, великой морской змеи.

Мардук обвиняет ее в том, что она заставляет сыновей бунтовать против отцов — она любит Тумана и Тучу, начала беспорядка. Мардук первым правил, первым изобрел правительство. В битве он убивает Тиамат и из ее тела формирует упорядоченный материальный мир. Он вдохновитель Вавилонской империи — затем из ошметков и кровавых внутренностей кровосмесителя, сына Тиамат, он создает человеческий род, чтобы он вечно услаждал богов — а еще их первосвященников и помазанников-царей. Отец Зевс и олимпийцы ведут войну против матери Геи и титанов — этих поборников хаоса, древних путей охоты и собирательства, бесцельного бродяжничества, андрогинности и животной свободы. Амон-Ра (сущий) сидит в одиночестве в первобытном Океане-Хаосе НУНА, мастурбируя и создавая прочих богов, — но Хаос проявляет себя и в виде змея Апофиса, которого Ра должен уничтожить (вместе с его славой, его тенью и его магией), чтобы фараоны могли править

без страха — победа, каждый день ритуально воссоздаваемая в царских храмах, чтобы запугать и проклясть врагов государства, космического порядка.

Хаос — Хунь Дун, властитель Срединного царства. Однажды Южное море, император Шу, и Северное море, император Ху (шу ху = молния), явились навестить Хунь Дуна, который всегда относился к ним хорошо. Желая отплатить ему за доброту, они сказали: «У каждого существа есть семь отверстий, чтобы видеть, слышать, есть, испражняться и т. д., а у бедного старого Хунь Дуна нет! Давай просверлим их ему!». Так они и сделали — сверлили по отверстию в день, пока на седьмой день Хаос не умер.

Но... Хаос — это к тому же огромное куриное яйцо. В нем родился Паньгу и растет 18 тысяч лет — наконец яйцо раскалывается, распадается на небо и землю, янь и инь. А Паньгу вырастает в столп, который держит всю вселенную — точнее, он становится вселенной (дыхание — ветер, глаза — солнце и луна, кровь и гуморы — реки и моря, волосы и ресницы — звезды и планеты, сперма — жемчуг, костный мозг — нефрит, блохи на нем — люди и т. д.).

Или же становится человеком-чудовищем — Желтым Императором, или же становится он Лао-цзы, пророком Дао. Собственно, бедный старый Хунь Дун и есть Дао собственной персоной.

«Музыка природы не существует вне вещей. Различные отверстия, трубы, флейты, все живые существа, вместе взятые, составляют природу. "Я" не может произвести вещи, а вещи не могут произвести "Я", которое существует само по себе. Вещи — то, чем они являются спонтанно, они не имеют причины вне себя самих. Все в мире естественно и не знает, почему это так. 10 тысяч вещей имеют 10 тысяч различных состояний, и все находятся в движении, как будто есть истинный повелитель, движущий их, — но если мы начнем искать доказательства существования этого повелителя, мы их не найдем» (Куо Сиань).

Любое реализованное сознание есть «император», чья форма правления сама по себе состоит в том, чтобы ничем не нарушить естественность природы, Дао. «Мудрец» — это не сам Хаос, но скорее верное дитя Хаоса, одна из блох Паньгу, кусочек плоти чудовищного сына Тиамат. «Небо и земля, — говорит Чжуан-цзы, — родились в тот же миг, что и я, и 10 тысяч вещей едины со мной». Онтологический анархизм не склонен соглашаться лишь с тотальным квиетизмом даосов. В нашем мире Хаос низвергнут младшими богами, моралистами, фаллократами, банкирами-жрецами, готовыми повелителями слуг. Если бунт окажется невозможным, в крайнем случае можно начать тайный духовный джихад. Так вперед же, за боевыми знаменами анархистского черного дракона, Тиамат, Хунь Дуна.

Хаос никогда не умирал.

ПОРНОГРАФИЯ

В Персии я увидел, что стихи должны сопровождаться музыкой и их нужно петь или декламировать — по одной только причине — потому что это *работает*.

Правильное сочетание образа и звука приводит слушателей в состояние «хал» (нечто среднее между эмоциональным/эстетическим настроением и трансом или состоянием сверхсознания), заставляет их заходиться в плаче и танцевать — то есть демонстрировать соразмерную физическую реакцию на искусство. Для нас же связь между телом и поэзией потеряна еще в эпоху бардов — читая, мы дышим газом картезианской анестезии. На севере Индии даже немзыкальная декламация провоцирует слушателей на шум и движение, каждая удачная строчка вызывает овацию «Ва! Ва!» и изящные аплодисменты. Зрители кидают монеты... Мы же слушаем поэзию, как это делал бы научно-фантастический разум в кувшине — в лучшем случае, отвечая сдержанным смешком или гримасой, рудиментами деятельности ротового отверстия, в то время как остальное наше тело находится где-то на далекой планете.

На Востоке поэтов порой швыряют в темницу — это своего рода похвала, поскольку подразумевается, что автор совершил нечто столь же реальное, как воровство, изнасилование или революция. У нас же поэты могут публиковать все, что заблагорассудится — и это своего рода наказание, тюрьма без стен, без эхо, без осязаемого существования — туманные юдоли печати или абстрактной мысли — мир без риска и эроса.

Итак, поэзия вновь мертва — и даже если мумия ее сохраняет некоторые исцеляющие способности, самовоскрешение не из их числа.

Если правители откажутся считать стихи преступлениями, тогда кому-то придется совершать преступления, которые будут выполнять роль стихов или текстов, обладая при этом характерным для терроризма резонансом. Любой ценой восстановить связь поэзии и тела. Преступления не против тела, а против Идей (и Идей-в-Вещах), мертвых и удушливых. Не тупой либертинаж, но образцовые преступления, эстетические преступления, преступления во имя любви. В Англии некоторые порнографические книги до сих пор запрещены. Порнография оказывает соразмерный физиологический эффект на читателей. Подобно пропаганде она порой изменяет жизнь, поскольку демонстрирует настоящие желания.

Наша культура основывает большую часть производимого ею порно на ненависти к телу — но эротическое искусство как таковое представляет собой неплохое средство для развития бытия/осознания/счастья — подобно некоторым восточным произведениям. Нечто вроде западного тантрического порно могло бы помочь гальванизировать тело, заставить его сиять преступным блеском.

В Америке есть свобода слова — все слова там признаны равно выдохшимися. Во внимание принимаются только образы — цензоры любят снимки смерти/травм, но застывают в ужасе при виде мастурбирующего ребенка — видимо они расценивают это, как посягательство на их экзистенциальную узаконенность, на их идентификацию с Империей и ее тончайшими жестами.

Нет никакого сомнения в том, что даже самое поэтичное порно не заставит безликий труп танцевать и петь (как это делает китайская Птица-Хаос) — но... представим сценарий трехминутного фильма, снятого на сказочном острове сбежавших детей, живущих в развалинах древних крепостей или строящих тотемные хижины и шалаши из подручного хлама — смесь анимации, комбинированных съемок, компьютерной графики и цветной пленки — смонтированной профессионально, как реклама фаст-фуда.

...но обнаженные и странные, перья и кости, палатки, прошитые кристальной нитью, черные псы, пятна голубиной крови на янтарных ветках, перепутанных буреломом — лица в звездчатых масках, целующие нежные складки кожи — пираты-андрогины, лица отверженных коломбин, спящих на цветах, белых, как кожа их бедер, отвратительные и веселые шутки с мочой, ручные ящерицы, лакающие пролитое молоко — обнаженный брейк-данс — викторианская ванна с резиновыми утками и розовыми членами — укуренная Алиса...

...атональный панк-реггей, аранжированный под гамелан, синтезатор, саксофоны и ударные — детский хор, поющий гимны для электрического буги — поэзия онтологического анархизма, помесь Хафиза и Панчо Вильи, Ли Тай Бо и Бакунина, Кабира и Тцары — и назовем это «ХАОС — Рок-Видео!»

Но... Это всего лишь мечты... Слишком дорого, чтобы снять, и, кроме того, кто станет это смотреть? Явно не дети, которых это должно развратить. Пиратское телевидение — бесполезная фантазия, рок — всего лишь еще один товар — так забудем же об изящном искусстве. Устелем же детскую площадку неподвластными огню пошлыми фельетонами — порнопропаганда, безбашенный самиздат ради освобождения Желания из оков.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Справедливость невозможно достичь никакими законами — действие в согласии со спонтанной природой, действие поистине справедливое не определяется никакими догмами. Преступления, которые я защищаю в этих заметках, не могут быть совершены против себя или других — а лишь против разъедающей кристаллизации идей в ядовитые структуры тронов и власти.

То есть не преступления против природы или человечества, но преступления, совершенные во имя правосудия. Рано или поздно раскрытие и обнажение себя и природы превращает человека в разбойника — как если бы он вышел в другой мир, а потом вернулся и обнаружил, что его объявили изменником, еретиком, изгнанником. Закон только и ждет, чтоб ты споткнулся на образе жизни, почувствовал себя душой, отличающейся от прошедшего проверку санитарной инспекции стандартного куска мертвой плоти с фиолетовой печатью — и как только ты начинаешь действовать в гармонии с природой, Закон надевает на тебя гарроту и душит — так что не надо играть в блаженного либерального мученика «среднего класса»: смирись с фактом, что ты преступник и действуй соответственно.

Парадокс: объять хаос не значит скользить по направлению к энтропии, наоборот, это вспышка энергии, словно у звезд, мгновенное озарение благодатью, спонтанный органичный порядок, не имеющий совершенно ничего общего с разлагающимися мертвыми пирамидами из султанов, муфтиев, кади и ухмыляющихся палачей. Вслед за Хаосом приходит Эрос — принцип порядка, заключенный в небытии непознанной самости. Любовь — это структура, система, единственный код, не запятнанный рабством и наркотическим сном. Мы должны стать мошенниками и бандитами, чтобы уберечь ее духовную красоту под покровом тайны, в скрытом саду шпионажа.

Не довольствуйся простым выживанием, пока кто-нибудь не устроит революцию, чтобы прочистить тебе мозги, не записывайся в армии анорексии или булимии — действуй так, словно ты уже свободен, подсчитай остаток, выйди вперед, вспомни Code Duello[9]: кури трубку/ешь курицу/пей чай. У каждого своя лоза и своя смоковница (Круг седьмой Корана, Благородный Дрю Али), с гордостью носи свой паспорт мавра, не попадай под перекрестный огонь, прикрывай спину, но рискуй, танцуй, пока не заизвестковался.

Естественная социальная модель онтологического анархизма — это банда подростков или шайка грабителей банка. Деньги — это ложь: наше приключение должно быть возможным и без них — потратим зелень, пока она вновь не обратилась в пыль. Сегодня день воскресения — деньги, потраченные на красоту, пройдут алхимическую трансмутацию и превратятся в эликсир. Как говорил мой дядюшка Мелвин, краденый арбуз слаще. Мир уже создан заново по велению сердца — но цивилизации принадлежат все арендные договора и все пушки. Наши дикарские ангелы требуют, чтобы мы вошли в чужие владения, потому что проявляют себя только на запретной территории. Человек с Большой Дороги. Йога скрытности, молниеносный рейд, наслаждение сокровищем.

КОЛДОВСТВО

Вселенная хочет играть. Те, кто отказываются от игры из соображений сухой духовной скупости и предпочитают чистое созерцание, лишаются собственной человечности — те, кто отказываются из-за оупляющего страдания, те, кто колеблются, теряют свой шанс в мире божественного — те, кто лепят себе безглазые маски из идей и мечтают в поисках подтверждений тому, что они твердо стоят на ногах, кончают тем, что смотрят на мир глазами мертвецов.

Колдовство: систематическое культивирование усиленного сознания или неординарного знания, и распространение на мир деяний и предметов с целью достигнуть желаемого результата.

Открытие внутренних каналов восприятия постепенно изгоняет фальшивые «я», наши какофонические призраки — «черная магия» вендетты и зависти отстреливается, потому что Желание не терпит насилия. Там, где наше знание о красоте приходит в гармонию с *ludus naturae*, начинается колдовство.

Нет, не сгибание ложек и не гороскопы, не «Золотая заря» и не поддельный шаманизм, астральная проекция сатанинской мессы — если вам требуется мумбо-юмбо, займитесь реальными вещами: банковским бизнесом, политикой, общественными науками, а не этой дохлой чепухой в духе Блаватской.

Колдовство занимается тем, что создает вокруг себя вселенную, не выразимую обычным путем: метаморфоза повседневности в ангельские сферы. Для этого требуется манипуляция символами (они ведь тоже предметы) и людьми (они ведь тоже символы): архетипы представляют собой словарь, необходимый для этого процесса, и поэтому воспринимаются одновременно как реальность и как нереальность — как слова, йога воображения.

Колдун — простой реалист: мир реален — но тогда и сознание должно быть реальным — ведь его плоды так осязаемы. Зануде даже вино кажется безвкусным, а колдун может опьянеть и от одного вида воды. Мир опьянения определяется качеством восприятия — но чтобы сохранить его и распространить на *других*, необходим определенный род деятельности — колдовство. Колдовство не нарушает законов природы, потому что Природного Закона не существует: есть лишь спонтанность *natura naturans*, Дао. Колдовство нарушает законы, которые стремятся поработить этот поток, — попы, цари, иерофанты, мистики, ученые и лавочники всех сортов — *враги* колдуна, ибо он угрожает их фарсовой власти, цепкой прочностью их иллюзорной сети. Стихотворение может действовать как заклятие и наоборот — но колдовство отказывается служить метафорой обычной литературе — оно настаивает на том, что символ должен влечь за собой события так же, как личные богоявления. Оно не критика, а создание заново. Оно отрицает любую эсхатологию и метафизику уничтожения, унылую ностальгию и напористый футуризм — в пользу пароксизма или припадка *присутствия*.

Ладан и хрусталь, кинжал и меч, жезл, мантия, ром, сигары, свечи, травы подобны засушенным сновидениям — девственный юноша, пристально глядящий в банку с чернилами — вино и анаша, мясо, янтры и жесты — ритуалы наслаждения, сад гурий и сакий — колдун карабкается по этим змеям и лестницам к моменту, полностью насыщенному собственными красками: когда горы — это горы, а деревья — деревья, когда тело становится всем временем, а тот, кого любишь, — всем пространством.

Тактика онтологического анархизма коренится в этом тайном искусстве — в его расцвете обнаруживаются цели онтологического анархизма. Хаос наказывает своих врагов и вознаграждает приверженцев... эта странная желтеющая брошюра, подписанная псевдонимом и покрытая пылью, разоблачает все... вперед же, за долей секунды из вечности.

РЕКЛАМА

То, что перед вашими глазами, — не проза. Оно может быть припилено к доске, но оно еще живо и извивается. Оно не имеет намерения соблазнить вас, если только вы не крайне молоды и не хороши собой (пришлите недавнюю фотографию).

Хахим Бей живет в зачуханной китайской гостинице, владелец которой клюет носом над газетой и убогими афишками Пекинской оперы. Вентилятор под потолком крутится, как ленивый дервиш — пот капает на страницу — кафтан поэта видел лучшие времена, с его самокрутки на коврик сыплется пепел — его монологи кажутся бессвязными и слегка зловещими — за окном с задернутыми шторами дворик, который переходит в пальмы, наивную голубизну океана, философию тропикализма.

На шоссе где-то к востоку от Балтимора вы проезжаете мимо фургона, а рядом на газоне большой плакат с надписью «Духовное чтение» и изображение грубой черной ладони на красном фоне. Внутри вы замечаете целую выставку слоников, книг о магии чисел, брошюр о Вуду и сантерии, пыльные старые нудистские журналы, стопку «Жизни мальчишки», трактаты о петушиных боях... и эту книжку, «Хаос». Будто слова, произнесенные во сне, эфемерные, исчезающие, превращающиеся в ароматы, птиц, краски, забытую музыку.

Эта книга как бы отдалена от всего непроницаемостью своей поверхности, почти как стекло. Она не виляет хвостом и не рычит, но кусается и опрокидывает мебель. На ней нет номера ISBN, она не вербует вас в адепты, но может похитить ваших детей.

Это книга нервная, как кофе или малярия, — она раскидывает целую сеть коротких дорожек и безопасных местечек между собой и читателем — но она так прямолинейна и буквальна, что фактически зашифровывает сама себя — укуривается до ступора.

Маска, автомифология, карта без названий и мест — неподвижная, как египетская фреска, она, однако, тянется, чтобы погладить кого-то по щеке — и вдруг оказывается на улице, во плоти, воплощенной в свете, идущей, бодрствующей, почти довольной.

Примечания

[1] свет и наслаждение (лат.); здесь и далее — прим. перев.

[2] безумная любовь (фр.) Термин несет идеологическую нагрузку, поскольку отсылает к французским романтикам и особенно к французским «проклятым поэтам» (в частности к Бодлеру): *amiou fou* противопоставляется скучному, банальному, мелочному, по-лавочнически расчетливому образу жизни обывателя (буржуа).

[3] Примеры взяты из жизни: доллары со смотровой галереи Нью-Йоркской фондовой биржи разбрасывали в 1967 году «йиппи»; уничтожением денег занимался живущий во Франции русский художник-эмигрант анархист Толстый (Владимир Котляров), а также британская арт-группа «K Foundation», отправившая в топку миллион фунтов наличными в 1994 году.

[4] Пример карнавалистской провокации Хахим-Бея: чашниками называлось умеренное крыло гуситов, а само гуситское движение возникло спустя 2 века после падения государства исмаилитов, столицей которого и был описываемый здесь Хахим-Беем Аламут. Упоминание чашников — это именно «метафизическая сплетня»: Хахим-Бей сводит воедино две плебейско-уравнительные радикальные ереси — гуситов у христиан и исмаилитов-

низаритов у мусульман, причем и те, и другие создали собственные государства с центрами в горных крепостях (Табор и Аламут).

[5] Аттар — аромат, запах. Аттаром называются мусульманские духи (от араб. итр — аромат), которые, в отличие от европейских, не имеют спиртовой основы, а составляются путем смешивания ароматических масел.

[6] Имеются ввиду «уэзермены» — члены леворадикальной подпольной террористической группировки, действовавшей в США в конце 60-х — начале 70-х гг.

[7] Хеймаркет-сквер — площадь в Чикаго, на которой по призыву редактора немецкой эмигрантской газеты «Арбайтер Цайтунг» А. Шписа состоялся митинг протеста против расстрела в Чикаго 1 и 3 мая полицией рабочих, требовавших 8-часового рабочего дня. Во время митинга в толпу была брошена бомба (судя по всему, полицейским провокатором Р. Шнабельтом), 8 человек (в т.ч. 6 полицейских) было убито, 67 ранено, а полиция устроила на площади бойню. По обвинению в «анархистском заговоре» и «терроризме» лидеры рабочего движения в Чикаго были приговорены к смерти. В память об этих событиях I (Парижский) конгресс II Интернационала постановил праздновать ежегодно 1 мая как День международной революционной солидарности трудящихся.

[8] перевод с санскрита В. А. Кочергиной.

[9] дуэльный кодекс (*ит.*) — всякий дворянин XVIII в. был обязан держать копию этого кодекса в ящике с дуэльными пистолетами, дабы не было возможности сослаться на незнание правил дуэли. Здесь — аллюзия на кредо Мавританского храма науки, цитируемое далее.

Хаотическая лингвистика

1985, источник: [здесь](#)

Не на правах полноценной науки, но в качестве предложения: что, если некоторые проблемы лингвистики можно решить, рассматривая язык как сложную динамическую систему или «хаотическое поле»? В свете этого среди всех откликов на лингвистику Соссюра наибольший интерес представляют два следующих довода: во-первых, генеалогию «антилингвистики» можно проследить – в период модерна – начиная с отъезда Рембо в Абиссинию и заканчивая ницшевским «Я боюсь, мы не избавимся от Бога, потому что мы ещё верим в грамматику», дадаистами, Коржибски («Карта не есть Территория»), методом нарезок и «прорывом в Серой комнате» Берроуза, а также нападками Зерзана на язык вообще как олицетворение репрезентации и опосредованности.

Во-вторых, нас интересует лингвистика Хомского, с его верой в «универсальную грамматику» и древовидными диаграммами, – она представляет собой (на мой взгляд) попытку «спасения» языка посредством открытия «неявных констант», во многом схожую с попытками некоторых учёных «спасти» физику от «иррациональности» квантовой механики. И хотя следовало бы ожидать, что, будучи анархистом, Хомски примкнёт к нигилистам, по сути, его красивая теория имеет больше общего с платонизмом или суфизмом, чем с анархизмом. Традиционная метафизика трактует язык как чистый свет, преломляемый в цветном стекле архетипов; Хомски, в свою очередь, рассуждает о «врождённой» грамматике. Слова – это листья, ветви – это предложения, праязыки – сочленения, языковые семьи – стволы, корни же обретаются на «небесах»... или в ДНК. Я называю это «герметалингвистикой» – имея в виду сочетание герметического и метафизического. Мне кажется, что нигилизм (или, следуя по стопам Берроуза, «хэвиметал-лингвистика») завёл языковую теорию в тупик и угрожает сделать её «невозможной» (предприятие грандиозное, хотя и весьма удручающее) – в то время как Хомски даёт обещание и сохраняет надежду на то, что в самый последний момент придёт спасение, и в это мне верится с не меньшим трудом. Я бы и сам хотел «спасти» язык, хотя и не прибегая при этом к помощи «Призраков» и не уповая на Бога, игральные кости или Вселенскую мудрость.

Возвращаясь к Соссюру и его посмертно опубликованной работе, посвящённой анаграммам в латинской поэзии, мы обнаруживаем указания на некий процесс, который каким-то образом неподвластен динамике означающего/означаемого. Соссюр пытался нащупать своеобразную «мета»-лингвистику, проистекающую изнутри языка, нежели предписанную ему извне в качестве категорического императива. Похоже, что как только язык начинает играть, как в случае с акростихами, ставшими предметом его исследования, он начинает резонировать сам с собой, увеличивая сложность на порядки. Соссюр попытался выразить анаграммы количественно, однако полученные ряды чисел неизменно от него ускользали (как будто там были замешаны нелинейные уравнения). Более того, он начал обнаруживать анаграммы повсюду, даже в латинской прозе. Он стал задаваться вопросом, не мерещатся

ли они ему – или не являются ли они порождением естественного процесса говорения. В итоге проект он забросил.

Я спрашиваю себя: если достаточное количество такого рода данных пропустить через компьютер, сможем ли мы приблизиться к тому, чтобы сконструировать модель языка в терминах сложных динамических систем? Тогда выяснится, что грамматика не является «врождённой», а проистекает из хаоса как спонтанно возникающие «высшие степени порядка», рассуждая в терминах пригожинской «творческой эволюции». Грамматику можно было бы уподобить «странному аттрактору», как та скрытая закономерность, что «повлекла» за собой анаграммы, – эти закономерности хотя и «реальны», но «существуют» лишь внутри порождённых ими закономерностей второго порядка. Если значение ускользает от нас, возможно, причина этого в том, что сознание как таковое – а значит, и язык – фрактальны.

На мой вкус, испорченный анархизмом, эта теория кажется более удовлетворительной, чем антилингвистика или хомскианство. Из неё следует, что язык в состоянии преодолеть репрезентацию и опосредованность, и не в силу своей врождённости, а потому, что он есть хаос. Из этого можно было бы сделать вывод о том, что целью всех дадаистских экспериментов (Фейерабенд называл свою школу научной эпистемологии «анархистским дада»), касавшихся звуковой поэзии, жеста, нарезок, языков зверей и т. п., был не поиск или уничтожение смысла, а его создание. Нигилизм мрачно указывает на то, что язык порождает значение «случайным образом». Хаотическая лингвистика радостно соглашается, добавляя при этом, что язык способен преодолеть язык, что языку по силам сотворить свободу из семантической тирании смятения и упадка.

Чёрная корона и чёрная роза

2019, источник: [здесь](#)

Анархо-монархизм и анархо-МИСТИЦИЗМ

Во снах мы грезим только о двух образах правления — анархии и монархии. Исконные глубины сознания не разбираются в политике и никогда не играют по правилам. Демократическая мечта? Социалистическая мечта? Это невозможно. Даруют ли ускоренные движения моих глаз в фазе быстрого сна столь реальные, почти пророческие видения, или же всего лишь венское исполнение желаний, только короли и дикие люди населяют мои ночи. Монады и номады.

Бледный день (когда ничто не сияет своим собственным светом) подкрадывается и втирается в доверие, намекает на то, чтобы мы пошли на компромисс с тоскливой и тусклой реальностью. Но во снах ничто не управляет нами, кроме любви и чародейства, в которых так поднаторели хаоты и султаны.

В среде людей, которые не способны творить или играть, но могут только *работать*, художники также не имеют иного выбора, кроме анархии и монархии. Подобно сновидцам, они должны обладать — и *обладают* — своим собственным восприятием, и ради этого они обязаны жертвовать «тиранической Музе» всем, что не более чем социально. Искусство умирает, когда с ним обращаются «по правилам». Оно должно наслаждаться дикостью пещерного человека, или же пусть какой-нибудь князь наполнит золотом его рот. Бюрократы и торговцы отравляют его, профессора пережёвывают, а философы выплёвывают. Искусство — своего рода византийское варварство, пригодное исключительно для знати и язычников. Если бы вы знали сладость жизни поэта в царствование продажного, коррумпированного, декадентского, неэффективного и смешного паши или эмира, какого-нибудь шаха Кажара, какого-нибудь короля Фарука, некой королевы Персии, вы бы знали, что это именно то, чего должен желать каждый анархист. Как любили они поэмы и картины, эти мёртвые роскошные дураки, как впитывали они в себя все розы и прохладные бризы, тюльпаны и лютни! О да, их жестокость и капризы достойны ненависти — но, по крайней мере, они были человеческими. Но бюрократы, что пачкают стены разума лишённой запаха

грязью — столь любезно, столь *gemutlich*[1], — которые загрязняют внутреннюю атмосферу отупением, — они не заслуживают даже ненависти. Они едва существуют вне бескровных Идей, которым служат.

И, кроме того: сновидец, художник, анархист — разве не разделяют они определённый оттенок жестокого каприза с самыми отъявленными из моголов? Возможна ли подлинная жизнь без доли безумия, эксцесса, без вспышек Гераклитовой «войны»? Мы не правим, но мы не можем быть и не будем *управляемы*.

В России народники-анархисты иногда подписывали подложные указы и манифесты именем царя; в них самодержец якобы сетовал на то, что алчные дворяне и бесчувственные чиновники заперли его во дворце и отрезали от любимого им народа. Он требовал отмены крепостного права и призывал крестьян и рабочих восстать во Имя Его против правительства.

Зачастую этот приём оказывался успешным в деле разжигания бунтов. Почему? Потому, что один абсолютный правитель метафорически действует как зеркало уникальной и высшей абсолютной личности. Каждый крестьянин, каждая крестьянка смотрели в эту зеркальную легенду и созерцали его или её собственную свободу — иллюзию, но такую, которая почерпнула своё волшебство в логике мечты.

Вероятно, в XVII веке похожий миф вдохновлял рантеров, антиномистов и провозвестников Пятого царства, которые стекались под знамя якобитов с их эрудированными интригами и заговорами на почве крови и чести. Радикальные мистики сначала были преданы Кромвелем, а затем Реставрацией — так почему бы им, в конце концов, не объединиться с дерзкой кавалерией и щёгольской аристократией, с розенкрейцерами и масонами Шотландского обряда, чтобы возвести оккультного мессию на трон Альбиона?

Среди людей, которые не способны представить себе общество без монарха, страсти радикалов могут найти выражение в монархической терминологии. Среди людей, которые не способны представить себе человеческое существование без религии, радикальные страсти могут говорить на языке ереси.

Даосизм отверг всю конфуцианскую бюрократичность, но сохранил образ Императора-мудреца, который молча сидит на своём троне с благосклонной улыбкой, не делая абсолютно ничего. В исламе исмаилиты взяли идею Имама как слуги Пророка и трансформировали её в «Имама-самого-по-себе», совершенную личность вне Закона и всяких правил, которая искуплена Единым. И эта доктрина подняла их на бунт против ислама, вдохновила на террор и убийства во имя чистого эзотерического самоосвобождения и тотальной реализации. Классический анархизм XIX века определял себя через борьбу против короны и церкви, поэтому на этапе пробуждения считался эгалитарным и атеистическим. Однако такая риторика затеняет то, что происходит в действительности: «царь» становится «анархистом», «священник» — «еретиком». В этом странном дуэте изменчивости нет места политику, демократу, социалисту, рациональному идеологу; они глухи к музыке, и им совершенно недостаёт чувства ритма. Террорист и монарх — это *архетипы*; прочие же являются всего лишь функционерами.

Некогда анарх и король, схватив друг друга за глотки, вальсировали *totentanz*[2] — роскошная битва! Теперь, однако, оба они отправлены в мусорное ведро истории — устаревшие раритеты праздного и более утончённого прошлого. Они кружатся так быстро, что, кажется, сливаются воедино... могли ли они каким-то образом стать одним целым, сиамскими близнецами, Янусом, причудливым единством? «Сон разума...» ах! самых вождённых и вожделеющих чудовищ!

Онтологическая анархия провозглашает категорически, прямо и почти настырно: да, эти двое теперь одно. Как единое целое возрождён отныне анарх/король; каждый из нас — властелин своей собственной плоти, своих творений — и многого другого, что можем мы захватить и удержать.

Наши действия оправданны законом, и наши отношения строятся на основе союзов с другими автархами. Мы творим закон для наших собственных владений, разрывая цепи закона. В настоящее время, возможно, мы выживаем лишь как незаконные претенденты, но даже так мы способны захватить несколько мгновений, несколько квадратных метров реальности, чтобы навязать ей нашу абсолютную волю, наше *royaume*[3]. *L'état, c'est moi*[4]. Если мы связаны какой-либо этикой или моралью, она должна быть той, какую мы сами вообразили, неправдоподобно более возвышенной и освобождающей, нежели «моральная щёлочь» пуритан и гуманистов.

«Вы подобны богам» — «Ты есть То».

Слова «монархизм» и «мистицизм» используются здесь отчасти *pour epater*[5] тех эгалитарно-атеистических анархистов, которые с благочестивым ужасом реагируют на любое упоминание о помпезности или суевериях-слухах. Бархатной революции под звоны хрустальных бокалов *они* не дождутся!

Наше антиавторитарное качество, однако, расцветает на почве барочного парадокса; оно оказывает предпочтение состояниям сознания, эмоциям и эстетике перед всеми окаменелыми идеологиями и догмами; оно охватывает множественность и наслаждается противоречиями. Онтологическая анархия — это жупел для БОЛЬШИХ умов. Неудачный перевод названия (и ключевого термина) важнейшего произведения Макса Штирнера как «Эго и его собственность» привёл к тонкой ошибке в интерпретации «индивидуализма». Англо-латинское слово «*ego*» нагружено и утяжелено фрейдистским и протестантским багажом. Внимательное прочтение Штирнера предполагает, что «Уникальный и его самость»[6] лучше отражало бы его намерение, учитывая, что он никогда не определял эго *через оппозицию* к либидо или Ид, как и через оппозицию к «душе» или «духу». Уникального (*der Einzige*) лучше всего рассматривать просто в качестве личности как таковой. Штирнер не предаётся метафизике, однако сообщает Уникальному известную абсолютность. А раз так, то каким образом этот *Einzige* отличается от «Я» Адвайта-веданты? *Tat tvam asi*: Ты (индивидуальное Я) есть То (абсолютное Я).

Многие считают, что мистицизм «растворяет эго». Вздор. Только смерть способна на это (или, по крайней мере, так предполагают наши саддукеи). Не уничтожает мистика и «плотское» или «животное» Я, что было бы равносильно самоубийству. Что мистицизм

действительно пытается преодолеть, так это ложное сознание, иллюзию, Общепринятую реальность и все те личностные пороки, которые вытекают из этих недугов. Подлинная мистика создаёт «умиротворённую личность», личность, наделённую могуществом. Наивысшая цель метафизики (достигнутая, к примеру, Ибн Араби, Бёме и Раманой Махарши) состоит в том, чтобы в некотором смысле самоуничтожиться, выявить метафизическое и физическое, трансцендентное и имманентное как ЕДИНОЕ. Некоторые *радикальные монисты* вывели эту идею далеко за рамки простого пантеизма или религиозной мистики. Восприятие имманентного единства бытия вдохновляло определённые имморалистские ереси (рантеров, ассасинов), которые мы полагаем своими предтечами.

Что касается самого Штирнера, то он, по-видимому, глух к возможности духовных интерпретаций индивидуализма, и в этом он — родившийся уже после того, как христианский мир пришёл в упадок, но задолго до открытия Ориенталистики и тайной иллюминатской традиции в Западной алхимии, революционных ересей и оккультной активности — остаётся верен духу XIX столетия. Штирнер питал вполне оправданное презрение к тому, что было известно ему как «мистицизм», а именно, к простой набожной сентиментальности, основанной на самоотречении и ненависти к миру. Несколько лет спустя Ницше вбил последний гвоздь в крышку гроба «Господня». Кто с тех пор осмелился бы предположить возможность примирения и синтеза индивидуализма и мистицизма?

Недостающий Штирнеру компонент (Ницше подошёл к этому ближе) — это рабочее понятие *необычного сознания*. Реализация уникальной личности (или *ubermensch*[7]) должна резонировать и расширяться как волны, или спираль, или музыка, чтобы охватить непосредственным опытом либо интуитивным восприятием уникальность самой реальности. Такая реализация поглощает и стирает всякую двойственность, дихотомию и диалектику. Она несёт в себе, как электрический заряд, интенсивное и молчаливое ощущение *самоценности*: она «обожествляет» личность.

Бытие/сознание/блаженство (*satchitananda*)[8] невозможно сбросить со счетов как всего лишь один из штирнеровских «призраков» или «винтик в голове». Это не провозглашение чисто трансцендентного принципа, во имя которого *Einzige* следовало бы пожертвовать своей самостью. Речь идёт о простом утверждении того, что интенсивность осознания существования как такового приводит к «блаженству» — или, выражаясь менее нагруженным языком, «ценностному сознанию». Конечная цель Уникального состоит в том, чтобы *обладать* всем; радикальный монист достигает этого через отождествление себя с тем, что он воспринимает, подобно китайскому художнику — создавая картину кисточкой и тушью, он «становится бамбуком», который «рисует сам себя».

Несмотря на таинственные намёки Штирнера по поводу «союза Уникальных» и невзирая на «вечное Да» Ницше и возвеличивание им жизни, кажется, что их индивидуализм каким-то образом воспитывает *холодность по отношению к другим*. Отчасти они культивировали закалку, очистительное охлаждение в противовес удушливому теплу сентиментальности и альтруизма XIX века; отчасти же они просто презирали то, что кто-то (Менкен?) определил как «*Homo Boobensis*»[9].

И всё же, читая за и под слоем льда, мы раскрываем следы огненной доктрины — возможно, того, что Гастон Башляр назвал «Поэтикой Другого». Отношения *Einzige* с Другим не могут быть определены или ограничены какой-либо институцией или идеей. И всё же ясно, как это ни парадоксально, что Уникальный в полноте своей зависит от Другого, и не может и не будет реализован в какой-то горькой изоляции.

Примеры «волчьих детей» и *enfants sauvages*[10] демонстрируют, что младенец, слишком долго лишённый общества людей, никогда не достигнет полноты человеческого сознания, никогда не обретёт язык. Возможно, Дикий ребёнок служит поэтической метафорой Уникального и всё же одновременно знаменует собой ту грань, где Уникальный и Другой должны встретиться, соединиться, слиться — или, в противном случае, оказаться не в состоянии достичь всего, что им предназначено, и обладать этим.

Другой отражает Я — Другой является нашим *свидетелем*. Другой завершает Я — Другой даёт нам ключ к восприятию единства бытия. Когда мы говорим о бытии и сознании, мы говорим о Я; когда мы говорим о блаженстве, мы вовлекаем Другого.

Овладение языком проходит под знаком Эроса — всякое общение в сущности своей эротично, любые отношения являются эротическими. Авиценна и Данте утверждали, что любовь движет звезда и светила по их орбитам. И «Ригведа», и «Теогония» Гесиода провозглашают Любовь первым богом, родившимся после Хаоса. Привязанности, синхронии, эстетическое восприятие, вспышки прекрасного, веселье — всё самое ценное, чем обладает Уникальный, возникает из соединения Я и Другого в созвездии Страсти.

Здесь проект, начатый индивидуализмом, может быть вновь развит и воскрешён благодаря инъекции мистицизма и, конкретно, Тантры. Как эзотерическая *техника*, обособленная от ортодоксального индуизма, Тантра служит символической основой («Сетью драгоценностей») для идентификации сексуального наслаждения и особенного состояния сознания. Все имморалистские секты — от семей Любви и Свободных братьев до адамитов Европы, от суфийских педерастов из Персии до даосских алхимиков в Китае — несли в себе определённый тантрический аспект. Даже классический анархизм содержал в себе подобные тантрические моменты: здесь можно вспомнить фаланстеры Фурье, «мистический анархизм» Г. Иванова[11] и других русских символистов *fin-de-siècle*[12], кровосмесительный эротизм в «Санине» Арцыбашева, равно как и жуткое сочетание нигилизма и культа Кали, вдохновившее Бенгальскую террористическую партию (к которой мой тантрический гуру Шри Каманарансан Бисвас имел честь принадлежать)...

Мы, однако, предполагаем гораздо более глубокий синкретизм анархии и Тантры, чем любое из этих течений. Фактически, мы просто предлагаем, чтобы индивидуалистический анархизм и радикальный монизм считались впрямь одним и тем же движением.

Этот гибрид был назван «спиритуальным материализмом» — термин, который сжигает все метафизики в огне единства духа и материи. Нам также нравится «Онтологическая анархия», поскольку она предполагает, что само бытие остаётся в состоянии «божественного Хаоса», всепотенциальности, непрерывного творения. В этом потоке только *дживамукти*, или «освобождённая личность», достигает самореализации, являясь, таким

образом, монархом или властителем своих восприятий и отношений. В этом непрерывном потоке только желание предлагает какой-то организующий принцип, а значит, единственное возможное сообщество (как это понимал Фурье) — это сообщество влюблённых.

Анархизм мёртв, да здравствует анархия! Мы больше не нуждаемся в багаже революционного мазохизма или идеалистического самопожертвования, или фригидного индивидуализма с его презрением к веселью и *совместной жизни*, или вульгарных суеверий атеизма, сциентизма и прогрессизма XIX столетия. Всё это мёртвый груз! Неряшливый пролетарский чемодан, тяжёлый буржуйский пароходный кофр, унылое портмоне философа — всё за борт!

От этих систем мы хотим перенять только их витальность, жизненную силу, отвагу, непримиримость, гнев, беспечность — основу их могущества, их *шакти*. Прежде, чем выбросить за борт весь этот хлам и саквояжи, мы распотрошим багаж, чтобы извлечь оттуда бумажники, револьверы, драгоценности, наркотики и другие полезные вещи — мы сохраним то, что нам нравится, и избавимся от прочего мусора. Почему нет? Разве мы священники, чтобы скорбеть над мощами и бормотать мартирологи? В монархизме тоже есть кое-что, что может нам пригодиться — изящество, лёгкость, гордость, чрезмерное изобилие. Мы оставим это себе, а все пороки власти и истязание отправим в мусорный ящик истории. И мистицизм может кое-что нам предложить — «самопреодоление», экзальтацию осознания, резервуары психических способностей. Это мы конфискуем от имени нашего восстания, а пороки морали и религии оставим гнить и разлагаться.

Как говорили рантеры при встрече с «ближним» — кем бы он ни был, королём или воришкой-карманником, — «Возрадуйтесь! Всё принадлежит нам!»

Примечания

[1] Приятно (*нем.*); здесь и далее — прим. перев.

[2] Пляска смерти (*нем.*).

[3] Царство, королевство (*фр.*).

[4] Государство — это я (*фр.*).

[5] С целью эпатировать (*фр.*).

[6] В отличие от английского варианта («*The Ego & Its Own*»), русский перевод («Единственный и его собственность»), авторами которого являются Б. В. Гиммельфарб и М. Л. Гохшиллер, близок к оригиналу («*Der Einzige und sein Eigentum*»). Однако, учитывая, что Хаким Бей в качестве наиболее адекватного использует термин «*The Unique*», здесь и далее в тексте будет, вопреки сложившейся в России историко-философской традиции, употребляться понятие «Уникальный», более компактное, нежели в равной степени

подходящая в данном контексте дефиниция «Единственный в своём роде».

[7] Сверхчеловек (*нем.*).

[8] Сатчитананда — определение Брахмана в веданте.

[9] Так Генри Луис Менкен определял христианских фундаменталистов.

[10] Дикае дети (*фр.*).

[11] Хаким Бей ошибся в инициале. Очевидно, имеется в виду русский поэт, филолог, эссеист Вячеслав Иванович Иванов, автор статьи «Идея неприятия мира», опубликованной в 1906 году в качестве вступления к книге Георгия Чулкова «О мистическом анархизме».

[12] Конец века (*фр.*).

Ислам и евгеника

1997, источник: [здесь](#)

“Окрась твой молельный коврик вином...”

- Хафиз[1]

В персидской алхимии высшие стадии трансмутации называются черный свет (нур-и сиях) и зеленое/золото. Одни ставят выше первую, другие - вторую, но обе могут рассматриваться как манифестации друг друга. Черный свет есть ничто, но в тоже время это абсолютный свет, темная сторона бога, Хаос и Древняя Ночь, черное солнце полуночи, присутствие отсутствия, проявляющееся в виде света. Зеленое/золото (цвета Пророка и философского камня, изумруда египетского герметизма) представляют другую половину теогонии Гесиода, Эрос и Гею-Страсть, зелень живого мира. Как сказано в хадисе, "три вещи в этом мире достойны внимания - вода, зелень и красивое лицо". Суфии считали, что черный свет - это прекрасное пятнышко, веснушка или родинка, на этом красивом лице. Черный, прекрасный. Знамена революционного и эзотерического Ислама - черного и зеленого цветов. Есть и другая гамма - красный и зеленый, ибо известны таинственные слова Пророка: "Я пришел за черным и красным". Удивительно, ведь это цвета богини - на память сразу приходит обвинения византийцами мусульман в поклонении "голове Афродиты". Кроме того, это цвета анархо-синдикализма. Разумеется, это всего лишь совпадение.

РЕЛИГИЯ МЕЧА

В модели Хантингтона/ЦРУ "Столкновении цивилизаций" Ислам представлен своего рода болезнью, которую необходимо изолировать и сдерживать. Неолиберальная модель "Глобального рынка" рассматривает Восток как источник сырья (например, черного золота) и дешевой рабочей силы, которую нужно эксплуатировать. Природные ресурсы следует забрать, рабочую силу - оставить. Естественно, что мусульманская иммиграция "на Север" не слишком вписывается в эти планы. Если Ислам - "болезнь", то "беженцы" - вирус, проникающий сквозь иммунную систему границ. Следуя логике Рынка, потрясений не избежать. Старый ответ либералов на проблему иммиграции состоял в попытке сделать иммигрантов европейцами и американцами, уничтожив различия ради сходства. Новый либеральный ответ в большей степени полагается на откровенно репрессивные меры - изоляцию в "санитарных зонах", стремительное увеличение числа пограничных патрулей, иммиграционную полицию и слежку.

Обойдемся без либерально-гуманитарных пошлостей в духе неправительственных организаций о тяжелой участи беженцев (может, нам стоит выдать всем иммигрантам по компьютеру, чтобы они вышли во всемирную сеть?). Интереснее признать, что иммиграция - это серьезная проблема, а Ислам действительно представляет угрозу для Глобальной культуры. Порожденная глобализацией иммиграция злоупотребляет гостеприимством хозяев, которые вынуждены разбираться со своими местными кризисами сокращения рабочих мест и приватизацией. Сами иммигранты отправляются на Север, привлеченные блеском "Макдональдса" и "Диснейлэнда" или бегут от экономической и политической разрухи в своей стране, которую, кстати, спровоцировал хищнический Глобальный капитализм. Так или иначе, после встречи со "свободой" в "свободном мире" их ждет горькое разочарование. Воспоминания о родине и гармоничном обществе, уничтоженном нищетой и коррупцией, скоро покажутся утопией перед лицом новой нищеты Севера, его расизма и отчуждения.

На примитивном уровне эта ностальгия соблазняет прислушаться к фундаменталистской риторике. **Но надо учитывать, что Ислам подразумевает значительно более глубокую и сложную критику современного мира, чем та, которую предлагают "исламисты".** Здесь есть целый ряд направлений. Мы приведем несколько примеров, не давая оценок: воинствующий антиколониалистский суфизм{1} Эмира Абдель-Кадера, Ливийский Орден Сануссийа; необычный анархо-суфизм Зеленой Книги полковника Каддафи (Каддафи восстал против суфийского короля, но сам был воспитан как суфий); шиитский социализм мученика Али Шариати; идея Махди или спасителя, как коллективной сущности; концепция социальной справедливости, запрет на ростовщичество (делающий невозможным Глобальный капитализм), героический Орден Накшбандий, веками оказывающий сопротивление империализму. Если заглянуть в глубь веков, мы увидим персидских и сирийских Низари, ассасинов, которые, провозгласив День Воскресения, во имя эзотерического преображения освободили ряд замков - и т.д. и т.п. Так мы дойдем до самого Пророка: профессионального революционера, вождя партизан, вернувшегося из ссылки для создания эгалитарного иконоборческого мистико-военного режима в Мекке. Список можно продолжать.

ЗЕЛЕНАЯ МЫСЛЬ В ЗЕЛеноЙ ТЕНИ

Хидр - "носящий зеленое", тайный Пророк, трикстер, властелин сновидений тех, кто ищет, не нуждаясь в ином властелине. Он пил живую воду в Гиперборее и обрел бессмертие. Он приносит воду заблудившимся в пустыне путникам. Он носит зеленые одежды. Незнакомец на любом собрании может оказаться им. Согласно одной из версий, Хидр - водяной дух, подобный "верующим джиннам". Его следы зарастают цветами и травами. Он святой покровитель суфийских эко-воинов - во имя его нужно создать Орден Хидрийа. Он будет воинственнее Greenpeace или Earth First! и встанет не только на защиту экологического сельского хозяйства, но и сакральной дикой природы.

МОЯ ИСТОРИЯ

Мавританская Ортодоксальная Церковь (МОЦ) является признанным ответвлением Мавританского Храма Науки (МХН), созданного в 1913г. в Ньюарке (Нью Джерси) Благородным Тимоти Дрю Али, чернокожим, которого приняло племя Чероки. Он путешествовал по Египту, выступая фокусником в цирке, и получил посвящение в Большой пирамиде. Его Коран Седьмого Круга основан на теософическом христианстве и аутентичных народных исламских традициях, сохранившихся в Америке со времен рабства. Мавританская Наука пользовалась большим успехом, особенно в Чикаго, где Благородный Дрю Али был убит полицией в 1929 г. У Дрю были расистские теории, но он был анти-расистом. МХН считает кельтов азиатской расой (что в определенном смысле верно), а персов - мусульманами-индоевропейцами (это соответствует действительности). Поэтому МХН выдавал белым паспорта кельтов и персов. В последствие от Храма откололись различные общины, в том числе и МОЦ, которая была основана в 1964 году.

В 60-е годы МОЦ являлась межрасовой, межконфессиональной организацией, интересовавшейся психоделиками. Курение гашиша было объявлено таинством. В Милльбруке существовало отделение Церкви, расположившееся в поместье миллионера. Там приютились Тим Лири, Шри Рам Ашрам, Нео-Американская церковь и другие общины. Эдакий "церемониальный энтеогенизм". Некоторое время о МОЦ не было слышно, но в 1986 году Церковь проявилась по случаю столетия со дня рождения Благородного Дрю Али. Сегодня МОЦ в значительной степени является сетью общения широкого круга друзей и союзников. Периодически выходят номера "Вестника Мавританской Науки", существует сайт The Moorish Observatory и ряд других идеологически связанных Интернет-страниц.

Один из тезисов Церкви гласит, что различия хороши, ибо помогают практиковать терпимость, общение, уживчивость и обмен подарками. "Любовь, Истина, Мир, Свобода и Справедливость".

ВОЙНА С РАЗЛИЧИЯМИ

В XIX-XX веках жертвами евгеники в Америке оказался ряд социальных групп с исламскими корнями. Обычно к ним относили тех, кого считали помесью беглых черных рабов, индейцев и вероотступников из числа белых крепостных (обычно ирландцев). Поэтому их называли "изгоями трех рас". Некоторые из этих групп были основаны - по крайней мере, частично - беглыми рабами-мусульманами. Полукровки-мелунгеоны происходят от мавританских "новообращенных", которых испанцы завезли рабами во Флориду и там оставили. Делаварские мавры, турки из Луизианы и племя Бен Исмаэль в Огайо - у всех них исламские корни.

Кельты в этих группах происходят не от рабов времен Кромвеля. Согласно мифам и легендам индейских племен побережья Новой Англии, они появились намного раньше.

Ирландские монахи и поселенцы достигли острова Тортуга раньше викингов, обойдясь значительно меньшей кровью (вспомним о легендарном путешествии Святого Брендана). Африканцы, несомненно, тоже достигли этих земель раньше Колумба. Изучая неписаную историю "изгоев трех рас", нельзя забывать о многочисленных мирных торговых путешествиях до воинственного вторжения европейского империализма, о поселениях в Винланде и уэльских индейцах (народное предание, получившее неожиданное археологическое подтверждение).

В 1970-е годы под влиянием Движения Американских Индейцев (American Indian Movement или AIM) эти социальные группы сбросили гнет евгеники. Они осознали себя племенами, "нациями" со своей идентичностью и историей. Мавританская Ортодоксальная Церковь считает эти группы настоящими американцами. Их культуры объединяют нашу реальную неписаную историю с "забытым" наследием коренных американцев, африканцев, "белого отребья" {2}, на основе трайбализма, расовой терпимости и эмпирических свобод. Нас не может не вдохновлять древнейшее участие исламских идеи в нашем наследии.

ТЮЛЬПАНОМАНИЯ

В Восточной Европе повсюду видны следы бывшего османского присутствия - заброшенные, закрытые и разрушающиеся хаммамы, мечети, киоски и т.п. Брошенное наследие. Возможно ли, забыв древнюю вражду между "христианами и неверными", воспринимать эти руины лишь с эстетической точки зрения, просто смотреть на них и любоваться? Почему бы и нет.

Созерцание воскресит воспоминания о целом ряде "хороших вещей", существовавших в Османской империи - садах, тюльпанах, каллиграфии, суфийских оркестрах, поэтической утонченности, чувственности, гашише. В каком то смысле это - чистой воды "ориентализм", симпатия к восточной экзотике, но чему удивляться - у Востока есть своя романтика. Что плохого в том, что я перечислил?

Размышляя об останках османского мира, стоит задуматься о турецкой системе управления. Племя Османов управляло из Стамбула огромной империей, вело торговлю на территории не меньшей, чем Римская империя. Меньше всего они хотели, чтобы вековая вражда мешала обороту их золотых византинов[2]. По милетской[3] системе каждое религиозное меньшинство имело юридическую автономию (хотя ислам обладал исключительными правами). Византийский патриарх и по сей день находится в Стамбуле. Османскую империю интересовали налоги, а не идеология и расовые предрассудки. Младотурки восстали против османов, чтобы выместить старую ненависть к грекам и армянам, которые долгое время находились под защитой империи. Допустим, османы были чудовищами, но что мы скажем о них, прожив век коммунизма{3} и десятилетие Глобального капитализма?

Иншалла, когда-нибудь Сараево возродится как уникальный союз европейских мусульман и христиан (я говорю об общинах в широком смысле, а не о вероисповеданиях), созданный на основе взаимной терпимости и созидания, как процветающий город-государство с

исламским наследием. Это будет фантастический прилив сил, приток энергии прошлого, которое, наконец, станет нашим. Это будет больше, чем пустое оправдание старых османов, исламских халифов и изобретателей фесок.

ДЖИХАД

"Ислам" в Европе и Америке? Почему бы нет? Почему не порадоваться этому? Независимые анклавные территории в Берлине, Париже, Лондоне, связанные идеями анархо-федерализма с другими автономными зонами, сквотами, социальными центрами, эко-фермами, свободными сельскими муниципалитетами и прочими антикапиталистическими и негегемонными образованиями. Революционное разнообразие против Молоха, Мамоны и культуры глобальной одинаковости. Почему не внедрить в так называемую западную культуру вирус критики, направленной против тирании образа - иконоборческое дыхание пустыни? Реакционный фундаментализм давно предал сам себя и перестал быть революционной силой. Так не пора ли найти что-то другое: "дух Сараево", например, или замки ассасинов...

Нью-Йорк

16 августа 1997 г.

Примечания

[1] Хафиз, Мухаммад Шамсуддин (ум.1389) - персидский суфий, великий мистический поэт.

[2] Византин - (золотая византийская монета, ходившая в Европе с 9 века).

[3] Милет - город на ионийском побережье в Малой Азии.

{1} Суфизм — направление в исламе, направленное на борьбу человека с сокрытыми душевными пороками и духовное воспитание личности (*прим. ред.*)

{2} Белое отребье ("white trash") — расистски-классистское оскорбление для обозначения американских «недисциплинированных, неблагодарных и отвратительных» бедных белых, отличающихся от «благородных и трудолюбивых» богатых белых. (*прим. ред.*)

{3} Имеются в виду **авторитарные** попытки построить коммунизм, вроде СССР, стоившие больших жертв и не пришедшие к успеху. (*прим. ред.*)

Блеф устойчивого развития

2019, источник: [здесь](#)

В последнее время – когда я слышу разговоры об «устойчивом развитии» (*sustainability*) – меня посещает мысль о том, что, будь у меня револьвер, я бы за него непременно схватился. «Устойчивое развитие» превратилось в кодирующую матрицу для трансляции программы, вызывающей у меня отвращение, – для спасения Капитализма. Очевидно, Припозднившийся Капитал на всех парах катится к «глобальному» рагнарёку, и так продолжается с момента великого подъёма Технопатократии около 1830 года (когда, по словам Герберта Уэллса, «родился первый лишний человек») – то есть с первых дней Промышленной революции, триумфа Машины над Природой. Ницше относит рождение *Последнего человека* примерно к этому же периоду; таким образом, первым суждено было стать последними.

Единственный смысл устойчивого развития в том, чтобы сохранить автомобили, перепроектировав их для работы на солнечной энергии или растительном масле, чтобы сохранить автомагистрали, автостоянки, реактивные самолёты, пригородные лужайки, буржуазное яппи-либеральное чванливое самоудовлетворение и развлечения «первого мира» – превратив их при этом в нечто пресное, хрустящее, «экологичное», «органическое», улыбочное, беленькое и пушистенькое – и продолжать в том же духе *вечно* – вот и вся «устойчивость». Чтобы отсрочить Крах, даже если для этого придётся пожертвовать большей частью человечества и среды его обитания ради того, что считается по-настоящему *ценным*, – Соединённых Штатов – или, если угодно, США (А). Чтобы сбегать на Марс с г-ном Маском в беспилотном космическом корабле, места в котором будут «поделены» с другими миллиардерами, а все эти простолюдины смогут пойти нахуй, вместе с их убудочным «стилем жизни» и фастфудом.

Солнечная и ветроэнергетика, эта панацея устойчивого развития, сама по себе тоже является причиной появления обширных, эстетически отталкивающих inferнальных ландшафтов и источником отравляющего загрязнения – фабрики (разумеется, расположенные в Мексике) должны производить эти понатыканные всюду чужеродные серые панели и ветряные мельницы в духе Войны миров (неподвластные никакому несчастному Дон Кихоту) – чтобы накрыть пустыни чёрным стеклом и заполнить океаны скрежещущими исполинами, истребляющими птиц, – и всё это ради того, чтобы МЫ САМИ могли по-прежнему наслаждаться нашей омерзительной здоровой пищей, идиотскими айфончиками, поносными компьютерами и унылыми телевизорами – не говоря уже о наших армиях и полицейских формированиях, наших бюрократах, политиках, юристах, «прорывных инноваторах» из Силиконовой долины и всех прочих паразитах и хуеплётах из класса угнетателей, которые могут лишь отбирать и не готовы ничем делиться.

Забудьте об устойчивом развитии. Забудьте об эффективности. Эффективность – это дьявольское дерьмо. Нахуй «зелёный капитализм» и его прелестный корпоративный рог изобилия потребительских помоев и «дизайнерской» хуерги от дерьмовых дизайнеров. Технология не решит «проблемы», которые она же сама и породила, как и не сможет героин избавить вас от морфиновой зависимости или мышьяк спасти от отравления мышьяком. Единственный способ избавиться от гнёта полоумных машин – это *расхерачить машины*. Луддиты поняли это ещё в 1812 году. Кувалда – наше единственное спасение.

Обучение Кали-Юге

1990, источник: [здесь](#)

Кали-Юге осталось играть нами примерно двести тысяч лет — счастье для аватар и защитников ХАОСА, горе для браминов, яхвистов, божков-бюрократов и их прихлебателей.

Я понял, что Дарджиллинг хранит для меня какую-то тайну, едва услышав его название — *dorje ling* — Город Молнии. Прибыл я в 1969 году, прямо перед муссонами. Старая британская станция на холме, летняя резиденция бенгальского правительства — улицы как деревянные винтовые лестницы, Променад с видом на Сикким и гору Катченунга — тибетские храмы и беженцы — красивые люди из желтого фарфора, называемые лепча (настоящие аброригены) — индусы, мусульмане, буддисты, непальские и бутанские, опустившиеся британцы, которые потеряли дорогу домой в 1947 году и до сих пор обслуживают свои пыльные банки и чайные магазины.

Встретил Ганеш-Бабу, толстого саддху с белой бородой и чересчур безупречным оксфордским акцентом — никогда не видел, чтобы кто-то курил столько анаши, трубку за трубкой, — а после мы бродили по улицам, он же играл в мяч с орущими детьми или ввязывался в базарные драки, гнался с зонтиком за перепуганными клерками, а потом заливался громким смехом.

Он познакомил меня с Шри Камарансаном Бисвасом, крошечным средних лет чиновником бенгальского правительства в поношенном пиджаке, который вызвался научить меня Тантре. Жил господин Бисвас в шатком бунгало на вершине туманного, крутого и поросшего сосной холма, и я ходил к нему раз в день, принося литры дешевого коньяка для пуджи и просто для выпивки — а он просил меня за разговором курить, потому что анаша тоже посвящена Кали.

В бурной молодости господин Бисвас был членом Бенгальской террористической партии, в которой состояли почитатели Кали и мусульманские мистики-еретики, а также левые радикалы и анархисты. Ганеш-Баба, по-видимому, одобрял его тайное прошлое как знак скрытой в господине Бисвасе тантрической силы — несмотря на его потертый, неприятный внешний вид.

Каждый день мы обсуждали прочитанные мной страницы сэра Джона Вудроффа («Артур и Авалон») — я приходил после полудня, сквозь холодный летний туман, за дымкой и кедрами тенью возникали тибетские ловушки для духов, хлопавшие под мокрым ветром. Мы отработывали Тара-мантру, Тара-мудру (она же Йони-мудра), изучали диаграмму Тара-янтры для применения в магии. Один раз мы посетили храм индуистского Марса (как у нас — одновременно планеты и божества), и он купил мне кольцо, сделанное из железного подковного гвоздя. Коньяк, анаша.

Тара: один из вариантов Кали. Атрибуты те же: крошечная, голая, вооруженная, четырехрукая, танцующая на трупе Шивы, в ожерелье из черепов или отрезанных голов, кровь течет с языка, кожа темно-синяя с серым — в точности как муссонные облака. Дожди каждый день — дороги перекрыты грязевыми лавинами. Кончается срок моего разрешения на пребывание в пограничной зоне. Мы с Бисвасом спускаемся с мокрых, скользких Гималаев на джипе, потом на поезде и попадаем в город его предков, Силигури, на плоской бенгальской равнине, где Ганг разливается размокшей зеленью дельты.

Мы навещаем в больнице его жену. В прошлом году наводнение в Силигури убило десятки тысяч человек. Началась холера, город стоит в руинах, разрушенный и заляпанный водорослями, палаты в больнице до сих пор перепачканы слизью, кровью, рвотой, зловонными выделениями смерти. Она сидит на кровати и, не мигая, смотрит на ужасные лики судьбы. Богиня с темной стороны. Он дарит мне цветную литографию Тары, которая чудесным образом всплыла на воде и была спасена.

В тот вечер мы посещаем церемонию в местном храме Кали, маленьком полуразрушенном придорожном деревенском храме — освещение только факельное — ритмическое пение под барабаны со странными, почти африканскими синкопами, совершенно неклассическое, первобытное и в то же время бесконечно сложное. Мы пьем, мы курим.

Один, на кладбище, возле полусожженного трупа, я прохожу инициацию в Тара-Тантру. На следующий день, в лихорадке и с замутненным сознанием, я прощаюсь и отправляюсь в Ассам, в великий храм йони Шакти в Гаухати, как раз к ежегодному празднеству. Ассам — запретная территория, и разрешения у меня нет[1]. В полночь я тайком схожу с поезда в Гаухати, пробираюсь назад по рельсам сквозь дождь, грязь до колен и полную темноту, попадаю наконец в город и нахожу гостиницу, полную клопов. К этому времени я измотан как собака. Не сплю.

Утром — автобус до храма, расположенного на близлежащей горе. Огромные башни, нависающие божества, дворики, приделы — сотни тысяч паломников — странные саддху, спустившиеся из ледяных пещер, сидят на корточках поверх тигровых шкур и монотонно поют. Овец и голубок режут тысячами, настоящая гекатомба — нигде ни одного белого сахиба — канавы на дюйм заполнены кровью — кривые мечи Кали бьют, бьют, бьют, мертвые головы скатываются на скользкую мостовую.

Когда Шива разрезал Шакти на 53 куска и рассеял их по всему бассейну Ганга, лоно ее вывалилось из корзины. Какие-то дружелюбные священники, говорящие по-английски, помогают мне найти пещеру, где йони выставлена на всеобщее обозрение. К этому времени я понимаю, что серьезно болен, но полон решимости завершить ритуал. Стая паломников (все по крайней мере на голову ниже меня) буквально обволакивает меня, как приливная волна на пляже, и бросает меня вниз головой по душевой, словно вырубленной троглодитами винтовой лестнице в клаустрофобную утробу пещеры, где, галлюцинируя и борясь с тошнотой, я плыву к бесформенному конусу метеорита, заляпанного вековыми наростами охры и топленого масла. Толпа расступается, позволяя мне набросить на йони мой жасминный венок. Неделей позже, в Катманду, я ложусь (на месяц) в немецкий миссионерский госпиталь с приступом гепатита. Невелика цена за все это знание — печень,

как у отставного полковника из рассказов Киплинга! — но я знаю ее, я знаю Кали. Да, несомненно, архетип всего этого ужаса, но для тех, кто знает, она превращается в щедрую мать. Позже, в лесной пещере над Рикшакшем я несколько дней размышлял о Таре (применяя мантру, янтру, мудру, благовония и цветы) и вновь обрел спокойствие Дарджилинга, его умиротворяющие видения.

Век Ее должен быть полон ужаса, ибо большинство из нас не может ни понять ее, ни прорваться сквозь ожерелье из черепов к жасминному венку, осознав, в каком именно смысле это одно и то же. Пройти сквозь ХАОС, проехать на нем, как на тигре, принять его (даже и сексуально), напитаться его шакти, его жизненной силой — вот Вера для Кали-Юги. Творческий нигилизм. Тем, кто следует ей, она обещает просветление и даже богатство — причастность к ее мирской силе.

Секс и насилие суть метафоры в стихотворении, которое действует прямо на сознание через воображение — или же, в надлежащих условиях, их можно применять и наслаждаться ими открыто, наполняясь ощущением святости всего вообще — от экстаза и дивных вин до смрада и трупов.

Те, кто не обращает на нее внимания или полагают ее чем-то от них отдельным, рискуют быть уничтоженными. Те, кто почитают ее как ишта-девата, божественное «я», ощущая ее алхимическое присутствие, видят ее Железный Век золотым.

Примечания

[1] Ассам — запретный для иностранцев штат, т. к. там, начиная с первой половины 60-х гг. XX в., маоистские повстанцы ведут партизанскую войну за независимость (*прим. перев.*).

Порнография

Источник: [здесь](#)

В Персии я увидел, что стихи должны сопровождаться музыкой и их нужно петь или декламировать — по одной только причине — потому что они действуют.

Правильное сочетание образа и звука погружает аудиторию в хал (нечто среднее между эмоциональным/эстетическим настроением и трансом или состоянием сверхсознания), заставляет ее заходиться в плаче или танцевать — то есть демонстрировать соразмерную физическую реакцию на искусство. Для нас же связь между телом и поэзией потеряна еще в эпоху бардов — читая, мы дышим картезианским антиэстетическим газом.

В Северной Индии даже немзыкальная декламация провоцирует слушателей на шум и движение, каждая удачная строчка вызывает овацию «Ва! Ва!», и изящные аплодисменты. Зрители кидают монеты... Мы же слушаем поэзию как это делал бы научно-фантастический разум в кувшине — в лучшем случае, отвечая сдержанным смешком или гримасой, рудиментами деятельности ротового отверстия, в то время как остальное наше тело находится где-то на далекой планете.

На Востоке поэтов часто сажают в тюрьму — это своего рода похвала, поскольку подразумевается, что автор совершил что-то, по меньшей мере, столь же настоящее, как воровство, изнасилование или революция. Здесь же поэты могут публиковать все, что заблагорассудится — и это своего рода наказание, тюрьма без стен, без эхо, без осязаемого существования — туманные юдоли печати или абстрактной мысли — мир без риска и эроса.

Так что поэзия вновь мертва — и пусть мумия сохранила некоторые исцеляющие способности, самовоскрешение не из их числа.

Если власти предрержащие откажутся считать стихи преступлениями, тогда кому-то придется совершать преступления, которые будут выполнять роль стихов или текстов, обладая при этом характерным для терроризма резонансом. Любой ценой восстановить связь поэзии и тела. Преступления не против тела, а против Идей (и Идей-в-Вещах), мертвых и удушливых. Это не идиотское свободомыслие, но образцовые преступления, эстетические преступления, преступления во имя любви.

В Англии некоторые порнографические книжки до сих пор запрещены. Порнография оказывает соразмерный физиологический эффект на читателей. Подобно пропаганде она порой изменяет жизнь, поскольку демонстрирует настоящие желания.

Наша культура основывает большую часть производимого ею порно на ненависти к телу — но эротическое искусство как таковое представляет собой неплохое средство для развития бытия/осознания/счастья — подобно некоторым восточным произведениям. Нечто вроде

западного тантрического порно могло бы помочь гальванизировать тело, заставить его сиять преступным блеском.

В Америке есть свобода слова — все слова там признаны равно выдохшимися. Во внимание принимаются только образы — цензоры любят снимки смерти/травм, но застывают в ужасе при виде мастурбирующего ребенка — видимо они расценивают это, как посягательство на их экзистенциальную узаконенность, на их идентификацию с Империей и ее деталями.

Нет никакого сомнения в том, что даже самое поэтичное порно не заставит безликий труп танцевать и петь (как это делает китайская Птица-Хаос) — но... представим сценарий трехминутного фильма, снятого на сказочном острове сбежавших детей, живущих в развалинах древних крепостей или строящих тотемные хижины и шалаши для компаний торчков — смесь анимации, комбинированных съемок, компьютерной графики и цветной пленки — смонтированной профессионально, как реклама фаст-фуда.

...но обнаженные и странные, перья и кости, палатки, прошитые кристальной нитью, черные псы, пятна голубиной крови на янтарных ветках, перепутанных буреломом — лица в звездчатых масках, целующие нежные складки кожи — пираты-андрогины, лица отверженных коломбин, спящих на цветах, белых, как кожа их бедер, отвратительные и веселые шутки с мочой, ручные ящерицы, лакающие пролитое молоко — обнаженный брейк-данс — викторианская ванна с резиновыми утками и розовыми членами — упыханная Алиса....

...атональный панк-реггей, аранжированный под гамелан, синтезатор, саксофоны и ударные — детский хор, поющий гимны для электрического буги — поэзия онтологического анархизма, помесь Хафиза и Панчо Вильи, Ли Тай Бо и Бакунина, Кабира и Цары — и назовем это «ХАОС — Рок-Видео!»

Но... Это всего лишь мечты... Слишком дорого, чтобы снять, и, кроме того, кто станет все это смотреть? Явно не дети, которых это должно развратить. Пиратское телевидение — бесполезная фантазия, рок — всего лишь еще один товар — забудем же об изящном искусстве. Устелим детскую площадку неподвластными огню пошлыми фельетонами — порнопропаганда, безбашенный самиздат для того, чтобы освободить Желание из оков.

Кредо средств массовой информации для fin de siecle

Источник: [здесь](#)

1

Мы можем определить «средства массовой информации» согласно тому, как выражает или не выражает себя данная среда, чтобы быть «объективной» — в трех смыслах этого слова, а именно то, что она «объективно сообщает» относительно действительности; что она определяет себя как часть естественного состояния действительности; и что она принимает то, что действительность может быть отражена и представлена в качестве объекта обозревателем этой действительности.

«Средства массовой информации» — обозначение, используемое здесь как во множественном, так и в единственном числе, — ставят в скобки все субъективное и изолируют его от основной структуры медиации, которая открыто признана самоотражающим взглядом социального, «беспристрастного», «уравновешенного», чисто эмпирического репортажа. Преднамеренно стирая линию между объективным и субъективным — как в «infotainment», или в «мыльных операх», которые, как много людей верят, «реальны», или в документальных полицейских программах «с реальной жизнью», или в рекламировании, или в ток-шоу — СМИ строят изображение из ложной субъективности, пакетированной и проданной потребителю в качестве подобия его / ее собственных «чувств», «личных мнений» или субъективности. И в то же самое время, Средства информации строят ложную объективность (или построены на ее основе), ложную тоталитарность, которая навязывает себя в качестве авторитетного взгляда на мир — гораздо большего чем любой простой предмет — неизбежного, неотвратимого, истинной силы Природы.

Таким образом, каждое «чувство» или «личное мнение», возникающее в пределах потребителя, чувствуется как глубоко личным, так и объективно истинным. Я покупаю это, потому что я люблю это, потому что это лучше; я поддерживаю Войну, потому что это справедливо и благородно, и потому что это производит такое интересное волнение («Буря в пустыне», мини-сериалы, сделанные для телевизионного прайм-тайма). Таким образом, кажется, что, чтобы опровергнуть одно только субъективное (или поставить в скобки, как

«искусство»), Средства массовой информации активно восстанавливают объект и воспроизводят его в виде элемента единого целого, полного отражения всеобщего взгляда: совершенный товар — себе.

2

Конечно все СМИ ведут себя подобно этому в некоторой степени, и, возможно, должны быть сознательно отвергнуты или «критиковаться» точно в такой же степени. Книги могут быть столь же ядовиты, как Радио Тор-40, и так же ложно объективны, как Вечерние Новости. Большое различие — то, что любой может произвести книгу. Это стало «близкой средой», такой, в которой задействованы критические способности, потому что теперь мы знаем и понимаем книгу субъективной. Каждая книга, как заметил Кальвино, реализовывает свою персональную *politique*, сознает ли автор это или нет. Наше понимание этого увеличилось в прямой пропорции с нашим доступом к среде. И точно, потому что книга больше не обладает той аурой объективности, которой наслаждались, скажем, в 16-ом столетии, эта аура мигрировала из личных средств информации в «Средства массовой информации», в «общественные» средства информации, типа телевидения.

В этом смысле средства массовой информации остаются по определению закрытыми и недоступными моей субъективности. СМИ хотят строить мою субъективность, а не быть построенными ей. Если это произойдет, они станут — снова по определению — другой близкой средой, лишенной требований быть объективной, сокращенной (в Захватывающих сроках) до относительной незначительности. Очевидно, СМИ будут сопротивляться этой возможности, но будут делать это так точно, приглашая меня вложить мою субъективность в их разностороннюю деятельность. Они восстановят мою субъективность, поставят ее в скобки, и начнут использовать ее, чтобы укрепить собственную ложную объективность. Они продадут мне иллюзию того, что я «выразил себя», либо, продавая «выбранный» мною образ жизни, либо, приглашая меня «появиться» в пределах представления взглядов.

3

В 1960-ых СМИ все еще были в процессе своего становления и еще не укрепили контроль над царством изображения. Произошло несколько странных поломок. Они пробовали тривиализировать и демонизировать контркультуру, но по неосторожности преуспели в создании ее привлекательного образа; они пробовали прославлять и оправдывать неокOLONIAльную войну во Вьетнаме, но по неосторожности показали ее жестокой и бессмысленной, подобно дурной галлюцинации, вызванной ЛСД. Эти поломки происходили из-за разногласия между идеологией и изображением. Голос сказал нам, что контркультура шутовская и злая, но она напоминала забаву; голос сказал нам, война справедливая и героическая, но она напоминала Ад. К счастью для СМИ, несмотря на это, Маршалл Маклюэн и Ги Дебор, согласились объяснить, что происходит на самом деле, и ситуация была скоро исправлена. (Маклюэн хотел уполномочить СМИ, Дебор — уничтожить их, но оба автора исследовали и критиковали с таким пониманием дела, что их результаты оказались

полезными для СМИ в качествах, которые ни один из них не мог и предположить). Средства массовой информации были способны перенести идеологию и изображение в фокус, если можно так выразиться, и устранять фактически все внутренние разногласия.

4

В течение 1960-ых некоторые люди начали ощущать или даже понимать несоответствие идеологии с изображением в средствах массовой информации, и почувствовали в тот момент щель, неохранные средства доступа к власти). Контркультура и движения протеста начали разыскивать «разоблачение средств массовой информации», потому что они были уверены, что их изображение было более привлекательно чем идеология, которая стремилась интерпретировать это изображение. Некоторые теоретики стали всеведущими при захвате средств массовой информации. Глаз, казалось, непреодолимо привлекало пристально глядеть на некоторые изображения, даже на те изображения, которые были зашифрованы как нападения на «систему» или «истеблишмент». Но повторимся еще раз, СМИ выжили — и даже процветали — на самих оппозиционных диссидентских образах, стремившихся нападать на власть. Наконец, что было важно, было «хорошее телевидение», и телевидение процветало на горячих образах протеста, трюках радикально настроенных хиппи, дьявольских рок-звездах, психоделической эстетике и т.п..

Средства информации казались теперь гораздо более сильными и более эластичными, чем оппозиция; фактически, телестудию действительности штурмовали (как утверждал Берроуз), и она сопротивлялась, открывая все воображаемые двери и глотая врагов. В конечном счете, можно было появляться в Средствах информации только в виде образа, и как только один уменьшил себя до этого статуса, он просто присоединился к теневой игре предметов потребления, мира образов, зрелища.

Без нескольких сотен миллионов на покупку сети непосредственно для вас, не имелось никакого способа наложить субъективность на СМИ. (И даже это оказалось невозможным, так как никто с такими большими деньгами и сомнением никогда не мог производить совсем не гнетущую банальность; является ли это «законом природы»?)

Другими словами, в шестидесятых средства массовой информации проиграли несколько сражений, но выиграли войну. Как только они поняли, что среда (изображение) — это послание (идеология), и что эта идентичность непосредственно составляет зрелище и их мощь, будущее стало безопасно. Кеннеди действовал подобно актеру, чтобы получить власть, а Рейган был актером — первым символом восхождения зрелища и их разъединения в виде чистого моделирования. Потом Буш совершенствовал «чистоту» или моделировал войну, но Клинтон является нашим первым полностью «виртуальным» президентом, символом абсолютной идентичности образа и идеологии. Дело не в том, что теперь СМИ имеют всю «власть», или что они используют ее любым конспирологическим способом. На самом деле, не существует никакой «власти», есть только полная и ложная тоталитарность, о которой собственно и идет речь, ложная и тоталитарная объективность — абсолютная Империя Образа, вне которой ничего нет, кроме патетической, ничего незначащей, и (фактически) нереальной субъективности индивидуума. Моя субъективность. Моя

абсолютная бессмысленность.

5

Поскольку дело обстоит так — и это так очевидно — то казалось бы причиной для изумления, что теоретики средств массовой информации и активисты все еще говорят и ведут себя, как будто они в 1964, а не в 1994 — почти на треть столетия позже. Мы все еще слышим о «захвате средств массовой информации», проникающем, ниспровергающем, или даже о преобразовании средств массовой информации. Конечно, некоторые из манипуляторов основных средств массовой информации 60-ых все еще живы, Аллах благословляет и сохраняет их, старых битников и хиппи, и можно прощать им то, что они докучают нам своей тактикой, которая когда-то, кажется, работала для них. Что касается меня, то, несмотря на это, был один из тех старых типов 60-ых, кто предупредил меня относительно того, что действительно происходит. В 1974 я был на обеде в Тегеране, Иран, в доме самого хиппового канадского посла Джеймса Джорджа с Иваном Ильичем, когда пришла телеграмма от Губернатора Брауна из Калифорнии, который приглашал Ильича лететь туда за его — Брауна — счет, чтобы появиться с ним на ТВ и принять пост в администрации. Ильич, который был довольно святым индивидуумом, потерял самообладание первый и единственный раз в течение своего пребывания в Иране, и начал проклинать Брауна. Когда мы с Послом выразили замешательство при виде этой реакции на сердечное предложение денег, известности и влияния, Ильич объяснил, что Браун пытается уничтожить его. Он сказал, что он никогда не появится по телевидению, потому что его полная задача состоит в том, чтобы предложить критический анализ организаций, а не волшебную пилюлю, чтобы вылечить болезни человечества. Телевидение было способно предложить только простые ответы, а не сложные вопросы. Он отказался стать гуру или звездой средств массовой информации, когда его реальная цель состояла в том, чтобы вдохновить людей, чтобы подвергнуть сомнению власть и начать думать самим. Браун хотел показать образ Ильича (харизматического, умеющего четко формулировать свои мысли, с необычными взглядами, вероятно, очень телевизионного) но не заставлять задумываться относительно критических анализов Ильича общества потребления и политической власти. Кроме того, «Дон Иван» сказал, что он ненавидит летать и принял наше приглашение на Иран, только потому, что наше письмо было настолько полно печатных ошибок!

6

Ответ Ильича на вопрос, «почему Вы не появляетесь в средствах массовой информации?», был о том, что он отказался исчезать из средств массовой информации. Каждый человек в силу своей истинной субъективности не может появляться в «средствах массовой информации» (и политическое персонально настолько, насколько персональное политично); поэтому нужно отказать СМИ в любой вампирической энергии, которую они могут извлечь из манипуляции (или просто владения) изображением.

Я не могу «захватить средства массовой информации» даже если я покупаю их и принимать гласность от, скажем, «Нью-Йорк Таймс», журнала «Тайм» или сети телевидения, что просто составило бы commodification моей субъективности, либо эстетический («чувства», искусство), либо критический («мнения», агитация и пропаганда). Если я желаю вызвать этот commodification — если я хочу деньги и известность — должна быть какая-то причина для «появления в СМИ» — даже при риске потерпеть поражение и быть рассекреченным (Взглядом, который открыт, надоедлив и легко сбит с толку). Но если я оцениваю мою субъективность как нечто большее по сравнению с сомнительной азартной игрой в известность в течение 15 минут и дважды, смотря насколько много серебряных монет, я буду иметь одну очень хорошую причину не «появляться», не быть пристально разглядываемым. Если я хочу, чтобы моя собственная «каждодневная жизнь» была местом чудес, я отнюдь не желаю воплощать эти желания в бестелесную прогрессию образов для общественного потребления (или отклонения), тогда я буду иметь другую хорошую причину уклониться от средств массовой информации, а отнюдь не пытаться «захватить» их. Если я желаю «революции», у меня есть неоспоримый повод, чтобы не менять шанс социального изменения на изображение изменения, или (даже хуже) на изображение моего желания революции, или (еще хуже) на изображение предательства моего желания.

7

С этой точки зрения я могу видеть только две возможные стратегии по отношению к «Средствам Массовой Информации». Во-первых, вкладывать наши усилия в хорошо знакомые средства массовой информации, которые все еще могут играть подлинную роль («положительное медиации») в повседневных жизнях нас самих и других людей. И во-вторых, приближаться «к главным общественным средствам массовой информации» (или «отрицательной медиации») либо способом уклонения, либо способом разрушения. Творческий потенциал в этом случае должен быть действительно разрушительным, так как «пространство», занятое ложным представлением может быть «освобождено» только насилием. Само собой разумеется, я не имею в виду насилие по отношению к индивидуумам — которое в этом случае было бы крайне бесполезно, хотя и соблазнительно — но насилие по отношению к организациям. Я допускаю, что в и обеих стратегических позициях (уклонение и разрушение) я еще не разработал очень много специфических и эффективных тактик — и, конечно, тактик жизненно необходимых, так как мы определенно должны прорваться через призрачное царство идеологии и изображения на реальное «поле битвы», которую можно сравнить с войной. Последнее, что нужно нам в этой борьбе — более наивные теории относительно захвата средств массовой информации, ведении подрывной работы изнутри или освобождении радиоволн. Дайте мне один пример радикального поглощения главных средств информации, я заткнусь и буду просить работу в PBS (public broadcast systems — местные кабельные телевизионные сети в США — прим.ред.), или начну смотреть кругом в ожидании нескольких миллионов долларов.

Постоянные автономные зоны

Источник: [здесь](#)

Теория временных автономных зон (ВАЗ) занимается, по возможности, не утопиями, но явлениями возникающими или уже существующими. По всему миру люди: покидают Сеть Отчуждения или "исчезают" себя из нее. Пытаясь разными способами восстановить человеческие контакты. Интересный пример этого - на уровне "городского фольклора" - повсеместное распространение групп и конференций "по интересам". Недавно мне попались на глаза фэнзины двух таких групп - "Crown Jewels of High Wire" (посвященный коллекционированию стеклянных изоляторов для ЛЭП) и журнал об изучении реторт и перегонных кубов (под названием "Тыквы"). Эти увлечения высвобождают огромное количество творческой энергии. Разнообразные периодические встречи товарищей по безумию превращаются в настоящие, непосредственные праздники эксцентризма. Свои ВАЗ, свои кочевые стоянки и ночи освобождения от Консенсуса ищет не только "контркультура". В рамках каждого "класса", каждой субкультуры" появляются самоорганизующиеся автономные группы. Огромные куски Вавилонской империи сейчас практически опустели; там живут только масс-медийные призраки и несколько психованных полицейских.

Теория ВАЗ осознает, что это происходит, - мы говорим не о "следовало бы" и не о "будет", но о движении, существующем уже сейчас. Наша работа с разнообразными мысленными экспериментами, с утопической поэтикой, с параноидальным критицизмом и т.д. имеет целью прояснить это сложное и пока что почти не описанное движение, дать ему теоретическое обоснование и способ осознать себя и предложить тактики, вытекающие из согласования общих стратегий. Мы выполняем функцию повивальной бабки или панегириста, никак не "авангарда"!

И поэтому нам приходится осмыслить эмпирический факт: не все из существующих автономных зон "временные". Некоторые из них - по крайней мере, по замыслу - более или менее "постоянные". Какие-то из трещин в Вавилонском Монолите настолько пусты, что целые группы могут проникнуть в них и там поселиться. Чтобы осознать это явление и использовать его как можно полнее, были развиты некоторые теории, такие как теория "пермакультуры". "Деревни", "коммуны", "сообщества", даже "ковчеги", "биосферы" и другие модели утопического города уже находятся в стадии эксперимента и реализации. Однако и здесь теория ВАЗ может предложить полезные мысленные модели и кое-что прояснить. Итак, каковы же поэтика ("способ делать") и политика ("способ сосуществовать") "постоянной" ВАЗ (то есть "ПАЗ")? Какова на самом деле связь между временным и постоянным? И как! ПАЗ может периодически обновлять и освежать себя, используя

"фестивальный" аспект ВАЗ?

ВОПРОС ГЛАСНОСТИ

Недавние события в США и в Европе показали, что самоорганизованные автономные группы вызывают у Государства ужас. Движение MOVE в Филадельфии, последователи Кореша в Вако, фанаты "Grateful Death", "Хранители Радуги", хакеры-компьютерщики, сквоттеры и другие - все они, с той или иной интенсивностью, стали мишенью для геноцида. И, тем тем не менее, другие автономные группы остаются незамеченными или, по крайней мере, избегают преследований. В чем разница? Один из факторов, возможно - злокачественный эффект гласности/информационного освещения. СМИ, как вампиры, жаждут кровавой пасхальной мистерии "терроризма" - принятого в Вавилоне публичного ритуала с искуплением вины, назначением козлов отпущения и принесением человеческих жертв. Как только какая-либо автономная группа попадает под этот "взгляд", пиши пропало - СМИ непременно устроят мини-Армагеддон, дабы удовлетворить собственную наркотическую зависимость от смерти и зрелищ. Но ПАЗ по определению есть прекрасная цель для подобной масс-медийной "умной бомбы". Все, что ждет автономную группу внутри её осажденного жилища это дешевая предсказанная заранее мученическая смерть. По-видимому, такая судьба привлекает только невротических мазохистов. Так или иначе, большая часть групп предпочтет прожить отведенный им естественный срок и пройти свой путь в тишине и покое. И здесь хорошая тактика: избегать любого освещения в СМИ- так, как если бы это была буквально чума. Для этого полезно некоторое количество естественной паранойи - лишь бы только она не превращалась из средства в цель. Чтобы тебе позволили быть храбрым, надо быть хитрым. Немного маскировки, способность к невидимости, чувство такта, принятое как тактика... все это полезно не только для ВАЗ, но и для ПАЗ. Скромные предложения: используйте только "камерные" средства информации (самиздат, телефонные списки, BBS, бесплатное радио и мини-FM, каналы публичного доступа по кабельному телевидению и т.д.) - избегайте конфронтации и мачистских, скандальных поз. Чтобы оправдать свое существование, вам не нужны пять секунд в новостях под заголовком "Полиция обыскивает логово секты". Полезный лозунг: "Жизнь, а не стиль жизни".

Доступ

По-видимому, люди должны иметь право самим выбирать, с кем им жить. Коммуны "с открытым доступом" всякий раз переполняются нахлебниками и жалкими сексуально озабоченными уродами. ПАЗ должны сами выбирать себе жителей, "элитаризм" тут не при чем. Возможно, следует устраивать временные открытые мероприятия - организовывать фестивали, раздавать бесплатную пищу и т.д. - но нет никакой нужды постоянно держать двери открытыми для всякого пробегающего мимо самопровозглашенного "симпатизанта".

РЕАЛЬНОЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Еще раз повторим, это происходит уже сейчас - но чтобы увидеть это в четком фокусе, нужно еще много работы. Субэкономики "черного рынка", трансакций без уплаты налога, бартера и т. д. сейчас сильно ограничены и имеют лишь местное значение. BBS и другие сетевые системы могли бы помочь связать эти региональные/маргинальные "экономики" (в смысле "управления домашним хозяйством") в жизнеспособную альтернативную экономику заметной величины. Что-то похожее уже описал П.М. в проекте "боло-боло"... На самом деле, разработано уже несколько подобных систем, по крайней мере в теории.

Важнейший вопрос таков: как построить настоящую альтернативную экономику, то есть экономику полную и самодостаточную, не привлекая внимания налоговой службы и прочих цепных псов капитализма? Как мне обменять мой опыт, скажем, сантехника или самогоноварителя на книги, пищу, жилье и психоактивные растения, не платя налогов или даже вообще не пользуясь фальшивой монетой, выпущенной Государством?

Как вести комфортабельную, даже роскошную жизнь, не вступая ни в какие взаимоотношения или трансакции с Миром Товара? Если бы можно было взять всю энергию, потраченную левыми на демонстрации, и всю энергию, потраченную либертарианцами на бессмысленные идиотские игры в "третью партию", и все это направить на построение реальной подпольной экономики, "революция" произошла бы давным-давно.

"МИР" ЗАКОНЧИЛСЯ В 1972 ГОДУ"

Опустошенное чучело Абсолютного Государства окончательно рассыпалось в 1989 году. Капитализм, последняя идеология - не более чем экзема на коже Позднейшего Неолита. Это машина желаний на холостом ходу. Я надеюсь дожить до его полного разжижения, как на картинах Дали. И когда гнойник прорвется, хотелось бы иметь место, куда деться. Разумеется, смерть Капитализма вовсе необязательно повлечет уничтожение всей человеческой культуры монструозными godzillami; это всего лишь фильм ужасов, самим Капитализмом пропагандируемый. Все же естественно ожидать, что загипнотизировавший сам себя труп будет корчиться в спазмах, прежде чем наступит последнее окоченение, - и не слишком умно пережидать шторм в Лос-Анджелесе или в Нью-Йорке. (А шторм, возможно, уже начался.) [С. другой стороны, Нью-Йорк и Лос-Анджелес - не худшие возможные места для создания Нового Мира; можно представить себе районы, целиком захваченные сквоттерами; уличные шайки, превратившиеся в Народную Милицию, и т.д.] Так вот, цыганско-бродяжнический образ жизни, возможно, хороший ответ на продолжающееся разложение Слишком Позднего Капитализма - но я лично предпочел бы старый добрый анархистский монастырь где-нибудь далеко - традиционное место, в котором "ученые" переживают "Темные века". Чем в большей степени мы организуем это сейчас, тем проще нам будет потом Я не говорю о "выживании" - меня не интересует только "выживание". Я

хочу процветать. Назад в Утопию.

ПРАЗДНЕСТВА

ПАЗ выполняет ключевую функцию узла в сети ВАЗ, места встречи для широкого круга друзей и союзников, которые не обязательно постоянно живут на "ферме" или в "лесах". В древности в деревнях устраивали ярмарки - община богатела, путешественники могли торговать, и для всех участников создавалось особое, праздничное пространство/время. В наши дни праздник становится важнейшей формой собственно ВАЗ, но также может приносить обновление и свежие силы для ПАЗ. Я помню, как читал где-то, что в Средние века в году было сто одиннадцать праздничных дней мы должны это принять в качестве "утопической программы-минимум" и стремиться к большему. (Примечание: Утопическая программа-минимум, предложенная Ш. Фурье, включала в себя больше еды и секса, чем мог позволить себе средний французский аристократ XVIII века; Б. Фуллер для аналогичной концепции предложил термин "абсолютный минимум".]

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Я считаю, что есть много вполне эгоистических и рациональных причин предпочитать "органическое" (оно сексуальнее), "естественное" (оно лучше на вкус), "зеленое" (оно красивее), Дикое (оно больше волнует). *Communitas* в терминологии П. Гудмена, или *convivality* ("компанейскость"), в терминах И. Иллича - попросту приятнее, чем их противоположность. Живая земля не обязательно противоречит органичному городу - маленькому, но страстному человеческому клубку, отданному искусствам и слегка декадентским прелестями цивилизации, очищенной от принудительного одиночества и гигантомании. Но даже те из нас, кому больше нравятся города, видят непосредственный гедонистический смысл в борьбе за окружающую среду Мы - воинствующие биофилы . Глубинная экология, социальная экология. пермакультура, соответствующие технологии... мы не слишком разборчивы в лозунгах, Пусть расцветает тысячи цветов.

ТИПОЛОГИЯ ПАЗ

"Безумная религия" или бунтарское направление в искусстве могут стать чем-то вроде нелокальной ПЛЗ- как более интенсивная, чем обычно, поглощающая целиком группа по интересам. Другая модель ПАЗ без географических границ - тайное общество (вроде китайских тонгов). Но "идеальный вариант" - это то свободное пространство, которое прорастает в свободное время. Сутью ПЛЗ должно стать постоянное усиление, бесконечное растяжение во времени всех радостей - и опасностей - присущих ВАЗ. Продолжением же и усилением самой ПАЗ станет... Утопия здесь и сейчас.

Dreemtime 1993

Из книги: Хаким Бей "ХАОС И АНАРХИЯ", Гилея, 2002г.